

Журнал основан в 2008 г.
Выходит ежеквартально

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77–70644 от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 42059

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:

430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Главный редактор Н. П. Макаркин

Дата выхода 10.11.2023.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 100 экз.).
Цена свободная. Заказ № 714

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2023

The journal was founded in 2008.
Published quarterly

Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media Certificate ПИ № ФС77–70644 August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign countries

Subscribe index: 42059,
Catalog “The Press of Russia”

Founder and Publisher:

Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“National Research
Ogarev Mordovia
State University”
68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

Editorial board:

68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia
Phone: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Editor in Chief N. P. Makarkin

Released on November 10, 2023.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 12.0.
Circulation 1000 copies (1st – 100 copies).
Free price. Order No. 714

Printed in the Publishing House of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2023

Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его наукометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Материалы Журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

The editorial board of the journal "Finno-Ugric World" is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers "Ethical Principles of Journal Publications".

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such "help".

The "Finno-Ugric World" is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

All the materials of the "Finno-Ugric World" journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

- Макаркин Николай Петрович** – председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrso.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@gmail.com
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchikova@mail.ru
- Вичинене Дайва** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com
- Глухова Наталья Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Центра гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gluhnatalia@mail.ru
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.ilkhkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kornishina@rambler.ru
- Лууттонен Иорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi
- Мартьянова Марина Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Россия), martynova@iea.ras.ru
- Матичак Шандор** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Миннихметова Татьяна Гильничихметовна** – доктор философии, независимый исследователь Института Европейской этнологии Инсбрукского университета (г. Инсбрук, Австрия), minnijah@hotmail.com
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Россия), mordvarf@mail.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@rambler.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor.porov@mail.ru
- Пустаи Янош** – доктор филологии, профессор, директор НН «Collegium Fennougricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos.pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Родняков Алексей Викторович** – секретарь совета, заместитель руководителя Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), aleviro@mail.ru
- Сеиленталь Тыну** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seiilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunfg@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шилов Николай Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и менеджмента НОУ ВО «Московский социально-педагогический институт» (г. Москва, Россия), n.shilov@uni21.org
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru

- Nikolay P. Makarkin** – Chairman of the Board, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Olga V. Bahlova** – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@gmail.com
- Nikolay I. Boyarkin** – Doctor of Arts, Professor, Lead Research Fellow, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bojarkin_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Daiva Vyčiniėnė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Natalia N. Glukhova** – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, Center for Humanitarian Education, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia), gluhatalia@mail.ru
- Igor L. Zherebtsov** – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illhkomic.su
- Olga P. Ilukha** – Doctor of History, Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), iljuha@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph. D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratieva** – Doctor of Philology, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), kornishina@rambler.ru
- Jorma Luutonen** – Ph. D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Marina Yu. Martynova** – Doctor of History, Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia), martynova@iea.ras.ru
- Sándor Maticsák** – Ph. D. {Philology}, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Tatiana G. Minniyahmetova** – Ph. D., Independent Researcher, Institute for European Ethnology, University of Innsbruck (Innsbruck, Austria), minnijah@hotmail.com
- Yuri A. Mishanin** – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvarf@mail.ru
- Natalya M. Mosina** – Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Irma I. Mullenon** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), mullenon@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Doctor of Arts, Lead Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Doctor of History, Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor_popov@mail.ru
- János Pusztay** – Ph. D. {Philology}, Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com
- Anatoly N. Rakin** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), anatolij.rakin@mail.ru
- Aleksei V. Rodniakov** – Secretary of the Board, Deputy Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), aleviro@mail.ru
- Tõnu Seilenthal** – Ph. D. {Philology}, Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse** – Ph. D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouze@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph. D. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Nikolai V. Shilov** – Doctor of History, Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences and Management, Moscow Social Pedagogical Institute (Moscow, Russia), n_shilov@uni21.org
- Galina E. Shkalina** – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Н. А. Агафонова, И. Н. Рябов, Г. В. Рябова. Варьирование суффиксов объектного спряжения будущего и прошедшего времени в эрзянском диалектном ареале 264
- А. В. Камитова. Смысловое наполнение удмуртских слов *осто* и *козма* в письменных источниках конца XIX – начала XX в. 274
- И. П. Новак, С. В. Нагурная. Лингвистический анализ карельского языкового материала словаря П. С. Палласа 287

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- А. И. Ажигулова, Н. В. Чернышева, С. Н. Уваров. Динамика брачного состояния удмуртов Удмуртии в 1959–1989 гг. 301
- Г. А. Корнишина, А. Е. Новослов. Семейно-брачная структура мордовского населения в историческом аспекте 310
- Г. Ю. Устьянцев. Представления о «том свете» в текстах и практиках марийской культуры 321

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Е. В. Каракин, Т. В. Пашкова. Красный цвет в лингво- и этнокультуре карелов 334
- С. В. Коробейникова. Этно- и социолингвистические основы мотивации изучающих финский язык в Петрозаводском государственном университете 343
- Е. Н. Ломшина, Е. Н. Антипкина, Ю. А. Кондратенко. Российские грантовые фонды как инструмент продвижения проектов в сфере культуры и искусства (на примере Республики Мордовия) 356
- Т. А. Шигурова. Нагрудные украшения середины XIX в. в мокшанском женском костюме Инсарского уезда: локальный вариант сел Левжа, Перхляй, Сузгарье 368

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

- В. Н. Максимов. Габору Берецки – 95 380

PHILOLOGY

N. A. Agafonova, I. N. Ryabov, G. V. Ryabova. The variation of the objectal conjugation suffixes in the Erzya dialect area	264
A. V. Kamitova. The semantic content of the Udmurt words <i>osto</i> and <i>kozma</i> in written sources of the late XIX and early XX centuries	274
I. P. Novak, S. V. Nagurnaya. Linguistic analysis of Karelian language material in P. S. Pallas's dictionary	287

HISTORICAL STUDIES

A. I. Azhigulova, N. V. Chernysheva, S. N. Uvarov. Dynamics of marital status among the Udmurts in Udmurtia from 1959 to 1989	301
G. A. Kornishina, A. E. Novoslov. Family and marriage structure of the Mordovian population in a historical context	310
H. Yu. Ustyantsev. Concepts of the “otherworld” in the texts and practices of Mari culture	321

CULTURAL STUDIES

J. V. Karakin, T. V. Pashkova. Red color in the linguo- and ethnoculture of the Karelians	334
S. V. Korobeynikova. Ethno- and sociolinguistic foundations of motivation for learning the Finnish language at Petrozavodsk State University	343
E. N. Lomshina, E. N. Antipkina, Yu. A. Kondratenko. Russian grant foundations as a tool for promoting projects in culture and arts (with a focus on the Republic of Mordovia)	356
T. A. Shigurova. Breast decorations of the middle of the XIX century in the Moksha women's costume of the Insar district: a local version of the villages of Levzha, Perkhlyai, Suzgarye	368

EVENTS, PEOPLE, BOOKS

V. N. Maksimov. Gábor Bereczki – 95	380
---	-----

Варьирование суффиксов объектного спряжения будущего и прошедшего времени в эрзянском диалектном ареале

Нина Афанасьевна Агафонова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Иван Николаевич Рябов

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

*Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН,
Москва, Россия*

Галина Викторовна Рябова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Объектное спряжение глагола в эрзянском диалектном ареале обладает развитой и сложной структурой словоформ, морфологический состав которых характеризуется варьированием суффиксов субъекта и объекта. Варьирование суффиксов в словоформах объектного спряжения обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, во многом связанными с дисперсным проживанием мордовского населения. Цель статьи заключается в выявлении и описании варьирования суффиксов в парадигмах объектного спряжения будущего и прошедшего времени ряда *мон сонзэ* 'я его' в эрзянском диалектном ареале.

Материалы и методы. Варианты суффиксов объектного спряжения зафиксированы авторами на основе полевых материалов, собранных во время лингвистических экспедиций в местах компактного проживания эрзи. Сбор диалектного материала проводился по программе-вопроснику, отражающей лексическое, фонетическое и морфологическое варьирование языковых явлений. При анализе языкового материала в работе использовались описательный и сравнительно-исторический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Структурный анализ вариантов суффиксов объектного спряжения выявил, что в них отсутствует единый порядок расположения морфологических маркеров объекта, субъекта и времени действия. Маркеры субъекта и объекта могут находиться как после глагольной основы, так и в конце словоформы. Они не имеют фиксированного положения в структуре суффикса. Результаты анализа парадигм объектного спряжения будущего и прошедшего времени свидетельствуют о том, что структура суффиксов *-sat/-cat* и *-iñat/-iñat'* является самой логичной и последовательной. В этих суффиксах сохранились все формальные компоненты, отражающие семантику ряда *мон сонзэ* 'я его' объектного спряжения эрзянского глагола.

Заключение. Полевой материал показал, что реализация суффиксов в парадигмах объектного спряжения разных диалектов и говоров эрзянского языка неоднородна. В одних диалектах и говорах структура анализируемых суффиксов прозрачна, логична и последовательна, в других – суффиксы утратили один из формальных показателей объекта или субъекта.

Ключевые слова: эрзянский язык, диалекты, объектное спряжение, парадигма, будущее время, прошедшее время, субъект, объект

Для цитирования: Агафонова Н. А., Рябов И. Н., Рябова Г. В. Варьирование суффиксов объектного спряжения будущего и прошедшего времени в эрзянском диалектном ареале // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 264–273. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.264-273.

Введение

Эрзянский диалектный ареал обладает развитой и сложноорганизованной системой глагола. Особое место в этой системе занимает категория спряжения. В мордовских языках глагол имеет два типа спряжения: безобъектное и объектное. Формы

безобъектного спряжения употребляются для выражения лица и числа субъекта. Безобъектные формы характерны как для транзитивных, так и для нетранзитивных глаголов. Формы глаголов объектного спряжения выражают лицо и число

субъекта, а также лицо и число объекта действия. Глагол в объектном спряжении имеет формы будущего и прошедшего времени. В зависимости от числа объектов, на которые может быть направлено действие, выделяются шесть рядов: *монь* 'меня', *тонь* 'тебя', *сонзэ* 'его', *минек* 'нас', *тынк* 'вас', *сынст* 'их'. Формами объектного спряжения обладают только транзитивные глаголы. Глагол в этом случае чаще всего отражает определенность и законченность действия.

В уральских языках формы объектного спряжения встречаются также в венгерском, обско-угорских и самодийских языках. По мнению Б. А. Серебренникова, структура форм объектного спряжения глагола в мордовских языках по сравнению с венгерским, мансийским, хантыйским и самодийскими языками является наиболее сложной и запутанной [10, 169]. Так, в эрзянском диалектном ареале в ряде *мон сонзэ* 'я его' зафиксировано варьирование суффиксов объектного спряжения будущего и прошедшего времени, различающихся морфологическими маркерами объекта и субъекта. Структура одних суффиксов прозрачна, логична и последовательна, другие суффиксы утратили один из формальных показателей объекта или субъекта.

Обзор литературы

Сведения об объектном спряжении мордовских языков представлены в первых грамматиках эрзянского и мокшанского языков Х. Габеленца [18], А. Алквиста [16], Ф. Видемана [21], Й. Буденца [17]. Парадигмы объектного спряжения также даны в работах Х. Паасонена [22; 23], А. А. Шахматова [15].

Изучению субъектно-объектного спряжения в мордовских кодифицированных языках была посвящена кандидатская диссертация П. Г. Матюшкина¹.

¹ См.: Матюшкин П. Г. Объектное спряжение глагола в мордовских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973.

² См.: Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков: Фонетика и морфология. Саранск, 1962; Грамматика мордовских языков: Фонетика, графика, орфография, морфология. Саранск, 1980; Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология: вузоль эрзянь ды финнэнь отделениянь тонавниятень туртов. Саранск, 2000.

³ См.: Агафонова Н. А., Рябов И. Н., Рябова Г. В. Программа по сбору диалектного материала эрзянского языка. Саранск, 2018.

Парадигмы объектного спряжения в той или иной степени описаны во всех грамматиках мордовских языков². Отдельные вопросы по объектному спряжению рассматривались в работах М. Е. Евсевьева [5], Д. В. Бубриха [4], П. Равилы [20], Б. А. Серебренникова [10; 11], К. Е. Майтинской [7], Т. М. Тихоновой [12; 13], Л. Керестеша [19], В. П. Цыпкайкиной [14], Н. А. Агафоновой [1; 3], И. Н. Рябова [3; 8].

Материалы и методы

Фактический материал для исследования был собран авторами во время диалектологических экспедиций как на территории Республики Мордовия, так и в местах компактного проживания эрзи за ее пределами в период с 2010 по 2022 г.

Фиксация языкового материала проводилась с помощью программы-вопросника, отражающей лексическое, фонетическое и морфологическое варьирование мордовских диалектов и говоров³.

Диалектный материал приводится в финно-угорской фонетической транскрипции. При анализе языкового материала в работе использовались описательный и сравнительно-исторический методы.

Результаты исследования и их обсуждение

В эрзянских диалектах и говорах структура суффиксов объектного спряжения отличается от соответствующих суффиксов кодифицированного языка. Расхождения в системе спряжения эрзянского диалектного ареала являются следствием того, что системы спряжений отдельных диалектов приобрели современный облик за счет изменений, происшедших в ходе обособленного развития. В этих диалектах, сформировавшихся после переселения, встречаются, с одной стороны, те же языковые явления, которые характерны для диалектов переселенцев на прежних местах жительства, а с

Таблица 1. Будущее время объектного спряжения ряда *сонзэ* ‘его’
 Table 1. Future tense of the objectal conjugation of the series *sonze* ‘his’

Субъект	Объект <i>сонзэ</i> ‘его’						
	Заволжье и Южный Урал	ю-в.д. и смш.д.		с-з.д.	ц.д., з.д., ю-в.д.	э.л.	рус.
1 л. <i>мон</i>	<i>an-caŕ</i> <i>večk-saŕ</i> <i>rama-saŕ</i>	<i>an-can</i> <i>večk-san</i> <i>rama-san</i>	<i>an-cań</i> <i>večk-sań</i> <i>rama-sań</i>	<i>an-caj</i> <i>večk-saj</i> <i>rama-saj</i>	<i>an-ca</i> <i>večk-sa</i> <i>rama-sa</i>	андса вечкса рамаса	я его накормлю я его полюблю я это куплю
2 л. <i>тон</i>	<i>an-cak</i> <i>večk-sak</i> <i>rama-sak</i>	<i>an-cak</i> <i>večk-sak</i> <i>rama-sak</i>	<i>an-cak</i> <i>večk-sak</i> <i>rama-sak</i>	<i>an-cak</i> <i>večk-sak</i> <i>rama-sak</i>	<i>an-cak</i> <i>večk-sak</i> <i>rama-sak</i>	андсак вечксак рамасак	ты его накормишь ты его полюбишь ты это купишь
3 л. <i>сон</i>	<i>an-cj</i> <i>večk-sj</i> <i>rama-sj</i>	<i>an-cə</i> <i>večk-sə</i> <i>rama-sə</i>	<i>an-cj</i> <i>večk-sj</i> <i>rama-sj</i>	<i>an-cazok/</i> <i>an-cazo</i> <i>večk-sazok/</i> <i>večk-sazo</i> <i>rama-sazok/</i> <i>rama-sazo</i>	<i>an-cj</i> <i>večk-sj</i> <i>rama-sj</i>	андсы вечксы рамасы	он его накормит он его полюбит он это купит

другой – нехарактерные для них новообразования [2, 209–210; 9, 219].

В эрзянском диалектном ареале нами зафиксированы разные варианты суффиксов объектного спряжения будущего и прошедшего времени. Собранный полевой материал показал, что реализация суффиксов в парадигмах объектного спряжения разных диалектов и говоров эрзянского языка неоднородна. В некоторых диалектах и говорах структура анализируемых суффиксов прозрачна, логична и последовательна, в других – суффиксы утратили один из формальных показателей объекта или субъекта.

Особый интерес в парадигмах спряжения представляет ряд *мон сонзэ* ‘я его’, где расположение маркеров объекта, субъекта и времени действия не имеет фиксированного порядка. Маркеры субъекта и объекта могут находиться как после глагольной основы, так и в конце словоформы.

Будущее время

Варьирование суффиксов будущего времени объекта ряда *сонзэ* ‘его’ и субъектов *мон* ‘я’, *тон* ‘ты’, *сон* ‘он’ представлено в табл. 1.

В приведенной таблице особый интерес представляют глагольные формы с субъектом действия *мон* ‘я’. В эрзянском диалектном ареале в этих формах зафиксировано варьирование суффиксов будущего времени, ср.: *-sa/-ca*, *-saj/-caj*, *-san/-can*, *-sań/-cań*, *-saŕ/-caŕ*. Данные суффиксы различаются структурой и семантикой формальных компонентов. В структуре одних отдельно представлены маркеры объекта, субъекта и времени, в других наблюдается отсутствие какого-либо из этих формальных показателей.

Как показывают приведенные ниже примеры, реализация суффиксов будущего времени в эрзянском диалектном ареале неоднородна. В кодифицированном языке и во многих диалектах используется суффикс *-sa/-ca* (см. примеры 1–3).

В отдельных говорах северо-западного диалекта на территории Республики Мордовия и говорах Чувашской Республики зафиксировано параллельное употребление суффиксов *-sa/-ca* и *-saj/-caj*: *pala-sa – pala-saj* ‘я поцелую его’; *an-ca – an-caj* ‘я накормлю его’; *sasa-sa – sasa-saj* ‘я догоню его’; *učo-sa – učo-saj* ‘я подожду его’; *van-ca – van-caj* ‘я посмотрю его (это)’.

(1)	<i>тон</i>
я	<i>saj-s-a</i>
взять-3SG.OBJ-FUT.1SG.SBJ.O	<i>ejkakš-o-ń-ť</i>
ребенок-INT-ACC-DEF.SG	<i>škola-sto</i> (мкш.)
школа-ELA
‘Я возьму этого ребенка из школы’;				
(2)	<i>тон</i>
я	<i>šulma-s-a</i>
вязать-3SG.OBJ-FUT.1SG.SBJ.O	<i>šeja-ń-ť</i>
коза-ACC-DEF.SG	<i>kudo</i>
дом
‘Я привяжу эту козу за домом’;				
(3)	<i>тон</i>
я	<i>pu(t)-c-a</i>
положить-3SG.OBJ-FUT.1SG.SBJ.O	<i>kojme-ń-ť</i>
лопата-ACC-DEF.SG	<i>tarka-z-o-nzo</i> (п.твл.)
место-ILLA-INT-POSS.3SG.PL
‘Я поставлю эту лопату на свое место’;				

- (4) *mon* *kelk-s-a-n* *tele-t* (сбв.)
я любить-3SG.OBJ-FUT.PRES-1SG.SBJ.O зима-ACC.DEF.SG
'Я люблю эту зиму';
- (5) *beta-s-a-n* *vaz-i-n-t* *pire-stę* (шгр.)
вести-3SG.OBJ-FUT-1SG.SBJ.O теленок-INT-ACC-DEF.SG огород-ELA
'Я приведу теленка из огорода';
- (6) *vandj* *pan-c-a-n* *gaz-a-n-t* *kis* (пзлк.)
завтра гнать-3SG.OBJ-FUT-1SG.SBJ.O газ-INT-ACC-DEF.SG за-POST
'Завтра я заплачу за газ';
- (7) *moł-a-n* *kan-c-a-n* *řiftimbar-i-s-t* (ивнк.)
идти-PRES-1SG нести-3SG.OBJ-FUT-1SG.SBJ.O маслобойка-INT-3POSS-PL
'Я пойду отнесу их маслобойку';
- (8) *ečke* *řiks-i-n-t* *saj-s-a-t* (акс.)
толстый веревка-INT-ACC-DEF.SG взять-1SG.SBJ-FUT-3SG.OBJ.O
'Я возьму эту толстую веревку';
- (9) *moł-a-n* *mon-dak* *kan-c-a-t* (квц.)
идти-PRES-1SG я-1SG-ENCL нести-1SG.SBJ-FUT-3SG.OBJ.O
'Пойду и я отнесу это';
- (10) *revj-n-t* *řulma-s-a-t* *řiri* *ře-s* (ст.узл.)
овца-ACC-DEF.SG привязать-1SG.SBJ-FUT-3SG.OBJ.O огород конец-ILLA
'Я привяжу эту овцу в конец огорода';
- (11) *vandj* *pañ-c-a-t* *skal-i-m* *stada-s* (нкн.)
завтра гнать-1SG.SBJ-FUT-3SG.OBJ.O корова-INT-ACC.1SG.POSS стадо-ILLA
'Завтра я погоню мою корову в стадо'.

Структура суффикса *-sa/-ca* относительно прозрачна. В ней компонент *-s/-c-* является формантом объекта ряда *сонзэ* 'его', а компонент *-a* – формантом будущего времени.

В суффиксе *-saj/-caj* сохранился древний показатель настоящего (будущего) времени *k-aj* [11, 189]. Однако в суффиксах *-sa/-ca* и *-saj/-caj* отсутствует формальный показатель субъекта *мон* 'я'.

Суффиксы *-san/-can* и *-sañ/-cañ* встречаются в смешанных говорах на территории Республики Мордовия, в говорах Пензенской, Ульяновской и Саратовской областей (см. примеры 4–7).

В глагольных формах объектного спряжения в суффиксе *-san/-can* и *-sañ/-cañ* элемент *-n/-ñ* является показателем субъекта действия 1 лица, который, по мнению Б. А. Серебренникова, заимствован из сферы безобъектного спряжения [10, 189].

В эрзянских диалектах и говорах Заволжья и Южного Урала в глагольных формах будущего времени в ряде *мон сонзэ* 'я его' встречается суффикс *-sat/-cat* (см. примеры 8–11).

Особый интерес в суффиксе *-sat/-cat* представляет семантика элемента *-t*. Вызывает сомнение утверждение Г. И. Ермушкина, что суффикс *-t* в этих словоформах употребляется для маркировки субъекта действия в форме 1 лица единственного числа ряда *сонзэ* 'его' по объектному спряжению настоящего времени [6, 82]. По всей вероятности, при анализе компонентов этого суффикса он опирается на семантику и месторасположение суффикса субъекта *-n* в соответствующей морфеме *-san/-can*, где компонент *-s/-c-* – объект действия (*сонзэ* 'его'), *-a* – суффикс будущего времени, *-n* – субъект действия (*мон* 'я').

По нашему мнению, структура суффикса *-sat/-cat* состоит из следующих компонентов: *-s/-c-* – объект действия (*сонзэ* 'его'), *-a* – суффикс будущего времени, *-t* – объект действия (*сонзэ* 'его'). Как видим, в этом суффиксе объект выражен дважды, но отсутствует формальный показатель субъекта 1 лица *-n*. В суффикс объекта *-t* объединились семантика субъекта 1 лица и объекта *сонзэ* 'его'. Вероятно, в перво-

Таблица 2. Прошедшее время объектного спряжения ряда *сонзэ* ‘его’

Table 2. Past tense of objectal conjugation of the series *sonze* ‘his’

Субъект	Объект <i>сонзэ</i> ‘его’						
	Заволжье и Южный Урал	Ю.-В.Д. и СМШ.Д.		С.-З.Д.	Ц.Д., З.Д., Ю.-В.Д.	Э.Л.	рус.
1 л. <i>мон</i>	<i>and-ijnat/ and-ijat večk-ijnat/ večk-ij'at ram-ijnat/ ram-ij'at</i>	<i>and-ijan</i>	<i>and-ijañ</i>	<i>and-ija</i>	<i>and-ija</i>	андыя	я его накормил
		<i>večk-ijan/ večk-ijan</i>	<i>večk-ijañ</i>	<i>večk-ija</i>	<i>večk-ij'a</i>	вечкия	я его любил
		<i>ram-ijan</i>	<i>ram-ijañ</i>	<i>ram-ija</i>	<i>ram-ija</i>	рамия	я это купил
2 л. <i>тон</i>	<i>and-ik večk-ik ram-ik</i>	<i>and-ik večk-ik ram-ik</i>	<i>and-ik večk-ik ram-ik</i>	<i>and-ik večk-ik ram-ik</i>	<i>and-ik večk-ik ram-ik</i>	андык вечкик рамик	ты его накормил ты его любил ты это купил
3 л. <i>сон</i>	<i>and-izeť/ and-ize večk-izeť/ večk-ize ram-izeť/ ram-ize</i>	<i>and-ize</i>	<i>and-izi</i>	<i>and-izek/ and-ize</i>	<i>and-ize</i>	андызе	он его накормил
		<i>večk-ize</i>	<i>večk-izi</i>	<i>večk-izek/ večk-ize</i>	<i>večk-ize</i>	вечкизе	он его любил
		<i>ram-ize</i>	<i>ram-izi</i>	<i>ram-izek/ ram-ize</i>	<i>ram-ize</i>	рамызе	он это купил

начальной форме присутствовал формальный показатель субъекта 1 лица *-n*, стоящий перед маркером объекта *-ť*: *an-cañť* ‘я его накормлю’. Исторически для эрзянского языка нехарактерно стечение согласных. В процессе развития языка происходит выпадение согласного *-n* перед маркером объекта *-ť*. О былом наличии в этих формах маркера субъекта 1 лица *-n* свидетельствуют формы объектного спряжения с суффиксами *-san/-can* и *-sañ/-cañ*, а также формы прошедшего времени.

Прошедшее время

В эрзянском диалектном ареале в формах объектного спряжения зафиксировано варьирование суффиксов прошедшего времени: *-ija/-ija*, *-ijat/ -ijat'*, *-ijan/-ijan*, *-ijañ/-ijañ*, *-ijnat/-ijnat*.

Варьирование суффиксов прошедшего времени объекта ряда *сонзэ* ‘его’ и субъектов *мон* ‘я’, *тон* ‘ты’, *сон* ‘он’ отражено в табл. 2.

Среди представленных суффиксов самой логичной и последовательной структурой характеризуется суффикс *-ijnat/-ijnat*. Он состоит из следующих морфологических маркеров: *-i/-j-* – формант прошедшего времени, *-ñ-* – субъект действия (*мон* ‘я’), *-a-* – интерфикс, *-ť* – объект действия (*сонзэ* ‘его’). В нем сохранились все формальные компоненты, отражающие семантику ряда *мон сонзэ* ‘я его’ объектного спряжения эрзянского глагола. Суффикс *-ijnat/-ijnat* нами зарегистрирован только в диалектах и говорах Заволжья и Южного Урала на территории Самарской и Оренбургской областей (см. примеры 12–15).

- (12) *piñi-sti* *pañ-i-ñ-a-ť* *vaz-i-t* (акс.)
огород-ELA гнать-1PRET-1SG.SBJ-INT-3SG.OBJ.O теленок-INT-ACC-POSS.2SG
'С огорода я выгнал твоего теленка';
- (13) *sumka-m* *purn-i-ñ-a-ť* *dj* *marj-n-dj*
сумка-POSS.1SG собрать-1PRET-1SG.SBJ-INT-3SG.OBJ.O и C-POST-GEN-POSS.3SG
maks-i-ñ-a-ť (квц.)
дать-1PRET-1SG.SBJ-INT-3SG.OBJ.O
'Я собрал свою сумку и отдал с ним';
- (14) *veñst-i-ñ-a-ť* *te-ndj* *šorma-ñ-ť* (ст.брск.)
протянуть-1PRET-1SG.SBJ-INT-3SG.OBJ.O К-POST-DAT.POSS.3SG ПИСЬМО-ACC-DEF.SG
'Я протянул ему это письмо';
- (15) *kudo* *ikele* *čuvto-ñ-ť* *ozavt-i-ñ-a-ť* (крш.)
дом перед-POST дерево-ACC-DEF.SG посадить-1PRET-1SG.SBJ-INT-3SG.OBJ.O
'Перед домом я посадил это дерево';

- (16) *karška* *ramsí-ča-ń-ť* *kund-i-ń-a* *škola* *ikild'e* (н.сл.)
 картофель покупать-PTCP-ACC-DEF.SG поймать-1PRET-1SG.SBJ-3SG.OBJ.O школа перед
 'Я поймал покупателя картошки перед школой';
- (17) *uč-i-ń-a* *jalga-m* *dj* *sjrg'-i-ńik* *tonavńni-mj* (кбк.)
 ждать-1PRET-1SG.SBJ-3SG.OBJ.O друг-ACC.1SG.POSS и идти-1PRET-1PL.S учиться-INF
 'Я подождал моего друга, и мы пошли учиться';
- (18) *val-i-ń-a* *úedra* *úed'-i-ń-ť* (зркл.)
 лить-1PRET-1SG.SBJ-3SG.OBJ.O ведро вода-INT-ACC-DEF.S
 'Я вылил ведро воды';
- (19) *d'eda-ń* *kudj-ń-ť* *ikild'e úesi* *musjir-i-ń-ť*
 дед-GEN.1SG.POSS дом-GEN-DEF.SG перед весь мусор-INT-ACC-DEF.SG
purń-i-j-a-ť *dj* *pult-i-j-a-ť* (акс.)
 собрат-1PRET-1SG.SBJ-3SG.OBJ.O и жець-1PRET-1SG.SBJ-3SG.OBJ.O
 'Я собрал и сжег весь мусор перед домом деда';
- (20) *liút-i-j-a-ť* *lotka-m* *dj* *sjrg'-i-ń* *ujimě*
 выносить-1PRET-1SG.SBJ-INT-3SG.OBJ.O лодка-ACC.1SG.POSS и идти-1PRET-1SG.SBJ
pokš *úed'-ga* (ст.брск.) *plyť-Inf*
 большой вода-PROL плыть-INF
 'Я вытащил свою лодку и отправился плыть по большой воде';
- (21) *mon* *ež-i-j-a-ť štavti* *i* *ež-i-j-a-ť jovta*
 я не будить-NEG-1PRET-1SG.SBJ-INT-3SG.OBJ.O и не сказать-NEG-1PRET-1SG.SBJ-INT-3SG.OBJ.O
so-n-dě (м.дбр.)
 он-ACC-3SG.POSS
 'Я не разбудил его и не сказал о нем'.

В этих же говорах зафиксирован суффикс объектного спряжения *-ińa/-jńa*, который часто употребляется параллельно с суффиксом *-ińat/-jńat*. В суффиксе *-ińa/-jńa* отсутствует формальный показатель объекта *-ť*. Его функция условно передается компонентом *-a* (см. примеры 16–18).

В диалектах и говорах Заволжья и Южного Урала нами зарегистрирован суффикс прошедшего времени *-ijat/-ijat'*, в котором также выделяется морфологический маркер объекта *-ť*. Суффикс *-ijat/-ijat'* зафиксирован как в утвердительных, так и в отрицательных формах.

Структура суффикса *-ijat/-ijat'* следующая: *-i/-j-* – суффикс прошедшего времени, *-j-* – условный показатель субъекта, *-a-* – интерфикс, *-ť* – суффикс объекта. В этом суффиксе компонент *-j-* мы называем условным показателем субъекта, возникшим в результате выпадения настоящего маркера субъекта 1 лица единственного числа *-n*. В позиции между двумя гласными появляется *-j-*, которому формально переходит семантика субъекта: *paljńat' → palijat'* 'я ее поцеловал' (см. примеры 19–21).

Необходимо также отметить, что во многих диалектах и кодифицированном эрзянском языке формы прошедшего времени объектного спряжения передаются с помощью суффикса *-ija*. В книге «Эрзянь кель. Морфология» отмечается, что в форме *pid-i-j-a* 'я это сварил', образованной по аналогии с формой будущего времени *nidеса* 'я это сварю', компонент *-a* является показателем субъекта⁴. Однако диалектный материал свидетельствует, что в этой морфеме показателем субъекта служит компонент *-j-*, а семантика объекта условно выражается компонентом *-a-*, которому формально перешла семантика утраченного суффикса объекта *-ť*.

На основе диалектных данных развитие суффиксов прошедшего времени объектного спряжения можно представить следующим образом: *-ińat' → -ińa → -ija*.

Заключение

Как видим, эрзянский диалектный ареал обладает самыми разнообразными вариантами суффиксов объектного спряжения будущего и прошедшего времени

⁴ См.: Эрзянь кель. С. 178.

глагола ряда *мон сонзэ* ‘я его’. Анализ левого материала показал, что реализация суффиксов в парадигмах объектного спряжения разных диалектов и говоров эрзянского языка неоднородна. В одних диалектах и говорах структура анализируемых суффиксов прозрачна, логична и последовательна, в других – суффиксы утратили один из формальных показателей объекта или субъекта. Не регламентируется порядок следования маркеров объекта, субъекта и времени.

В эрзянских диалектах и говорах в парадигмах объектного спряжения ряда *мон сонзэ* ‘я его’ в суффиксах будущего времени *-sat/-cat* и прошедшего времени *-iñat/-iñat*, *-ijat/-ijat* нами зарегистрирован маркер объекта *-t*, который встречается только на территории Заволжья и Южного Урала. В своей структуре эти суффиксы, в отличие от соответствующих суффиксов кодифицированного языка и многих других диалектов эрзянского языка, сохранили все формальные компоненты, передающие семантику времени, субъекта и объекта.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Глоссы:

<i>1</i>	первое лицо
<i>2</i>	второе лицо
<i>3</i>	третье лицо
<i>ACC</i>	аккузатив
<i>DAT</i>	датель
<i>DEF</i>	определенное склонение
<i>ELA</i>	элатив
<i>ENCL</i>	частица
<i>FUT</i>	будущее время
<i>GEN</i>	генитив
<i>ILLA</i>	иллатив
<i>INF</i>	инфинитив
<i>INT</i>	интерфикс
<i>LAT</i>	латив
<i>NEG</i>	отрицание
<i>O</i>	объектное спряжение
<i>OBJ</i>	объект
<i>PL</i>	множественное число
<i>POSS</i>	посессив
<i>POST</i>	послелог
<i>PRES</i>	настоящее время
<i>PRET</i>	претерит
<i>PROL</i>	пролатив
<i>PTCP</i>	причастие
<i>S</i>	субъектное спряжение
<i>SBJ</i>	субъект
<i>SG</i>	единственное число

Языки, диалекты и говоры: **акс.** – говор с. Аксенкино Северного района Оренбургской области, **з.д.** – западный диалект, **зркл.** – говор с. Зерикла Абдулинского района Оренбургской области, **кбк.** – говор с. Кабаевка Северного района Оренбургской области, **ивнк.** – говор с. Ивановка Николаевского района Ульяновской области, **квц.** – говор с. Кивацкое Бугурусланского района Оренбургской области, **крж.** – говор с. Киржеманы Атяшевского района Республики Мордовия, **крш.** – говор с. Кирюшкино Бугурусланского района Оренбургской области, **м.дбр.** – говор с. Мордовское Добринно Северного района Оренбургской области, **мкш.** – говор с. Мокшалай Чамзинского района Республики Мордовия, **нкн.** – говор с. Нойкино Бугурусланского района Оренбургской области, **н.сл.** – говор с. Новые Сулли Ермакеевского района Республики Башкортостан, **пзлк.** – говор с. Пазелки Бессоновского района Пензенской области, **п.твл.** – говор с. Подлесная Тавла Кочкуровского района Республики Мордовия, **рус.** – русский язык, **сбв.** – говор с. Сабаево Кочкуровского района Республики Мордовия, **с-з.д.** – северо-западный диалект, **смш.д.** – смешанные диалекты, **ст.брск.** – говор с. Старое Борискино Северного района Оренбургской области, **ст.узл.** – говор с. Старые Узели Бугурусланского района Оренбургской области, **ц.д.** – центральный диалект, **шгр.** – говор с. Шугурово Большеберезниковского района Республики Мордовия, **э.л.** – эрзянский литературный язык, **ю-в.д.** – юго-восточный диалект.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова Н. А. Парадигмы объектного спряжения глагола и их особенности в эрзянском диалектном ареале // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 4. С. 113–118.
2. Агафонова Н. А. Экстралингвистические факторы и их роль в сохранении архаичных и инновационных явлений в эрзянских диалектах Заволжья // Финно-угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды. Саранск, 2020. С. 209–213.
3. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Структура словоформ глаголов будущего времени объектного спряжения в эрзянских диалектах Заволжья и Южного Урала //

- Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 3. С. 407–417. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-407-417.
4. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 272 с.
 5. Евсевьев М. Е. Основы мордовской грамматики // Избранные труды. Саранск, 1964. Т. 4. 472 с.
 6. Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М.: Наука, 1984. 141 с.
 7. Майтинская К. Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974. С. 316–326.
 8. Рябов И. Н. Особенности объектных парадигм глагола в эрзянских диалектах Заволжья и Южного Урала // Финно-угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды. Саранск, 2020. С. 214–218.
 9. Рябова Г. В. Лексикализация локальных падежных словоформ в эрзянских диалектах Самарской области // Финно-угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды. Саранск, 2020. С. 218–222.
 10. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.
 11. Серебренников Б. А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М.: Наука, 1964. 183 с.
 12. Тихонова Т. М. Артиклевые функции форм объектного спряжения глагола в мордовских языках. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1986. 40 с.
 13. Тихонова Т. М. Отражение формами объектного спряжения глагола прямого дополнения в мордовских языках // XVII Все-союзная финно-угорская конференция. Устинов, 1987. С. 194–196.
 14. Цыпкайкина В. П. Темпоральность в мордовских языках и принципы ее описания. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 211 с.
 15. Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник: В прил.: Описание села Оркина Саратов. уезда А. Н. Минха. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1910. 848 с.
 16. Ahlqvist A. Versuch einer Mokscha-Mordvinischen Grammatik. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861. 214 p.
 17. Budenz J. Mokska- és erza-mordvin nyelvtan // Nyelvtudományi Közlemények XIII. Budapest, 1876. Kötet 13. Old. 1–134.
 18. Gabelentz H. C. Versuch einer Mordwinischen Grammatik // Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Göttingen, 1839. Bd. 2. S. 235–284; 383–418.
 19. Keresztes L. Development of Mordvin Definite Conjugation. Helsinki, 1999. 266 p. (Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; 233).
 20. Ravila P. Ersämordwinisches Wörterverzeichnis aus Malyj Tolkaĵ. Helsinki, 1959. 110 p. (Journal de la Société Finno-Ougrienne; 61).
 21. Wiedemann F. J. Grammatik Der Ersämordwinischen Sprache: Nebst Einem Kleinen Mordwinisch-deutschen Und Deutsch-mordwinischen Wörterbuch. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1865. 261 p.
 22. Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. Zweite Auflage. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen IV. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1953. 159 p.
 23. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteraturgesellschaft, 1903. 123 p. (Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; 22).

Поступила 01.05.2023; одобрена 22.05.2023; принята 30.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Н. А. Агафонова – кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, ohanina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8751-2751>

И. Н. Рябов – кандидат филологических наук, декан филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва; ведущий научный сотрудник Института системного программирования им. В. П. Иванникова РАН, ryabov.74@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6760-4376>

Г. В. Рябова – кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, ryabova.gv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9789-9187>

The variation of the objectal conjugation suffixes in the Erzya dialect area

Nina A. Agafonova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Ivan N. Ryabov

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia,

Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Galina V. Ryabova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. The verb objectal conjugation in the Erzya dialect area has a developed and complex structure of word forms. Their morphological composition is characterized by varying subject and object suffixes. The variation of suffixes in the objectal conjugation word forms is attributed to linguistic and extratextual factors, largely related to the dispersed residence of the Mordovians. The purpose of the article is to identify and describe the variation of suffixes in the paradigms of the objectal conjugation of the future and past tenses of the *mon sonze* (I him) series in the Erzya dialect area.

Materials and Methods. Variants of the objectal conjugation suffixes have been recorded by the authors based on field materials collected during linguistic expeditions in the places of compact residence of the Erzya people. The collection of dialect material was carried out according to a questionnaire that reflects the lexical, phonetic, and morphological variation of linguistic phenomena. When analyzing linguistic materials, descriptive and comparative-historical methods were used.

Results and Discussion. The structural analysis revealed that in the analyzed suffixes there is no single order of the suffixes for object, subject and time of action. Subject and object markers can be placed both after the verb stem and at the end of the word form. They do not have a fixed position in the suffix structure. The analysis of the objectal conjugation paradigms of the future and past tenses showed that the structure of the suffixes *-sat/-cať u -iňat/-iňat'* is the most logical and consistent. They retained all the formal components that reflect the semantics of the series *mon sonze* (I him) of the Erzya verb objectal conjugation.

Conclusion. The field material showed that the implementation of suffixes in the objectal conjugation paradigms of different dialects of the Erzya language is not uniform. In some dialects, the structure of the analyzed suffixes is clear, logical and consistent, while in others, the suffixes have lost one of the formal indicators of an object or subject.

Keywords: the Erzya language, dialects, objectal conjugation, paradigm, future tense, past tense, subject, object

For citation: Agafonova NA, Ryabov IN, Ryabova GV. The variation of the objectal conjugation suffixes in the Erzya dialect area. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;3:264–273. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.264-273.

REFERENCES

1. Agafonova NA. Paradigms of object conjugation of the verb and their features in the Erzya dialect area. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia* = Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. 2014;4:113–118. (In Russ.)
2. Agafonova NA. Extralinguistic factors and their role in the preservation of archaic and innovative phenomena in the Erzya dialects of the Volga region. *Finno-ugorskie narody v kontekste formirovaniia obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti i meniaiushcheisia okruzhaiushchei sredy* = Finno-Ugric peoples in the context of the formation of All-Russian civil identity and the changing environment. Saransk; 2020:209–213. (In Russ.)
3. Agafonova NA, Ryabov IN. The structure of word forms of future tense verbs of object conjugation in the Erzya dialects of the Zavolzhye and Southern Urals. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2021;11;3:407–417. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-407-417.
4. Bubrikh DV. Historical grammar of the Erzya language. Saransk; 1953. (In Russ.)

5. Evseviev ME. Fundamentals of Mordovian grammar. *Izbrannye trudy* = Selected works. Saransk; 1963;4. (In Russ.)
6. Ermushkin GI. Areal research on Eastern Finno-Ugric languages (Erzya-Mordovian language). Moscow; 1984. (In Russ.)
7. Maitinskaia KE. Comparative morphology of the Finno-Ugric languages. *Osnovy finno-ugorskogo iazykoznanii: Voprosy proiskhozhdeniia i razvitiia finno-ugorskikh iazykov* = Fundamentals of Finno-Ugric linguistics: Issues of the origin and development of the Finno-Ugric languages. Moscow; 1974:316–326. (In Russ.)
8. Ryabov IN. Specificities of the verb object paradigms in the Erzya dialects of the Trans-Volga and South Ural regions. *Finno-ugorskie narody v kontekste formirovaniia obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti i meniaiushcheia okruzhaiushchei sredy* = Finno-Ugric peoples in the context of the formation of All-Russian civil identity and the changing environment. Saransk; 2020:214–218. (In Russ.)
9. Ryabova GV. Lexicalization of local case word forms in the Erzya dialects of the Samara region. *Finno-ugorskie narody v kontekste formirovaniia obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti i meniaiushcheia okruzhaiushchei sredy* = Finno-Ugric peoples in the context of the formation of All-Russian civil identity and the changing environment. Saransk; 2020:218–222. (In Russ.)
10. Serebrennikov BA. Historical morphology of the Mordovian languages. Moscow; 1967. (In Russ.)
11. Serebrennikov BA. Main lines of development of the case and verb systems in the Uralic languages. Moscow; 1964. (In Russ.)
12. Tikhonova TM. Articular functions of object conjugation in the Mordovian languages. Saransk; 1986. (In Russ.)
13. Tikhonova TM. The object conjugation forms of the direct supplement verb in the Mordovian languages. *XVII Vsesoiuznaia finno-ugorskaia konferentsiia* = XVII All-Union Finno-Ugric conference. Ustinov; 1987:194–196. (In Russ.)
14. Tsyпкаikina VP. Temporality in the Mordovian languages and the principles of its description. Saransk; 2007. (In Russ.)
15. Shakhmatov AA. Mordovian ethnographic collection: In the appendix: Description of the village of Orkino, Saratov district, A. N. Minkh. Saint-Petersburg; 1910. (In Russ.)
16. Ahlqvist A. Versuch einer Mokscha-Mordvinischen Grammatik. Saint-Petersburg; 1861.
17. Budenz J. Mokscha- és erza-mordvin nyelvten. *Nyelvtudományi Közlemények XIII*. Budapest; 1876;13:1–134.
18. Gabelentz HC. Versuch einer Mordwinischen Grammatik. *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. Göttingen; 1839;2:235–284;383–418.
19. Keresztes L. Development of Mordvin Definite Conjugation. Helsinki; 1999;233.
20. Ravila P. Ersämordwinisches Wörterverzeichnis aus Malyj Tolkaĵ. Helsinki; 1959;61.
21. Wiedemann FJ. Grammatik Der Erza-mordwinischen Sprache: Nebst Einem Kleinen Mordwinisch-deutschen Und Deutsch-mordwinischen Wörterbuch. Saint-Petersburg; 1865.
22. Paasonen H. Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. Zweite Auflage. Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen IV. Helsingfors; 1953.
23. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors; 1903;22.

Submitted 01.05.2023; reviewing 22.05.2023; accepted 30.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

N. A. Agafonova – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University, ohanina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8751-2751>

I. N. Ryabov – Candidate Sc. {Philology}, Dean of the Philological Faculty, National Research Mordovia State University; Lead Research Fellow, Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences, ryabov.74@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6760-4376>

G. V. Ryabova – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Mordovia State University, ryabova.gv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9789-9187>

Смысловое наполнение удмуртских слов *осто* и *козма* в письменных источниках конца XIX – начала XX в.

Алевтина Васильевна Камитова

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения РАН,
Ижевск, Россия

Введение. Рассматривается смысловое наполнение удмуртских слов *осто* и *козма*, которые зафиксированы в письменных источниках конца XIX – начала XX в. Анализ материалов показал, что установление точного значения данных лексем уже в тот период представляло большую сложность. Исследование предпринято с целью приблизиться к определению истинного значения указанных слов на примере обширного материала, выявленного в источниках.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили письменные источники конца XIX – начала XX в., основанные на полевых материалах. Изучение удмуртских слов *осто* и *козма*, зафиксированных в письменных источниках конца XIX – начала XX в., определение их семантического наполнения осуществляются с помощью метода смыслового анализа и соединены с историко-культурным аспектом.

Результаты исследования и их обсуждение. Как показало исследование, рассматриваемые лексемы в основном осмысливаются в рамках теологической парадигмы и чаще всего встречаются в традиционных молитвах и текстах православного содержания. В статье описываются различные версии семантики слов *осто* и *козма*, приводятся варианты их перевода и объяснения, предложенные зарубежными и российскими учеными, церковными историками. Данные лексемы до сих пор остаются в зоне актуального внимания и научного интереса исследователей. Одни авторы склонны относить их к словам неясной этимологии, другие – выдвигают предположения относительно смыслового контекста.

Заключение. На основе изученных материалов конца XIX – начала XX в. выявлено, что слово *козма* бытует преимущественно в молитвах и заклинаниях. Истинное его значение в настоящее время трудно определить, но в большинстве случаев оно используется в качестве собственного имени либо употребляется в значении «благословить». Слово *осто* выступает в качестве эпитета и применяется главным образом по отношению к Богу.

Ключевые слова: удмуртские слова, письменные документы, смысловое наполнение, значение слова, молитвенная практика

Для цитирования: Камитова А. В. Смысловое наполнение удмуртских слов *осто* и *козма* в письменных источниках конца XIX – начала XX в. // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 274–286. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.274-286.

Введение

Изучение истории отдельных слов является актуальным направлением не только в удмуртском и российском языкознании, но и в гуманитарной науке в целом. Статья посвящена выявлению смыслового значения удмуртских слов *осто* и *козма*, содержащихся в письменных источниках конца XIX – начала XX в. Анализ материалов показал, что установление точного значения данных лексем уже в тот период представляло большую сложность. Несмотря на множество существующих определений, рассуждений о смысловом значении слов *осто* и *козма*,

указанные лексемы до сих пор остаются в зоне актуального внимания и научного интереса исследователей.

Обзор литературы

Вопрос о смысловом значении слов *осто* и *козма* уже в конце XIX – начале XX в. волновал занимавшихся изучением истории удмуртского народа и его культуры зарубежных и российских исследователей, церковных историков и представителей зарождавшейся удмуртской интеллигенции [1–4 и др.]. В числе работ последних лет, освещающих материал

по истории и смысловой реконструкции удмуртских слов с позиций современной науки, следует назвать статьи Л. М. Ившина [16], В. К. Кельмакова [18; 19], С. А. Максимова [22], Р. Ш. Насибуллина [26] и др. В. К. Кельмаковым подвергнуто детальному анализу слово *козмань* ‘благословить’ [19]. Им подробно описано функционирование данного понятия в письменных документах различного времени и характера. Сделанные в этом направлении объективные выводы могут быть дополнены рядом примеров и некоторыми наблюдениями этнографов и собирателей XIX – начала XX в.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили письменные источники конца XIX – начала XX в., основанные на полевых материалах. Изучение удмуртских слов *осто* и *козма*, зафиксированных в письменных источниках конца XIX – начала XX в., определение их семантического наполнения осуществляются с помощью метода смыслового анализа и соединены с историко-культурным аспектом.

Результаты исследования и их обсуждение

В данной работе слова *осто* и *козма* неслучайно рассматриваются вместе. На основе выявленных текстовых источников (фольклорно-этнографической, учебно-художественной литературы, словарей и пр.) мы наблюдаем их использование либо как словосочетания (условно), либо в одном контексте. Указанные лексемы в рассмотренных нами материалах осмысливаются преимущественно в рамках теологической парадигмы. Чаще всего они встречаются в традиционных молитвах и текстах православного содержания. Кроме того, слово *осто* зафиксировано фольклористами в ритуальных и свадебных песнях с заклинательными мотивами [11, 87–97, 135–136]. Этнографическая литература конца XIX – начала XX в., а также аудио-, видеоматериалы последних экспедиций располагают большим количеством описаний молений, в которых содержатся интересующие нас слова. Эти лексемы ис-

пользуются в художественной литературе и просто в бытовой речи, где на них накладываются самые различные смысловые значения.

Многими исследователями замечено, что использование слов *осто* и *козма* (или различных вариантов их сочетаний), как правило, прослеживается в молитвах (точнее, в молитвах-прошениях – куриськонах). «“Осто, козма” – обычное выражение в вотских молитвах», – разъяснял М. Елабужский [14, 801]. Ю. Вихман в свое время обратил внимание на то, что «очень часто Инмар произносился в сочетании Козма (смысл утрачен)» (цит. по: [10, 102]). Н. Первухин назвал данные лексемы «однообразной формой возвания, ставящейся почти всегда в начале прошений и именно: Остэ, Инмарэ, Кылдысинэ, Квасьэ воршудэ...» [29, 88]. Исследователь был склонен считать словосочетание *Остэ инмар* «древнеязыческой молитвенной формой» [28, 85–86]. На то, что молитвы в большинстве случаев начинаются с обращения «Остэ, Инмаре Кылдышнэ (или Кыдчине)!, «Остэ, Инвуэ!», указывал и Г. Е. Верещагин [6, 215; 8, 32]. Он полагал, что *остэ* и *осто* являются священными для удмуртов словами [9, 232].

Лексемы *осто* и *козма* могли использоваться не только со словом *Инмар*, но и с другими именованиями божеств. Например, И. В. Васильев делает следующее замечание: «Обращение к Богу в поле – Остэ Инмаре, а в луде – “оминь козма султонь дзечь асаба”. При молении в луде делается оговорка богу луда (керемети): “прости нас (султонь дзечь асаба), может быть позволительная и непозволительная трава попадетя косить. Уже благослови нас косить сам, не смеем без твоего благословения приступить”» [4, 46].

Как утверждает В. К. Кельмаков, глагол *козмань* ‘благословить’ «оказался лексемой с неизвестной этимологией»; впервые письменно он был зафиксирован в 1785 г. в Удмуртско-русском словаре З. Кротова «в форме образованного от него отрицательного причастия козмамътэ ‘непростимый’» [19, 888]. В письменных текстах конца XIX – начала XX в. данный глагол встречается в качестве самостоятельной

единицы: «Он благословил Ноя и сказал ему, что впредь такого потопа не будет; Со Ноез козмаз но вераз солы, табере таче вуэн быттон нокуно уз луынъи шуса»¹; «Ной проснувшись узнал, что сделал Хам, проклял его, а Сима и Иафета благословил. Ной сайкам бераз тодъыз Хамлэсь мар каремзэ но сое каргаз, Симез но Иафетэз козмаз»².

Форма *козма* ‘благослови’ в текстах фольклорно-этнографического характера, учебно-художественной литературе sporadически используется совместно с лексемой *осто*: «Остэ козма воршудэ армись лыктэмь празникедь понна...» [4, 80] ‘Остэ козма мой воршуд, за праздник Акаша, приходящий раз в год...’; «остэ, остэ, Козма... сябась...» [5, 105] ‘остэ, остэ, Козма... за здоровье’; «Остэ, козма, Иньмаре, юртты мыным гырыны но кизыны, шуиз со, удалтыгы, Иньмаре, милемлы юэз»³ ‘Остэ, козма, Инмар, окажи мне помощь в пахоте и сеянии, сказал он, уроди, Инмар, нам хлеба’. Ряд подобных примеров, извлеченных из бытовой речи, произведений фольклора и художественной литературы, приведен В. К. Кельмаковым [19, 892–893].

Слово *Осто* в современных словарях переводится как ‘Боже! Господи!’. В письменных источниках зафиксированы разные фонетические формы (в том числе в диалектной транскрипции) в записи со строчной и/или заглавной буквы: *осто/остэ/остое/östэ*. Слово *козма* также могло быть записано как с прописной, так и со строчной буквы.

Собиратели удмуртского фольклора и этнографы конца XIX – начала XX в., натолкнувшись при полевых записях на незнакомые для них слова *осто* и *козма*, провели научные изыскания по выявлению их значения и предложили свои варианты переводов и объяснений. Например, Б. Г. Гаврилов, один из тех, кто обратил внимание на слово *козма*, пишет о том, что лексему «можно перевести помилуй, спа-

си, благослови, – но истинного значения этого слова никакие вотяки не знают, ни Казанские, ни Вятские»⁴. Н. Г. Первухиным *остэ* было переведено как ‘помилуй/помилуйте (нас)’, сочетание *остэ шуыса* – ‘благословясь’, *козмалэ* – ‘соблагословите’ [29, 96, 114]. И. В. Васильев оставил описание, как «хозяин с особенным восторгом произносит молитвенные слова: “Остэ!” или “Остое!” “киадкут!” Господи! прими в руки, или Господи благослови, благоволи принять в руки» [4, 46], полагая, что слово *Остэ* означает ‘Господи, благослови’ [4, 41].

В двух молитвах, собранных в 1911–1912 гг. С. Т. Перевошиковым в пределах Поломской волости Глазовского уезда, сочетание *Остэ, Иньмаре* в русском варианте оставлено без перевода: «Остэ, (наш) Инмар», «Остэ, Инмар» – с дополнительным использованием в отдельных случаях глагола «благослови» [30]. В молитвах, записанных П. Н. Лупповым во время моления, обращение жреца «Остэ Иньмаре, / Бадзьым чесно иньясы» переведено следующим образом: ‘О боже великий, всевышний’ [20, 94], а обращение «Остэ, вылись Иньмаре, / Бадзьым Иньмаре» – ‘О, вышний бог, / великий Инмар’ [20, 100]. Из примеров можно сделать вывод о том, что переводчик слово *Остэ* перевел риторическим восклицанием ‘О’.

Судя по материалам, установление точного значения данных лексем уже в тот период представляло большую сложность. Известный российский этнограф П. М. Богаевский в «Очерках религиозных представлений вотяков», описывая удмуртские молитвенные воззвания, высказал аналогичную мысль о том, что смысл слов *козма* и *остэ(о)* «в настоящее время вотяками непонятен» [3, 150]. Кроме того, лексеме *осто* исследователь одним из первых дал определение «молитвенного слога» [3, 150].

¹ Ислентьев В. А. Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда. Казань; Елабуга, 1888. С. 179. (Здесь и далее переводы на русский язык по возможности приводятся в соответствии с оригиналами и предполагаются перед ссылкой на источник; подстрочные переводы текстов автора статьи даются в ‘марровских кавычках’ и следуют после ссылки на источник.)

² Там же. С. 180.

³ Ислентьев В. А. Букварь и первая учебная книжка для вотяков Елабужского уезда. Казань, 1889. С. 49.

⁴ Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. С. 140.

Позднее венгерский лингвист Б. Мункачи в книге “A votják nyelv szótára” («Словарь вотяцкого языка») также отметит, что данное слово, встречающееся в молитвах, забытое, его значение информанты не знают (kozmal – “elavult szó, melynek jelentését közlőim nem ismerik”) (цит. по: [19, 888]).

Немецкий этнограф М. Бух, рассматривающий слово *осто/остэ* в качестве «эпитета, который очень часто прибавляют к богам», предполагает, что его «действительное значение самими вотяками утеряно»⁵ [32, 167]. В качестве вариантов перевода исследователь приводит ‘помилуй’ и ‘сохрани тебя’ [32, 167]. Увлечшись разгадкой непонятого слова, М. Бух ссылается на гипотетическую версию Т. Г. Аминоффа, согласно которой данный эпитет прибавляется «только к божествам мужского рода, таким как Ин, Инву, Инмар, Мукулчин», и «связан с венгерским “iste” (бог) и финским “isä” (отец)» [32, 167].

«Значение слова “Остэ” не выявлено», – пишет и В. Максимов, исследуя образцы языческих молитв, записанных в Глазовском уезде в 1924 г. [21, 74]. В приведенных им русских вариантах молитвенных текстов в переложении К. Герда удмуртское слово *остэ* осталось непереуверенным: «Остэ Инмаре, Кылдысинэ! Остэ мой бог, мой кылдысин! / Остэ, мой бог, мой кылдысин» [21, 74–76]; «Остэ, зеч инмаре, Кылдысинэ! / Остэ зеч инмаре, Кылдысинэ! Остэ, милостивый мой бог, мой кылдысин! / Остэ мой преподобный бог, мой кылдысин / Остэ, преподобный бог, мой кылдысин» [21, 74–75]; «Остэ, остэ инмаре! Остэ, остэ мой бог!» [21, 74]; «Остэ инмаре! Остэ, мой бог!» [21, 76]. Информанты М. Буха слово *Козма* связывали с именем персонажа потустороннего мира: «Когда я, например, спрашивал: кто такой Козма (лесной дух)? – то ответ был следующий: Это Шайтан...» [32, 173]. Далее ученый отмечает: «Соответствует ли бог Козма, который встречается в некоторых моих молитвах и заклинаниях, греческому святому с этим же именем или является местным божеством, я не знаю, однако последнее мне представляется более вероятным. Он,

кажется, считается полевым или лесным богом плохого рода, но наделен значительной силой, ибо нередко упоминается в молитвах и заклинаниях и к нему прибавляют эпитет “осто”, как к верховным божествам Инмару, Инву и т. д.» [32, 174]. Как видим, М. Бух, наверное впервые, относит слово *осто* к разряду образных, художественных определений.

Немецкий исследователь приводит и другие точки зрения коллег на данные слова: «Г-н Аминофф письменно сообщает мне, что Козма не бог, повелительное наклонение глагола козмалэ (благословлять). По этому поводу я могу лишь сказать, что вотяки, которых я спрашивал, мне отвечали: “это какой-то шайтан”. В Малмыжском уезде, как правило, говорят “осто козма”, но, насколько мне известно, “осто” или “остэ” никогда не встречается само по себе, а только как эпитет бога. Гаврилов, прекрасный знаток вотяков и их языка, говорит: “Настоящего значения этого слова вотяк не знает. Вотяки всегда переводят его как “благослови”» [32, 174].

Сходное мнение высказывает Г. Е. Верещагин, связывая слово *Козма* с именем собственным и полагая, что оно называет какое-то древнее божество [5, 106]. Также исследователь отмечает, что «в Глазовском уезде существует слово “козмы”, означающее глагол повелительного наклонения “благослови”, и там же это слово у иных имеет шуточное значение. Хотя глазовские и говорят, что оно в переводе на русский язык значит благослови, но употребление этого слова при слове *остэ*, означающем тоже благослови, вызывает недоумение: действительно ли оно значит благослови? Скорее и вернее это имя древнего и языческого божества, представление о котором связано с огнем» [5, 106].

Н. Н. Блинов, вступая в полемику с Г. Е. Верещагиным, представляет иную точку зрения: «О. Верещагин говорит, что “Осте” означает “благослови”, а слово “козма”, по его предположению, “имя древнего языческого божества”. Все это несправедливо: “Осто козма!” означает “Господи благослови!”» [2, 15]. В дока-

⁵ Здесь и далее перевод исследования М. Буха приводится по изданию: Бух М. Вотяки (Этнологическое исследование) / пер. с нем. А. Н. Маркина. Гельсингфорс, 1882.

зательство верности своего перевода он приводит примеры из «Начатков христианского учения» и учебника В. А. Ислентьева с аналогичным переводом этих «весьма важных слов в культе вотяков» [2, 15]. И если *Осто* и *козма* он определяет как «молитвенные слова», то словосочетание *Осто козма!* – как «молитвенное призывание» [2, 15].

В ряде наблюдений исследователей заметна приписываемая лексеме *остэ* и сочетанию *осто козма* заклинательная функция с ярко выраженной магическо-оберегательной силой. Проговаривание этих слов защищало от воздействия сил мифических существ. Г. Е. Верещагин приводит следующий рассказ: «Палэс мурт с одним большим глазом. Мы страшно перепугались и не знали, что и делать; к счастью, один из нас был смелее и сказал: Остэ, Инмаре! (благослови Господи) и вдруг Палэс мурт плюнул и ушел...» [6, 32]. М. Елабужский, описывая «встречу» удмурта с персонажем из потустороннего мира, также указывает на сакральную силу произнесенных вслух слов *осто козма*: «Тогда следует разорвать на рубашке завязку (вотьяк часто вместо пуговиц пришивает к рубашке веревочки, которыми и завязывает ворот) и сказать: “осто козма!” – ибир упадет на землю» [15]. В данных контекстах слово *остэ* и сочетание *осто козма* воспринимаются как заклинательные формулы. Об их «отгонной» функции также писал М. Елабужский: «При поминовении стариков⁶ запрещается говорить при молитве формулу “осто, козма” (соответственную нашему: Господи, благослови!), которую очень не любят и шайтаны» [13, 109].

Пример использования слов *осто* и *козма* с подобной апотропейной функцией приводит Г. А. Аптиева в описании обряда перед отправлением в путь, в котором говорится о молитвенном хлебе (цельном каравае), раздаваемом старшим из членов семьи всем присутствующим после совершения молитвы. А «когда все поедят означенного хлеба, тот, который едет, берет кусок этого хлеба, кладет его за пазу-

ху, садится за стол, кладет правую руку на стол со словами “остэ козма Иммарэ”, потом встает, подходит к печке и трогает ее правой рукой, после этого уже выходит из избы и отправляется в путь» [1, 119]. Проехав деревню, путешествующий бросает молитвенный хлеб по сторонам, чтобы нечисть не следовала за ним. В этих же целях слова *остэ козма Иммарэ*, по данным Г. А. Аптиева, произносятся в момент удара кнутом по одному из столбов, когда проезжают ворота [1, 119].

Удмуртский свадебный обряд на разных этапах сопровождался произнесением ряда молитв, которые также начинались со слов *Осто Иньмаре*. Так, церемония сватовства предваряется «испрашиванием помощи божьей в молитве»: хозяин дома перед отправлением сватов в путь «берет со стола, покрытого большею частью белой скатертью, приготовленный цельный хлеб с маслом, выходит на двор и, став лицом к полудню, молится, читая приблизительно такую молитву: “Осто Иньмаре, кылдйсь, вордйсь Иньмаре, тазалыктэ, сёллыктэ, тынйсьлыктэ, шум потымон шуддэ-бурддэ, малпам ужмес пумаз вуттыны сёт Иньмаре. Зеч сюрестэ сёт, милемын пумитэ луэм мурт’ёс зеч синьмын, зеч мылыкдо сюлмын мед уськозы. Озы тон милемыз шумпоты. Бадзым Иньмаре, амминь”» [17, 29]. М. Ильиным *Осто Иньмаре* переводится как ‘Господи Боже’: ‘Господи Боже, великий Боже, творящий (заповедывающий) и воспитывающий, здоровье, силу, мир, успех в задуманном нами деле дай, Боже; дай нам хорошую дорогу, чтобы встречающие нас посмотрели на нас добрыми глазами (с добрым сердцем и без зависти), дай хорошее счастье и тем обрадуй нас, Боже, великий Боже, аминь» [17, 29–30]. Удачный сговор закрепляется молитвенной речью: «...старший в доме или отец невесты с другим пожилым мужчиной... выходят на двор. Здесь они, став лицом на юг, в шапке молятся богу, произнося вслух следующую молитву: “Осто Иньмаре, Кылдысине, шуддэ-бурдэ сёт, Кылдысине, куз’яно пинял’ёсмылы зеч улыны, милем-

⁶ Имеются в виду умершие предки, ставшие подобными шайтанам и другим многообразным злым духам.

лы нылпиосынымы жеч улыны...” – Господи Боже, Творец, дай счастье, Творец, чтобы жить нашим молодым хорошо, нам с хорошими сыновьями-дочерьми...» [17, 34–35]. Церемония поедания каши и мяса, приготовленного невесткой, также сопровождается обрядом проведения моления во дворе с прошениями: «Эй Осто, данлыко, Люгыт Иньмаре, ми тонэ Йӧтйськымтэ дун шыдэн-нянен кадыр карыса тодамы ваиськомы. – Благословенный, Светлый Господи, Боже, неприкосновенными яствами мы, почитая тебя, поминаем» [17, 44].

В одном из примеров, приведенных Б. Г. Гавриловым, в сочетании *Осто инмар* также прослеживается охранительный смысл: «Осто инмар живет на небе и охраняет человека от злых духов»⁷. При всем том, что удмурты не понимали значения слов *осто* и *козма*, сохранялась вера в магические возможности данных произнесенных слов, их благодатное воздействие на окружающий мир перед началом работы или после нее, перед сном и началом трапезы. Б. Г. Гаврилов отмечал, что значения слов *осто козма* «вотяки и сами не понимают, но верят, что они не допускают до человека никакого зла»⁸. Исследователи же осмысливают и переводят данные лексемы в значении ‘благословить’.

В качестве иллюстрации приведем ряд примеров использования рассматриваемых слов в разных жизненных практиках, зафиксированных исследователями конца XIX – начала XX в.

Б. Г. Гаврилов пишет о том, что удмурты поминают Бога «при начале каждого дела, отходя ко сну и перед едой со словами “осто козма”»⁹. Подобными наблюдениями делится и Г. Е. Верещагин. Перед началом сенокоса, по его словам, пришедший на покос хозяин говорит: «Остэ, Инмаре!» [6, 216]. Б. Г. Гаврилов также свидетельствует, что удмурты приступают к сенокосу только после произнесения

молитвенных слов во время празднования летнего праздника Казанской иконы Божией Матери: «Осто инмарэ, быдзым инмарэ, жескын потыса, жескын ужатысалыдкэ (Боже осто, великий Боже, дай нам возможность добром выйти (на работу) и добром работать)»¹⁰. Им же опубликован текст молитвы с просьбой хорошего проведения праздника Акашка: «Осто инмарэ, быдзым инмарэ, та јуонэ жескын орчытысалыдкэ, Инмаре, акашка понна бурэ ваиско = боже Осто, великий боже, дай возможность хорошо провести этот праздник, боже ради акашки (светлый праздник) поминаю (тебя)»¹¹.

В букваре В. А. Ислентьева содержится молитвенное обращение к Господу перед началом посевных работ, в котором данные лексемы даются через перечисление: «Остэ, козма, Иньмаре, юртты мыным гырыны но кизыны, шуиз со, удалтыты, Иньмаре, милемлы юэз»¹² ‘Остэ, козма, Господи, помоги мне вспахать и посеять, сказал он, сделай нам так, чтоб, хлеб уродился, Господи’.

По свидетельству Г. Е. Верещагина, рассматриваемые слова используются в молитвах во время обрядовых действий, совершаемых в куале: перед принятием ритуальной пищи произносят «“Я иськэ остэ, Инмаре!” (ну так благослови, Господи!)» [6, 44]; молитву «Остэ Инмаре...» читают «во время возношения хлеба, мяса, пива или кумышки» [6, 94]; «перед принятием мяса говорят: “остэ Инмаре-Кылдысинэ! (благослови Инмар-Кылдысинэ!)”» [6, 49]. Эти слова звучат и после ритуальных действий: «По окончании жертвоприношения, собравшись домой, попы закрывают лица руками и, поклонившись слегка куале, говорят: “остэ, Кылдысинэ! дзьечь уть-ворды” (благослови, Кылдысинэ! Храни, питай)» [6, 44]; «оставляя место молельни, попы и мужики в последний раз говорят, поклонившись слег-

⁷ Гаврилов Б. Г. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урять-Учинского прихода // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань, 1891. Т. 2. С. 83.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 93.

¹¹ Там же. С. 95.

¹² Ислентьев В. А. Букварь и первая учебная книжка для вотяков Елабужского уезда. С. 49.

ка ели: “остэ иське, Кылдысинэ! дзэчъ уть-ворды” (остэ, Кылдысин, с благостью храни нас)» [6, 49].

В представленном И. В. Васильевым фрагменте текста демонстрируется функционирование данных слов в утренних молитвах: «Набожные вотяки по сие время, ступая по утрам на землю в первый раз, говорят: “Остэ” – Господи, благослови!» [4, 19]. Современные полевые материалы показывают, что среди удмуртов до сих пор «сохраняется убеждение, что нельзя ложиться спать вечером и вставать утром не благословясь – обязательно стоит воззвать к Богу: “Остэ, Инмаре!”» [27, 644].

У Г. Е. Верещагина имеется описание, в котором слово *остэ* используется в контексте этномедицины. Исследователь пишет о том, что лекарство «велят больным принимать внутрь благословясь, т. е. перед принятием должны говорить: остэ, инмарэ! (Господи благослови!)» [6, 4]; что собранной на закате солнца ивановской травой женщины-лекарки «настаивают кумышку, водку или просто воду и подают больным говоря им: остэ шу!» [6, 70]. В этих примерах вербальные формулы, подобно заклинаниям, обременены лечебно-предохранительной смысловой нагрузкой [11, 68].

Исследователь В. Е. Владыкин выражение «Остэ, Инмаре!» и его краткую форму «Остэ!» называет «универсальными вербальными формулами-оберегами, которые использовали в случае различного рода опасностей во избежание негативных последствий: «Осэти потыкуд “остэ” ке өд шу, висён кутоз (Если при выходе из дому не скажешь “остэ” – “господи”, заболеешь)» [10, 220]. Подобные наблюдения зафиксированы и Б. Мункачи: “Ujin in-vožoaz adžid-kä “óstä!” šu; so kuiäm vedinlän luliz; ad'amilän lulzä baštini jži vetlä” [33, 6] (Уин инвожоез адžид ке, “остэ!” шу: со кулэм вединлэн лулыз, адямилэн лулзэ басытыны озы ветлэ ‘Если

ночью небесные сполохи увидишь, скажи “Остэ!”: это душа умершего колдуна так приходит, чтобы забрать душу человека’). При этом венгерский ученый предполагает, что слово *óstä/ocmä* похоже на русское слово «Господи» [33, 8].

В употреблении лексемы *осто* с другими словами наблюдается расширение его значения, но в рамках исходной смысловой парадигмы. Например, в одной из работ В. Максимова описывается проводимое в святилище-куале богослужение (*Остэ карон*), во время которого готовились молитвенные щи (*остэ карон шыд*) [21, 73]. В Вотско-русском словаре В. Крылова зафиксировано сочетание *Остэ карон* с переводом ‘Благословение’¹³. Словарь Т. К. Борисова этому сочетанию предлагает соответствие ‘молиться’¹⁴.

Н. Первухиным рассматриваемые нами слова приводятся во фразеологическом контексте с приближенным переводом – русским аналогом: «Остэ козма, – сытяньдэ корма. Хоть молитву и читал – а зад чесал. Крестился, крестился – а на первом же шагу и провалился» [28, 68]. В удмуртском варианте устойчивое словосочетание построено на игре слов, звуков и созвучий.

По всей видимости, данные слова вызвали глубокий исследовательский интерес. Например, в специальной программе для сбора сведений по этнографии, включенной в брошюру М. И. Ильина «Изучение вотского края: План работы по этнографии», имеется следующий вопрос: «Что означают изречения: осто, козма?»¹⁵.

Постепенно лексика языческой духовной культуры стала активным обслуживающим инструментарием для передачи понятий православного миропонимания, столь необходимых при переводе текстов христианского вероучения. При этом в словах *осто* и *козма* сохранялся смысловой разнобой, что можно объяснить и их вариативным значением. В тексте «Начатков христианского учения», приведенном в азбуке на глазовском наречии, слово

¹³ См.: Вотско-русский словарь Глазовского наречия вотяков, составленный преподавателем вотского языка при Глазовской учительской семинарии В. Д. Крыловым. Вятка, 1919. С. 26.

¹⁴ См.: Борисов Т. К. Удмурт кыллокам = Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1991. С. 210.

¹⁵ Ильин М. И. Изучение вотского края: (План работы по этнографии). Ижевск, 1926. С. 4.

«благословить» переводится как *козмань*, «благословение» – *козман*¹⁶. Такое же пояснение слову предлагает В. А. Ислентьев: «Козмань – благословлять»¹⁷, закрепляя и подтверждая это примерами: «Прошла зима, наступила весна: запрёт крестьянин лошадку соху и выехал в поле. “Господи, благослови!” сказал он, сняв шапку. Толалтэ ортчиз, вуиз тулыс: кресян валзэ геріэ кыткыз но бустіэ потъиз. Ызьзызэ бастъиз но “Остэ, Иньмаре! юртты мыным гырыны но кизывы, шуиз со»¹⁸; «Пред смертью своею он благословил детей Оисифовых – Манассию и Ефрема. Кулон аяз со азьвыл Юсифлэсь піоссэ Манассіяэз но Ефремез козмаз»¹⁹.

В удмуртском переводе «Наставления христианского святителя Тихона» представлен вариант сочетания *Осто Инмар*: «Коҥ кў ке но коҥ кыче ужын ке но Осто Иңмарде тодад баҥты»²⁰ ‘Всегда и при любом деле помни Господа Бога’, «Иңмарлис курыҥкыса вöҥяҥкыны кулэ – эй Осто Иңмаре јҥеч кары милемлы, эй Осто Иңмаре јурты милемлы, эй Осто Иңмаре вожма милемыз, шўса»²¹ ‘Надо молиться с прошением – эй Господи Боже, благослови нас, эй Господи Боже, помоги нам, эй Господи Боже, храни нас, говоря’. В настоящее время сложно предложить однозначный перевод данных текстов, не имея авторского перевода и не располагая вариантом оригинала, с которого было сделано переложение «Наставления...» на удмуртский язык. Сложно ответить, какой смысл вкладывался в эти слова и сочетания самим переводчиком. *Осто Иңмаре* можно перевести как

‘Господь Бог’, ‘Христос Господь’ либо оставить слово *Осто* без перевода. Возможно, оно могло использоваться в значении собственного имени и в значении эпитета.

Несколько иное осмысление слова *козмаз* представлено в Евангелиях от Иоанна и Луки, в которых оно используется в значении ‘благодать’: «ибо Ты обрела благодать у Бога» – “шэттыдь тонь козмаз инмарь дынинь”²²; «благодать на благодать» – “Козмамзэ но Козмамь”²³.

В переводе «Краткого катихизиса», вошедшего в азбуку на сарапульском наречии, слово «Господь» переводится лексемой *Остэ*: «Молитва Господня» – “Остэ Исусь Христослтнь вэсяськыны дышетэмэзь (Молитва)”²⁴; «посредством молитвы Господней» – “Остэлэнь сіотэмь молитваеныз”²⁵. В. А. Ислентьев использует сочетание *Остэ Иньмаре* при переводе слова «Господь»: «Господи, благослови – Остэ Иньмаре, козма!»²⁶. Такое же обращение встречается в молитвах, опубликованных в Букваре для вотских детей: «Осто Иңмар», «Эй Осто Иңмарэ»²⁷ ‘Осто Господи’, ‘Эй Осто Господи’. И. С. Михеев к сочетанию *Осто Козма* дает следующее разъяснение: «Осто Козма по смыслу значит: Господи благослови, Господи спаси» [23, 2].

В отчете Пермского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1894 г. описывается, как вотяки, созерцая картину из библейского сюжета-притчи «О богатом и Лазаре» после проповеди священника о. Дмитрия Аптривеа, тяжело вздыхали и говорили

¹⁶ См.: Азбука, составленная из российских, церковной и гражданской печати, букв, для обучения вотских детей чтению на их наречии (по глазовскому). Казань, 1847. С. 35, 36.

¹⁷ Ислентьев В. А. Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда. С. 45.

¹⁸ Там же. С. 149–150.

¹⁹ Там же. С. 187.

²⁰ Угет Святой Тихон дышетем жеҥ кылйо = Наставление христианское Св. Тихона. Казань, 1878. С. 8.

²¹ Јҥеч кылйос. Святой Тихонлэн јҥечлы дышетэм кылйосыз. Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке. Казань, 1891. С. 63.

²² От Луки святое благовествование // СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук). Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 3.

²³ От Иоанна святое благовествование (Юаннлэсь Святой благовѣствованіе) // Там же. Д. 244. Л. 3.

²⁴ Азбука, составленная из российских, церковной и гражданской печати, букв, для обучения вотских детей чтению на их наречии (по сарапульскому). Казань, 1847. С. 93.

²⁵ Там же. С. 137.

²⁶ Ислентьев В. А. Букварь и первая учебная книжка для вотяков Елабужского уезда. С. 84.

²⁷ Букварь для вотских детей. Казань, 1892. С. 9–23.

по-своему: «“Остэ козма батчын Иммарьёс” – Помилуй Великий Бог»²⁸.

Слова *осто* и *козма* сохраняются в живом бытовании в удмуртских говорах. Они зафиксированы в полевых экспедиционных материалах разных лет и разных местностей. Так, в тексте куриськона, записанного в Янаульском районе Республики Башкортостан, имеются следующие слова: «Остэ зугыт тӧд'ы бызӱым Инмарэ котыр лас'ан'! (Остэ, Светлый Белый Великий Инмар Всесущий!)» [31, 113]. Рассматриваемые лексемы встречаются и в образцах записей напева моления “Вӧсь нерге гур” («Напев моления»), сделанных в Алнашском районе:

Вӧсям гинэ, ой, вӧсьёсмы кабыл но медло,
Улоно но азьёсмы, ой, зеч медло.
Ой, осто но каримы, осто каримы,
Кабылэ мед басьтоз выльсы но, ой,

Инмармы.

Проведенное да, ой, нами моление
да благословит (Инмар),
Жизнь наша впредь, ой, да (будет) доброй.
Ой, помолились мы, помолились,
Да благословит (нас за это) Всевышний да,
ой, Инмар²⁹.

Замечание М. Буха относительно специфики бытования слов *осто* и *козма* в текстах заклинаний подтверждается примерами из ритуальных песен календарных обрядов и свадебных песен с мотивами заклинания, выявленных исследователем Т. Г. Владыкиной: «Осто гинэ Иньмаре, козма Иньмаре, / Эн сёты дышмон кайгырлы (Господи да Боже, Великий Боже, / Не выдай врагу-горю)» [11, 93–94]; «Осто гинэ Иньмаре, Козма Иньмаре! / Ой, эн сёты Иньмаре, дышмон малпасьлы (Господи да Боже, Великий Боже! / Не выдай, Боже, зло замышляющим)» [11, 135].

Несмотря на множество существующих определений, рассуждений о смысловом значении слов *осто* и *козма*, данные лексемы до сих пор остаются в зоне актуального внимания и научного интереса исследователей. Одни авторы склонны от-

носить их к словам неясной этимологии, другие – выдвигают предположения относительно смыслового контекста. В редакторских замечаниях в одном из томов собрания сочинений Г. Е. Верещагина по поводу слова *козма* говорится: «Значение этого слова остается невыясненным» [7, 103]. В. Е. Владыкин, исследуя тексты куриськонов, их особые образы-символы, речевые приемы-обороты, пишет о том, что смысл таких, причем весьма важных, опорных слов, как *Козма*, *осто/э*, «вообще уже не удастся удовлетворительно расшифровать, поскольку он давно утрачен» [10, 296].

В. В. Напольских придерживается предположенной Б. Мункачи и М. Расанен этимологии удмуртского слова *остэ* как заимствованного из татарского *өстә* [25, 236] и предполагает, что изначально слово «имело значение, наиболее близкое к ‘великий’, ‘верховный’, ‘всевышний’» [24, 118]. Ученый склоняется к мнению о деэтимологизированном слове, употребляемом только в экспрессивных выражениях.

Т. Г. Владыкина, опираясь на фольклорные материалы, приходит к выводу, что слова *Осто/Остэ*, *Козма* являются синонимами Бога (Иньмар) [12, 70], и отмечает: «Нанизывание божественных имен при этом может быть равнозначно произнесению имени одного – верховного бога Инмара» [12, 68]. Близка к данной формулировке точка зрения М. Г. Хрущевой, которая *осто* переводит как ‘отче наш’ [31, 137]. И. М. Нуриева называет слово *остэ* «формулой обращения к высшим силам»³⁰. С. Н. Широбокова причисляет сочетание *осто козма* к «производным эмоциональным междометиям»³¹.

Заключение

Таким образом, из материалов конца XIX – начала XX в. нами получены следующие сведения о слове *козма*: 1) это забытая на тот период лексема, истинное значение которой трудно определить;

²⁸ Отчет о деятельности Пермского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1894. Пермь, 1895. С. 31.

²⁹ Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов. Ижевск, 1992. Вып 1. С. 19.

³⁰ Нуриева И. М. Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования: дис. ... д-ра искусств. Ижевск, 2014. С. 357.

³¹ Широбокова С. Н. Междометия в удмуртском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2013. С. 90.

2) используется в качестве собственного имени; 3) употребляется в качестве глагола «благословить»; 4) бытует преимущественно в молитвах и заклинаниях. Слово *осто* определяется как эпитет, применяемый главным образом по отношению к Богу. В наблюдениях исследователей прослеживается вариативное на-

писание слов *осто* и *козма* со строчной и прописной буквы. Перевод рассматриваемых слов зависел от контекста и авторской воли. Но даже эти фрагментарные и отрывочные свидетельства очень важны и ценны для реконструирования смыслового значения данных лексических единиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аптиева Г. А. Религиозные обычаи и поверья вотяков Бирского уезда Уфимской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1892. Т. 10, вып. 1. С. 119–120.
2. Блинов Н. Н. Языческий культ вотяков / свящ. Николай Блинов, д. чл. Императ. Рус. геогр. о-ва, почет. чл. Нижегород. и д. чл. Вят. стат. ком. Вятка: Губ. тип., 1898. 103 с.
3. Богаевский П. М. Очерки религиозных представлений вотяков. Гл. 1 // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 116–163.
4. Васильев И. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань: Типо-лит. Императ. ун-та, 1906. 88 с.
5. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губ. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 200 с. (Записки Русского географического общества по Отделению этнографии; т. 14, вып. 3).
6. Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1886. 220 с. (Записки Русского географического общества по Отделению этнографии; т. 14, вып. 2).
7. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Собрание сочинений: в 6 т. Ижевск, 1996. Т. 2. 201 с.
8. Верещагин Г. Е. Этнографические очерки // Собрание сочинений: в 6 т. Ижевск, 1997. Т. 3, кн. 1. 308 с.
9. Верещагин Г. Е. Этнографические очерки // Собрание сочинений: в 6 т. Ижевск, 2000. Т. 3, кн. 2, вып. 1. 250 с.
10. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.
11. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: пробл. жанровой эволюции и систематики. Ижевск: УИИЯЛ, 1998. 354 с.
12. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. Ижевск: МонПоражён, 2018. 298 с.
13. Елабужский М. Крепость вотского язычества // Вятские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1903. № 3. С. 102–119.
14. Елабужский М. Обряды некрещеных вотяков Елабужского уезда при погребении и поминовении умерших // Вятские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1895. № 19. С. 800–805.
15. Елабужский М. Поверия некрещеных вотяков Елабужского уезда о злых духах и колдунах // Вятские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1894. № 20. С. 650–651.
16. Ившин Л. М. Названия культовых предметов куалы в памятниках ранней удмуртской письменности // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12, № 3. С. 22–29. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35684916> (дата обращения: 16.03.2022).
17. Ильин М. И. Свадебные обычаи и обряды у вотяков / под ред. Ф. Стрельцова // Труды Научного общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1926. Вып. 2. С. 25–69.
18. Кельмаков В. К. К истории одного болгаризма в удмуртском языке и языкознании // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2012. № 2. С. 17–22. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17831505> (дата обращения: 09.09.2022).
19. Кельмаков В. К. К истории одного евангельского термина в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2017. Т. 27, № 6. С. 887–896. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32358456> (дата обращения: 01.11.2022).

20. Луппов П. Н. Из наблюдений над бытом удмуртов Варзятчинского края, Вотской автономной области // Труды Научного общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1927. Вып. 3. С. 81–114.
21. Максимов В. Молитвенный обряд у Глазовских вотяков // Вотяки: Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. М., 1926. Кн. 1. С. 73–76.
22. Максимов С. А. От *мегали мера* к *великтэм*: к вопросу о происхождении и функционировании названий Пасхи в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, № 1. С. 30–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26585953> (дата обращения: 05.06.2022).
23. Михеев И. С. Из религиозной жизни казанских вотяков. Казань: Тип. Императорского университета, 1900. 10 с.
24. Напольских В. В. Из удмуртской мифологии: этимологические этюды // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: сб. ст. Ижевск, 1997. С. 116–125.
25. Напольских В. В. Комментарий к очерку Г. Е. Верещагина «О древнем происхождении вотяков» // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: в 6 т. Ижевск, 2000. Т. 3, кн. 2, вып. 1. С. 234–237.
26. Насибуллин Р. Ш. Отражение наименований нескошенной прошлогодней травы в удмуртских диалектах и письменных источниках // *Linguistica Uralica*. 2020. Т. 56, № 1. С. 64–71. DOI: 10.3176/lu.2020.1.06.
27. Панина Т. И. Прескрипции о снах и сновидениях в удмуртской традиционной культуре // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14, № 4. С. 642–650. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-642-650.
28. Первухин Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 1. Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях. Вятка: Губ. тип., 1888. 104 с.
29. Первухин Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 3. Следы языческой древности в образцах произведений в устной народной поэзии вотяков (лирических и дидактических) // Календарь Вятской губернии на 1889 год. Вятка, 1888. С. 85–166.
30. Перевошиков С. Т. Вотские молитвы // Труды Научного общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1926. Вып. 2. С. 82–83.
31. Хрущева М. Г. Удмуртская обрядовая песенность: моногр. М.: Композитор, 2001. 245 с.
32. Buch M. Die Wotjaken, Eine Ethnologische Studie. Helsingfors: Druckerei der Finnischen litteraturgesellschaft, 1882. 187 s.
33. Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest: Kiadja a Magyar Tudományos Akadémia, 1887. 336 s.

Поступила 22.11.2022; одобрена 20.12.2022; принята 30.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. В. Камитова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, akamitova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7119-1797>

The semantic content of the Udmurt words *osto* and *kozma* in written sources of the late XIX and early XX centuries

Alevtina V. Kamitova

Udmurt Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia

Introduction. The article deals with the semantic content of the Udmurt words *osto* and *kozma*, which are recorded in written sources of the late XIX and early XX centuries. The analysis of the materials has shown that establishing the exact meaning of these lexemes during that period presented considerable complexity. This research is undertaken with the aim of approaching the determination of the true meanings of the mentioned words, using extensive material found in the sources as examples.

Materials and Methods. The research materials consist of written sources from the late XIX and early XX century, primarily based on fieldwork data. The examination of the Udmurt words *osto* and *kozma* as recorded in written sources from this period is conducted using a semantic analysis method, with a connection to the historical and cultural aspect.

Results and Discussion. It is revealed that the lexemes under consideration are mainly interpreted within the framework of the theological paradigm and are most often found in traditional prayers and in texts of Orthodox content. The article describes various interpretations of the semantics of the words *osto* and *kozma*, providing variants of their translation and explanations proposed by foreign and Russian scholars, as well as church historians. These lexemes continue to remain within the scope of current attention and epy interest of researchers. Some authors are inclined to classify them as words of unclear etymology, while others put forth assumptions regarding their semantic context.

Conclusion. Based on the materials studied at the end of the XIX – beginning of the XX century, the author determined that the word *kozma* exists mainly in prayers and incantations. Its true meaning is currently difficult to determine, but in most cases, it is used as a proper name, or in the meaning of “bless”. The word *osto* is used as an epithet and primarily applied to God.

Keywords: Udmurt words, written documents, semantics, meaning of the word, prayer practice

For citation: Kamitova AV. The semantic content of the Udmurt words *osto* and *kozma* in written sources of the late XIX and early XX centuries. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;3:274–286. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.274-286.

REFERENCES

1. Aptiev GA. Religious customs and beliefs of the Votyaks of the Birsik district of the Ufa province. *Izvestiia Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* = News of the Society of Archaeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University. 1892;10;1:119–120. (In Russ.)
2. Blinov NN. The pagan cult of the Votyaks. Vyatka; 1898. (In Russ.)
3. Bogaevskii PM. Essays on the religious ideas of the Votyaks. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 1890;1:116–163. (In Russ.)
4. Vasil'ev I. Review of pagan rites, superstitions and beliefs of the Votyaks of the Kazan and Vyatka provinces. Kazan; 1906. (In Russ.)
5. Vereshchagin GE. Votyaks of the Sarapulsky district of the Vyatka province. Saint-Petersburg; 1889;14;3. (In Russ.)
6. Vereshchagin GE. Votyaki of Sosnovsky region. Saint-Petersburg; 1886;14;2. (In Russ.)
7. Vereshchagin GE. Votyaks of the Sarapulsky district of the Vyatka province. Izhevsk; 1996;2. (In Russ.)
8. Vereshchagin GE. Ethnographic essays. Izhevsk; 1997;3;1. (In Russ.)
9. Vereshchagin GE. Ethnographic essays. Izhevsk; 3;2;1. (In Russ.)
10. Vladykin VE. Religious and mythological picture of the world of the Udmurts. Izhevsk; 1994. (In Russ.)
11. Vladykina TG. Udmurt folklore: problems of genre evolution and systematics. Izhevsk; 1998. (In Russ.)
12. Vladykina TG. Udmurt folklore world text: image, symbol, ritual. Izhevsk; 2018. (In Russ.)
13. Elabuzhskii M. Fortress of Votian paganism. *Viatskie eparkhial'nye vedomosti. Otdel*

- neofitsial'nyi* = Vyatka Diocesan Gazette. Unofficial department. 1903;3:102–119. (In Russ.)
14. Elabuzhskii M. Rituals of unbaptized Votyaks of the Elabuga district during the burial and commemoration of the dead. *Viatskie eparkhial'nye vedomosti. Otdel neofitsial'nyi* = Vyatka Diocesan Gazette. Unofficial department. 1895;19:800–805. (In Russ.)
 15. Elabuzhskii M. Beliefs of unbaptized Votyaks of the Elabuga district about evil spirits and sorcerers. *Viatskie eparkhial'nye vedomosti. Otdel neofitsial'nyi* = Vyatka Diocesan Gazette. Unofficial department. 1894;20:650–651. (In Russ.)
 16. Ivshin LM. Names of cult objects of *kuala* in monuments of early Udmurt writing. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2018;12;3:22–29. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35684916> (accessed 16.03.2022). (In Russ.)
 17. Il'in MI. Wedding customs and rituals among the Votyaks. *Trudy Nauchnogo obshchestva po izucheniiu Votskogo kraia* = Proceedings of the Scientific society for the study of the Votsky territory. Izhevsk; 1926;2:25–69. (In Russ.)
 18. Kel'makov VK. On the history of one bulgarianism in Udmurt language and linguistics. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorii i filologiya* = Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series. 2012;2:17–22. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17831505> (accessed 09.09.2022). (In Russ.)
 19. Kel'makov VK. To the history of one Gospel term in Udmurt. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorii i filologiya* = Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series. 2017;27;6:887–896. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32358456> (accessed 01.11.2022). (In Russ.)
 20. Luppov PN. From observations of the life of the Udmurts of the Varziyatchinsky region, Votskaya Autonomous Region. *Trudy Nauchnogo obshchestva po izucheniiu Votskogo kraia* = Proceedings of the Scientific society for the study of the Votsky territory. Izhevsk; 1927;3:81–114. (In Russ.)
 21. Maksimov V. Prayer ceremony at the Glazovskiy Votyaks. *Votiaki: Sbornik po voprosam ekonomiki, byta i kul'tury votiakov* = Votyaks. Collection on economics, life and culture of Votyaks. Moscow; 1926;1:73–76. (In Russ.)
 22. Maksimov SA. From *megali mera* to *velik-tem*: on the question of the origin and functioning of the names of Easter in the Udmurt language. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2016;10;1:30–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26585953> (accessed 05.06.2022). (In Russ.)
 23. Mikheev IS. From the religious life of Kazan Votyaks. Kazan; 1900. (In Russ.)
 24. Napol'skikh VV. From Udmurt mythology: etymological studies. *Permistika 4: Permskie iazyki i ikh dialekty v sinkhronii i diakhronii: sb. st.* = Permistics 4: Permian languages and their dialects in synchrony and diachrony. Collection of articles. Izhevsk; 1997:116–125. (In Russ.)
 25. Napol'skikh VV. Commentary on the essay by G. E. Vereshchagin “On the ancient origin of the Votyaks”. *Etnograficheskie ocherki* = Ethnographic essays. Izhevsk; 2000;3;2:234–237. (In Russ.)
 26. Nasibullin RSh. Reflections of the designations for last year's uncut grass in Udmurt dialects and written sources. *Linguistica Uralica*. 2020;56:1:64–71. (In Russ.). DOI: 10.3176/lu.2020.1.06.
 27. Panina TI. Beliefs and prohibitions related to sleeping and dreams in the Udmurt traditional culture. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2020;14;4:642–650. (In Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-642-650.
 28. Pervukhin N. Sketches of legends and life of foreigners of the Glazov district. Sketch 1. The ancient religion of the Votyaks in its traces in modern legends. Vyatka; 1888. (In Russ.)
 29. Pervukhin N. Sketches of legends and life of foreigners of the Glazov district. Sketch 3. Traces of pagan antiquity in the samples of works in the oral folk poetry of the Votyaks (lyrical and didactic). *Kalendar' Viatskoi gubernii na 1889 god* = Calendar of the Vyatka province for 1889. Vyatka; 1888:85–166. (In Russ.)
 30. Pervoshchikov ST. Votsky prayers. *Trudy Nauchnogo obshchestva po izucheniiu Votskogo kraia* = Proceedings of the Scientific society for the study of the Votsky territory. 1926;2:82–83. (In Russ.)
 31. Khrushcheva MG. Udmurt ritual song. Moscow; 2001. (In Russ.)
 32. Buch M. Die Wotjaken, Eine Ethnologische Studie. Helsingfors; 1882.
 33. Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest; 1887.

Submitted 22.11.2022; reviewing 20.12.2022; accepted 30.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. V. Kamitova – Candidate Sc. {Philology}, Senior Research Fellow, Department of Philological Research, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, akamitova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7119-1797>

Лингвистический анализ карельского языкового материала словаря П. С. Палласа

Ирина Петровна Новак
Светлана Викторовна Нагурная
*Институт языка, литературы и истории
 Карельского научного центра РАН,
 Петрозаводск, Россия*

Введение. Старописьменные памятники являются важнейшим источником для изучения истории становления письменности языка, в частности карельского. В статье осуществлен лингвистический анализ карельских материалов, представленных в словаре тезаурусного типа «Сравнительные словари всех языков и народов», изданного по поручению Екатерины II в 1787–1789 гг. под редакцией П. С. Палласа.

Материалы и методы. Источником послужили карельские языковые материалы словаря. Речь идет о приведенных «по корельски» (№ 56) и «по олонцеки» (№ 57) переводах 285 понятий. Используются филологический (в том числе метод контекстуального анализа) и сравнительно-исторический (включающий приемы внешней и внутренней реконструкции) методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе анализа выяснено, что графическая система памятника точно отражает структуру и особенности южнокарельского (собственно карельского наречия) и ливвиковского консонантизма. Вокализм передан менее точно, что объясняется трудностями передачи особых карельских фонем средствами кириллической графики. Редкие именные и глагольные грамматические формы в целом совпадают с современной словоизменной системой собственно карельского и ливвиковского наречий.

Заключение. Лингвистический анализ разнодиалектного карельского материала показал, что он отличается последовательной передачей фонетической, грамматической и лексической систем карельских диалектов конца XVIII в. Не вызывает сомнения отнесение материалов «корельской» части словаря к собственно карельскому, а «олонецкой» – к ливвиковскому наречию карельского языка.

Ключевые слова: Петер Симон Паллас, карельский язык, графо-фонетическая система, лексика, морфология, фонология, лингвистический анализ

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН (тема № 121070700122-5).

Для цитирования: Новак И. П., Нагурная С. В. Лингвистический анализ карельского языкового материала словаря П. С. Палласа // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 287–300. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.287-300.

Введение

Ценнейшим и единственным из выявленных к настоящему моменту для второй половины XVIII в. источником информации по карельской диалектологии является материал из Сравнительного словаря всех языков и наречий, изданного в Санкт-Петербурге в 1787–1789 гг. под редакцией академика Петра Симона Палласа (далее – словарь Палласа). Исследователи XVIII в. осуществляли «...поиск языковых соответствий, чаще всего реализуемый при помощи составления сравнительных многоязычных словарей, когда по зара-

нее подготовленному списку собирались слова по возможности из разных языков и диалектов» [4, 41]. Результатом сопоставления лексических форм разных языков должно было стать выявление существовавшего некогда «мирового языкового универсума», объясняющего историю народов.

Словарь Палласа был издан по поручению Екатерины II. Первая его часть вышла в 1787 г. под названием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей

особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая»¹, вторая была опубликована в 1789 г.² Корпус словаря включает 285 слов русского языка, переведенных на 200 языков мира. Речь идет о переводе на «европейские и азиатские языки» довольно распространенных понятий, объединенных составителем в лексико-семантические группы³.

При составлении словаря были использованы ранее собранные материалы Г. Л. Х. Бакмейстера [7], однако в основном в него были включены полученные в ходе академической экспедиции 1768–1774 г. «...собственно лингвистические изыскания» П. С. Палласа [2, 28]. Экспедиционные лингвистические наблюдения академика частично вошли также в известное трехтомное издание его путевых дневников⁴, в котором, в частности, содержатся марийские, удмуртские, мансийские, мордовские языковые материалы [1; 8; 20; 21; 24, 285–286].

Разослав в 1785 г. по губерниям России программу по сбору слов и образцов различных языков, Паллас получил разнообразный лингвистический материал – «...гlossарии, анкеты, образцы переводов текстов, книги, словари» [3, 355]. Эти материалы, частично вошедшие в словарь, частично осевшие в архивах, представляют несомненный интерес для исследователей [13; 14].

Карельский языковой материал в словаре приведен в общем ряду с двумя другими прибалтийско-финскими языками – «чюхонским» и «эстландским».

Карельские соответствия представлены в словаре двумя вариантами – «по корельски» и «по олоонецки». Это дает основание предположить, что словарь зафиксировал лексику собственно карельского и ливвиковского наречий карельского языка.

В Предисловии к словарю в числе «финских наречий» Паллас упомянул также «варяжский» и «чудский» языки, под которыми подразумевались, очевидно, ижорский и водский [20, 217].

В 1790–1791 гг. словарь был переиздан в дополненном и исправленном виде.

В данной работе впервые производится лингвистический анализ карельской лексики, содержащейся в словаре Палласа. Таким образом, объектом исследования являются «корельские» и «олоонецкие» языковые материалы. Цель работы – определение диалектной принадлежности представленной лексики. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: осуществить анализ графо-фонетических особенностей, фонологической, морфологической и лексической систем диалектов, послуживших источниками данных для словников. Статья выполнена в русле исследований по истории карельской письменности, одно из которых было опубликовано в журнале «Финно-угорский мир» в 2022 г. [11].

Обзор литературы

Словники словаря Палласа по отдельным языкам неоднократно выступали в качестве объекта лингвистических исследований (см., например: [5; 9]).

Фонетическим, морфологическим, лексическим и синтаксическим диалектным чертам чувашского языкового материала, представленного в словаре, посвящена диссертация А. В. Савельева⁵.

Данные словаря привлечены при классификации графических систем мансийской письменности в исследовании J. Bradley и E. Skribnik [17].

Принципы фонетической интерпретации албанской лексики рассмотрены в работе Н. Л. Каминской, где проанализи-

¹ См.: Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая. СПб., 1787.

² См.: Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть вторая. СПб., 1789.

³ Подробнее о структуре и истории создания словаря см.: [5].

⁴ См.: Pallas P. S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs in den Jahren 1768–1773. Saint-Petersburg, 1771–1776.

⁵ См.: Савельев А. В. Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века: на материале Словаря Палласа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.

рованы также история создания словаря и роль Г. Л. Х. Бакмейстера в разработке его концепции и правил представления лексических единиц [6].

Десять первых лексем словника на кельтских языках – валлийском, шотландском, ирландском, бретонском и корнском – исследованы в статье М. Ó Fionnáin “The Celtic languages in the Сравнительные Словари (1787–1789): an introduction” («Кельтские языки в Сравнительных словарях (1787–1789): введение») [23]. Анализ непосредственно шотландской лексики словаря представлен в его же работе “Scottish Gaelic in Peter Simon Pallas’s Сравнительные Словари” («Шотландский гэльский в Сравнительных словарях Питера Саймона Палласа») [22].

Авторы работ, посвященных анализу французских и испанских языковых материалов, подчеркивают историческую ценность зафиксированной лексики [16; 25].

Словарь Палласа задокументировал лексику исчезающих или практически исчезнувших на сегодняшний день языков и их разновидностей, одной из которых является, например, курсениекское наречие латышского языка [19].

Карельские материалы анализируемого памятника до настоящего момента не подвергались подробному анализу. Имеющиеся работы (например, [10]) носят, скорее, обзорный характер.

Материалы и методы

Источником для настоящего исследования послужили карельские языковые материалы словаря Палласа, т. е. приведенные «по корельски» (под номером 56) и «по олонецки» (под номером 57) переводы 285 понятий. Предварительный анализ материала дает основание предположить, что под «корельским» языком подразумеваются данные собственно карельских диалектов карельского языка, распространенных в Северной и Средней Карелии, а также в Центральной России на территориях современных Тверской, Ленинградской и Новгородской областей.

В случае же с «олонецким» материалом речь идет о ливвиковском наречии, на котором говорили (и говорят) карелы Олонецкого перешейка (карельские территории бывшей Олонецкой губернии).

В общей сложности в «олонецкой» части словаря представлены 275 лексем, тогда как в «корельской» – 479. Такая существенная разница объясняется тем, что для каждого понятия приводится один (редко два) перевод «по олонецки», но часто по три-четыре соответствия «по корельски». В любом случае мы имеем дело с разнодиалектным памятником карельской письменности, содержащим довольно объемный материал, подробный лингвистический анализ которого позволит пролить свет на особенности собственно карельского и ливвиковского наречий карельского языка конца XVIII в. Подробная роспись обоих словников представлена на сайте лингвистической платформы Лингводок⁶.

В процессе исследования использовались филологический (в том числе метод контекстуального анализа) и сравнительно-исторический (включающий приемы внешней и внутренней реконструкции) методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Объем представленного в словаре Палласа карельского языкового материала позволяет произвести анализ графо-фонетической, фонологической и лексической (с определением семантических несоответствий) систем диалектов, послуживших источниками данных для словарей. Материалы сравниваются с данными современных карельских диалектов (южнокарельских и тверских диалектов собственно карельского наречия и говоров ливвиковского наречия). Словарный характер данных словаря не позволяет проанализировать морфологическую систему карельских наречий конца XVIII в., однако дает возможность провести некоторые поверхностные наблюдения.

⁶ URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4976/1/perspective/4976/2/view>; <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4977/1/perspective/4977/2/view> (дата обращения: 22.08.2023).

Для передачи карельской лексики, как и для всей остальной, в словаре Палласа использованы символы кириллической графики, о чем говорится в Предисловии.

Для обозначения гласных звуков в анализируемом материале привлечены 12 графем, а также два диакритических символа: акут и циркумфлекс (табл. 1).

Довольно часто (42 употребления в «корельской» части и 31 – в «олонецкой») и практически со всеми гласными используется акут, в большинстве примеров обозначающий ударение, четко фиксированное в карельском языке на первом слоге, например: Гю́вя/Гю́вя, Ке́бие, Кю́ня, Ке́жа, Лу́ми, Ва́лда, Лу́у, Ли́га, Кю́ю́нжи/Кю́ю́нси, Ка́ула/Ка́глу, Ня́гю́/Ня́гу, Ка́зва, Вя́ги, Ве́ри. Однако в некоторых случаях (17 примеров) он встречается и в позиции ауслаута, например: Тули́, Гуваизда́, Пеллю́, Мярю́, Лэ́змю́, Отчю́. Здесь речь может идти об указании на изменение в артикуляции безударного гласного, в случае с ю́ – об указании на более узкое произнесение [y].

Циркумфлекс используется крайне редко (6 случаев в «корельской» части) и исключительно с графемой ю́, например: Лю́иввя, Лю́илу. Таким образом, очевидно, сделана попытка передать особый звук карельского языка [œ], о чем есть отметка в предисловии к словарю, но в связи с другим языком.

В целом система гласных звуков памятников «корельского» и «олонецкого» языков совпадают между собой и с современной вокалической системой карельского языка [12, 44]. Однако следует обратить внимание на явное наличие у собирателей сложностей в передаче средствами кириллицы специфических карельских переднерядных гласных фонем [y], [œ], [æ]. Так, для выражения звука [y] используется шесть вариантов передачи, причем первые два – только в «корельской» части словаря: Улягака, Кы́ммень, Луксы/Лукси, Инбя́ри, Мю́, Хю́вя/Гю́вя/Гю́вя (ср.: *ylähänä, kymmenen, uksi, umbäri, myö,*

hyvä)⁷. Фонема [œ] обозначается четырьмя способами, из которых два последних также только в «корельском» материале: Гю́, Пеллю́/Пелю́, Бю́, Лю́илу (ср.: *hyö, röly, yö, löly*). Для передачи [æ] используются следующие четыре графемы: Тю́терЪ/Тю́терЪ, Терявя/Терявь, Мъ́чча, Вягевъ (ср.: *tytär, terävä, meččä, vägevä*), при этом две последние в «олонецкой» части не встречаются.

Выражение остальных переднерядных гласных также характеризуется наличием вариаций. Для обозначения переднерядного гласного среднего подъема [ɛ] в обеих частях словаря используются графемы е и э, например: Нелля/Нелли, Лэ́гмя/Лэ́змю́ (ср.: *nellä, lehmä*), при этом первая, в отличие от второй, указывает на мягкость предшествующего согласного. В начале слова в «олонецкой» части употребляется Э, в «карельской» – Е: Е́нне/Э́нне (ср.: *ennen/ennein*). В «корельском» материале также используются графемы ъ и я в составе дифтонгов, например: Мъ́чча, Пя́ни (ср.: *meččä, pieni*).

Обращает на себя внимание и обозначение переднерядного нелабиализованного гласного верхнего подъема [i]: Линна/Линну, Ви́ина, Иелля (ср.: *viina, linnal/linnu, iellä*). Одиночный [i] обозначен графемой и, в составе долгих гласных и дифтонгов используется *ī* или *i*, второй – только в «корельской» части словаря.

Как показали приведенные примеры, один и тот же гласный звук может передаваться разными графемами. При этом если в «олонецких» материалах прослеживается определенная закономерность в их использовании, то «корельская» часть словаря, изобилующая всевозможными вариантами, этим не отличается, что может указывать на наличие нескольких источников материала, записанных разными собирателями.

Для всех современных диалектов карельского языка характерно наличие долгих гласных [u:], [y:], [i:]. В тексте памятника эта особенность вокалической системы языка также нашла отражение, например: Шуу, Куужи, Пуу, Туули,

⁷ Здесь и далее в скобках для сравнения приводятся соответствия из новописьменных вариантов карельского языка.

Таблица 1. Вокалическая система памятника*

Table 1. Vowel system of the monument

Графема / Grapheme	Акустическая характеристика / Acoustic characteristic	Примеры / Examples
а	з.р. нелаб. н.п. [a]	Шада/ <i>Сата</i> , Алагана, Кала, ТайважЪ/ <i>ТайвасЪ</i>
	[*a:]	<i>Мата, Ма, Радо</i>
о	п.р. нелаб. н.п. [æ]	Піалля, Ѓіань, Мъчча, Менна
	з.р. лаб. с.п. [ɔ]	Окша/ <i>Оксу</i> , Нуори, Коди, Бокко, Лоукко
	дифт. [uo]	<i>Солу, Гондесъ, ЛометЪ</i>
у	п.р. лаб. с.п. [œ] в составе дифт.	Ѓіо, Тіо, Ліовлу, <i>Ыо</i>
	з.р. лаб. в.п. [u]	Кукко/ <i>Кужой</i> , Ашшу/ <i>Асту</i> , Вуози, Шуу/ <i>Су</i>
ы	п.р. лаб. в.п. [y]	Улягака, Ліовлу
	с.р. нелаб. в.п. [i]	Тыашень, Аштгыеть, Ныагла, Мыа, Тавды, <i>Култы</i>
е	п.р. лаб. в.п. [y]	Кыммень, Ыо
	п.р. нелаб. с.п. [ɛ]	Енне, Нелля/ <i>Нелли</i> , Теръвехъ/ <i>Теревехъ</i> , Кеиття/ <i>Кеите</i>
	дифт. [ie]	Ѓека, <i>Пени, Лете, МесЪ</i>
	п.р. нелаб. н.п. [æ]	Тесся, Миссеонъ, Шіовъ, Кяведъ, ТіотерЪ/ <i>ТіотерЪ, Ѓергэ, Техти, Элемя</i>
ъ	п.р. лаб. с.п. [œ]	Пеллю/ <i>Пелю</i> , Няге, <i>Левлю</i>
	п.р. нелаб. с.п. [ɛ]	Ълошо, Колмъ, Мъчча
э	дифт. [ie]	<i>Ведъ, Звъръ</i>
	п.р. нелаб. н.п. [æ]	Шелегъ, Вягевъ
і	п.р. нелаб. с.п. [ɛ]	<i>Энне, Элявь, Эхто, Элемя, Лэгмя/<i>Лэгміо, Ѓергэ</i></i>
	п.р. лаб. с.п. [œ]	Ыэ
ї	п.р. лаб. в.п. [y] в сочетании с у	Іугекшанъ, Іуксы/ <i>Іукси</i> , Іулягяня
	п.р. нелаб. в.п. [i] в составе дифт.	Іелля, Іани
	первый согл. компонент сочетаний [ja], [ju]	Іялгегъ, Іувва, Іурій/ <i>Іуры</i>
і̇	п.р. нелаб. в.п. [i] в составе дифт. и долг. гл.	Віизи, Віина, Ніинъ, Кіяли, Кéбіе, Піяни, Ѓіань, Кіюндія, Пія
	п.р. лаб. в.п. [y] в составе дифт.	Міо, Тіо, Віо, Піоря, Ліовлу
и	второй компонент нисходящих дифт.	Куинъ/ <i>Куи</i> , Руисъ/ <i>Руишь</i> , Леибс/ <i>Леибю</i>
	п.р. нелаб. в.п. [i]	Реги, Линна/ <i>Линну</i> , Киви, Игя
	долг. гл. [i:]	Ѓири, Шиби
я	п.р. лаб. в.п. [y]	<i>Инбяри</i>
	п.р. нелаб. н.п. [æ]	Терявя/ <i>Терявь</i> , Пяивя/ <i>Пяиву</i> , Кярбяне/ <i>Кярбяйне</i> , Ягіе, Пія
	п.р. нелаб. с.п. [ɛ] в составе дифт.	Піяни, Кіяли, МіяжЪ
	сочетание [ja] в начале слова или после гл.	Казвая, Оя, Яреви, Ялга/ <i>Ялгу</i> , Яичу
ю / ю̇	[*æ:]	<i>Мярю, Пя</i>
	п.р. лаб. в.п. [y]	Лю̇иввя/ <i>Люввя</i> , Хювя/ <i>Ѓювя/<i>Ѓювя</i>, Кію̇юнжи/<i>Кіюнси</i>, Тіоття, ТіотерЪ, Питкю</i>
	дифт. [yœ]	Шюомине
	п.р. лаб. с.п. [œ]	Лю̇илу, Піюлю
	сочетание [ju] в начале слова	Юмала/ <i>ЮмалЪ</i> , Уконью̇ру

* В таблице и далее в тексте обычным шрифтом приведены примеры из «корельской» части словаря, курсивом – из «олонецкой». Переводы примеров в тексте статьи практически не представлены, познакомиться с ними можно в росписи словников.

Кію̇юняжЪ, Віизи, Віина, Ніинъ. Использование графемы *и* в качестве второго компонента изначально долгого гласного [i:] указывает на его дифтонгизированную форму, что свойственно и части современных собственно карельских говоров. Наилучшим образом долгота гласных отражена в «корельском» материале, тогда как в «олонецком» чаще на месте ожида-

емого долгого гласного встречается одиночный, например: *Су, Кузи, Пу, Вижи* (ср.: *suu, kuuzi, puu, viizi*). В обеих частях недостаточно четко отмечены в некоторых лексемах и долгие [i:]: *Ѓири, Шиби* (ср.: *hiiri, šiibi*). Для части примеров также характерна дифтонгизация долгих [u:], [y:], выраженная заменой второго компонента первоначально долгого гласного графемой

е: Вуввать, Иувва, Люввя, Сióввя (ср.: *vui-vet, juuva, luvvä, suuvä*).

Следует также обратить внимание на более точную, но все же недостаточно полную передачу дифтонгов в «корельском» материале в сравнении с «олонецким».

В тексте памятника одинаково хорошо представлены нисходящие дифтонги, вторым компонентом которых выступает графема *и* или *й*, например: Ваигтя, Наине/Наина, Коира/Коуру, Руись/Руишь, Леибле/Леибю, Айга/Айгу, Майдо/Майда, Гейня, Рускей. В «корельской» части словаря в позиции перед суффиксом *-ne* (*-ze- < *-ise-*) отмечена возможность как сохранения нисходящего дифтонга, так и его выпадения (чаще), например: Кярбйине/Кярбяне, Шулагане, Гебоне. В «олонецком» же материале в подобных случаях представлен дифтонг, например: Гебоине, Кярбйине, Мадоине.

В нисходящих дифтонгах с лабиализованным гласным в качестве второго компонента прослеживается преобразование неслогового [u] в полугласный [w], например: Гавда/Гавду, Тавды, Лоукко/Ловко, Левлю (ср.: *hauda, taudi, loukko, löyly*).

Восходящие дифтонги в анализируемых материалах памятника представлены в значительно меньшем количестве, чем нисходящие, и главным образом в «корельском» словнике:

– дифтонги [ua]/[ia], [iæ]/[eæ] встречаются исключительно в «корельском» материале, например: Нуаглане/Ныагла, Руадо, Муа/Мыа, Пíалля, Пíя, Иани/Еани. В «олонецком» языке на их месте фиксируется одиночный гласный: *Нáгу, Рáдо, Мáта, Мá, Пéль, Пá;*

– дифтонги [uo]/[yø] кроме «корельской» части словаря присутствуют также в «олонецкой», но в незначительном объеме, например: Шуола, Нуори, Вуози, Вíо/Вýо, Гíо, Тíо, Пíоря, Лíовлу. При этом в обеих частях словаря зафиксированы случаи отсутствия ожидаемого дифтонга, например: Гугалъматъ/Ненагоабеметъ, Шюмине, Солу, Нури, Левлю (ср.: *nenähuogamet, šyömine, suolu, nuori, lyöly*);

– на месте дифтонга [ie], обнаруживаемого в «корельском» материале: Пíени,

Рушкíе, Иелля, при Келли, Гэка (ср. *kieli, hiekkä*), в «олонецком» встречается либо одиночный гласный: *Пени, Месъ, Кели* (ср.: *pieni, mies, hiekkä*), либо ять: *Ведъ, Звъри*.

Выявленная в текстах обоих словарей тенденция передачи восходящих дифтонгов карельского языка одиночными гласными, наиболее последовательно проявляющаяся в «олонецком» материале, в целом укладывается в правила интеграции прибалтийско-финских дифтонгов в русский язык [15, 254].

В собственно карельском материале словаря прослеживается некоторая тенденция к дальнейшему расширению дифтонгов, например: Шуола, Вуажи, Вяя, Пíяни, Ялля, Кíяли (ср.: *šuola, vuoži, vuö, pieni, iellä, kieli*), что, с одной стороны, может указывать на особенности русского усвоения, а с другой – на диалектную особенность, присущую части современных говоров карельского языка.

Характерная для карельской фонетики гармония гласных, заключающаяся в одновременном использовании в слове гласных только переднего или только заднего ряда (за исключением гласных [i], [e]), в словаре Палласа представлена довольно последовательно, например: Шулагане, Инегмине, Кíогкине, Терявя, *Шумитахъ, Кíо́нябряхъ, Питкíю*. Редкие случаи несоблюдения сингармонизма встречаются в безударных слогах (Пуйня, Кежа, Менна, Лю́илу, Лíовлу, *Мида*) или объясняются отсутствием специальных символов для выражения отдельных переднерядных фонем (Лулягяня, Улягака, Мíо).

Для отображения консонантизма карельского языка в тексте памятника используется 21 графема (табл. 2).

Из приведенных графем практически все встречаются в позиции начала слова (за исключением *й, ж*). Единоразы в позднем заимствовании из русского языка используется *щ* (*Щокатъ*), а также *ц* (*Царьви*), очевидно ошибочно указанный на месте ожидаемого шумного щелевого небно-зубного согласного (ср.: *šarvi*). В позиции середины слова также фиксируются почти все согласные (кроме *щ* и *ц*).

В аудите в обоих словарях употребляются согласные *т, д, г, х, л, н, р, в, с,*

Таблица 2. Консонантная система памятника

Table 2. Consonant system of the monument

Графема / Grapheme	Акустическая характеристика / Acoustic characteristic	Примеры / Examples
б	шумн. см. зв. г.-г. [b]	Бокко, <i>Боба</i> , Кéбье/ <i>Кебгей</i> , Леибе/ <i>Леибю</i>
в	шумн. щел. г.-з. [v]	Киви, Вйизи/ <i>Вижи</i> , Ванга/ <i>Вангу</i> , Кирвежь/ <i>Кирвясь</i> , ТайважЬ/ <i>ТайвасЬ</i>
	полугласный [w]	Гавда/ <i>Гавду</i> , Лю`иввя/ <i>Люввя</i> , Гувва
г	шумн. щел. горт. [h]	Гейня, Гавда/ <i>Гавду</i> , Гю́вя, Пага, Ванга/ <i>Вангу</i> , Тервегь
	шумн. см. зв. з.-яз. [g]	Гора, Коргье/ <i>Коргей</i> , Реги/ <i>Реге</i> , Ныагла/ <i>Нáгу</i>
г	шумн. щел. горт. [h]	Генги, Гю́вя, Гири, ГаммасЬ, Гегэ́, Туггадь/ <i>ТугатЬ</i> , Лэгмя/ <i>Лэгмю</i>
д	шумн. см. зв. з. [d]	<i>Дубу</i> , Шада, Коди, Линду, Парда/ <i>Парду</i> , Ню́дь, Кяведь
ж	шумн. щел. зв. н.-з. [ʒ]	Куужи, <i>Вижи</i> , Кежа, <i>Кажи</i> , Туаражь, Кирвежь
з	шумн. щел. зв. з. [z]	Зви́ри, <i>Зеленеине</i> , СизярЬ/ <i>СизарЬ</i> , Кязи, Вези, Озра/ <i>Озру</i>
й	шумн. щел. с.-яз. [j]	Айга/ <i>Айгу</i> , Пойга, Майдо/ <i>Майда</i> , Рускей, <i>Кукой</i> ; Пыадй, Гобйй, Гардйй
к	шумн. см. гл. з.-яз. [k]	Какши/ <i>Какси</i> , Кежа/ <i>Кеза</i> , Кирвежь/ <i>Кирвясь</i> , Лайска/ <i>Лаишу</i> , Окша/ <i>Оксу</i> , Нахка/ <i>Нахку</i> , Тукка/ <i>Тукку</i>
л	сон. щел. з. [l]	Лаппи/ <i>Ланси</i> , Лю`илу/ <i>Лювлу</i> / <i>Левлю</i> , Вилу, Шильмя/ <i>Сильмя</i> / <i>Силмю</i> , Гилляхь/ <i>Гилляхь</i> , Велли, ЮмалЬ
м	сон. см. г.-г. [m]	Майдо/ <i>Майда</i> , Муамо/ <i>Мамо</i> , Шорми/ <i>СорметЬ</i> , Лямминь, <i>ГаммасЬ</i> , Кыммень/ <i>Кюммене</i>
н	сон. см. з. [n]	Нея, Нахка/ <i>Нахку</i> , Ранда/ <i>Ранду</i> , Линна/ <i>Линну</i> , Анна, Лямминь, <i>Говень</i>
п	шумн. см. гл. г.-г. [p]	Пага, Пелдо/ <i>Пеллоть</i> , Пойга, Лаппи/ <i>Ланси</i>
р	сон. др. н.-з. [r]	Рускье/ <i>Рускей</i> , Реду, <i>Реге</i> , Коира/ <i>Коиру</i> , Кагра/ <i>Кагру</i> , Тю́терЬ
с	шумн. щел. гл. з. [s]	СизярЬ/ <i>Сусере</i> / <i>СизарЬ</i> , Селгю́, Сильмя, Гуксы/ <i>Гукси</i> , Кивистявь, Ойгеусь, Руись, <i>МесЬ</i> , <i>ГаммасЬ</i>
т	шумн. см. гл. з. [t]	Тю́терЬ, Туггадь/ <i>ТугатЬ</i> , Тягги/ <i>Техти</i> , Питке/ <i>Питкю́</i> , КулматЬ/ <i>КульматЬ</i>
		Отча/ <i>Отчю́</i> , Вагча/ <i>Ватчю́</i> , Метчу, <i>Путчи</i>
х	шумн. щел. горт. [h]	Хю́вя, Хярья, Хайзю, ХаммашЬ, Лехмя, Нахка/ <i>Нахку</i> , <i>Эхтю́</i> , Гилляхь, <i>Венехь</i>
ц	шумн. см. з. [ts]	Царьви
ч	шумн. см. н.-з. [tʃ]	Чикко, <i>Чома</i> , Яичу, Шуачень/ <i>Суваичень</i> , Вачча, Мф́чча
ш	шумн. щел. гл. н.-з. [ʃ]	Шильмя, Шельгя, Окша, Лаппи, Тяшьша, <i>Лаишу</i> , ХаммашЬ, Ойнашь, <i>Руишь</i>
щ	шумн. см. н.-з. [ʃ]	ЩокагЬ

ш, а в «корельской» части также ж, за которыми везде проставлены символы ъ или ь. В употреблении последних на конце слова отсутствует системность, объясняемая, вероятно, ошибками в процессе набора: в начале словаря используется ер, однако с середины первой части везде встречается ерь, хотя говорить о мягкости согласных в данных случаях не приходится, например: МияжЬ/*МесЬ*, РаважЬ/*РагвасЬ*, КулматЬ/*КульматЬ*, ШорметЬ/*СорметЬ*, СуивянЬ, *Шумитахь*, Кивистявь, Херрать, Руагь, Кяведь, Лямминь, Шейвяжь/*Сейвясь*, *Гондесь*, *Левиахь*, *Пеллоть*, *Руишь*, *Терявь*.

В середине слова ерь употребляется для обозначения мягкости согласных, на-

пример: Шильмя/*Сильмя*, Шельгя, Геньги, Питеньдя, Мисья, Тяшьша, *Царьви*, а также в разделительной функции в позиции перед йотированными гласными: Хярья, *Гобью́*.

Следует обратить внимание на отсутствие закономерностей в употреблении графем ʒ, z, x. В собственно карельском и ливвиковском материалах графема z используется для выражения шумных щелевого гортанного [h] и смычного заднеязычного звонкого [g] в любой позиции слова. Кроме того, шумный щелевой гортанный [h] обозначается также графемами ʒ и x, например: Хю́вя/*Гю́вя*/*Гю́вя*, Лехмя/*Лэгмя*/*Лэгмю́*, с той лишь разницей, что в анлаутной позиции X

встречается исключительно в «корельских» материалах. Все же отмечается попытка соблюдать следующие принципы: в середине слова *x* употребляется чаще в глухом фонетическом окружении, тогда как *z* или *ẓ* – в звонком, в ауслатной позиции преимущественно используется *x*. Представленные в тексте несоответствия могут являться следствием допущенных в процессе набора опечаток, а в «корельской» части также отражать различные источники записи.

В анализируемом материале обращает на себя внимание отчетливо выраженное противопоставление свистящих и шипящих щелевых в «корельском» языковом материале, например: Сильмя/Шильмя, Шуу/Су, Шави/Сави, Сейвясь/Шейвяжь, Сёля/Шёля, Шарьви/Сарви, тогда как в «олонецком» в этих лексемах всегда используется свистящий согласный. Дистрибуция переднеязычных щелевых согласных относится языковедами к одному их важнейших маркеров карельской диалектной речи. Представительство явления варьируется не только на уровне карельских наречий, но и на уровне диалектов. Обнаруженное в «корельской» части противопоставление, таким образом, опять же указывает на разнодиалектный источник ее материала.

Анализируемые словники изобилуют двучленными сочетаниями согласных, например: Кулда/Кулду, Луксы/Лукси, Вигму, Рушкiе/Рускей. Также для них характерна и довольно адекватная система передачи геминированных согласных: Тукка/Тукку, Латте/Латти, Хаммашь/Гаммась, Велли, Херрать, Анна, Ашшу, Мисься. Удвоенная аффриката [tʃ] передается двумя способами: Отча/Отчю, Вачча/Ватча/Ватчю, Мъчча, при этом оба способа представлены только в собственно карельской части словаря. В некоторых лексемах на месте ожидаемых удвоенных согласных использованы одиночные, например: Кюнеть, Ловко, Лайсушь (ср.: *kynnet, loukko, laissuš*).

Отдельные неточности, обнаруженные в карельских материалах словаря, объясняются неадекватностью передачи ряда фонем средствами кириллицы, а также

наличием ошибок набора или опечаток в обеих частях: Таиго, Капа, Хярья, Югри, Бууда, Корчiе, Кегя, Храменежь, Имендя, Малдо, Пови, Кумматъ (ср.: *tanhuo, kana, juuri, čuuda, kezä, huomenež, itendä, maida, polvi, kulmat*); Кебзей, На'зу, Царьви (ср.: *kebei, nuaglu, sarvi*). Понятие «зелень» передается в собственно карельском словнике как Бигайда, однако далее понятие «зелено» уже набрано правильно как Виганда (ср.: *vihanda*).

Фонологическая система

Важнейшую особенность фонологической системы карельского языка составляют чередования гласных и согласных фонем, проявляющиеся в процессе словоизменения и словообразования. Поскольку формат словаря предполагает главным образом фиксацию начальных форм слова, примеров чередования конечных гласных основы удалось обнаружить очень мало. Речь идет об изменениях, наблюдающихся при противопоставлении гласных основ и форм номинатива единственного числа имен, например: Шорметъ : Шорми, Кюнетъ : Кююнжи, Кюнетъ : Кююнси, Легеть/Лехтеть : Легти, а в ливвиковском наречии еще и Тукатъ : Тукку; в результате присоединения показателя *-i-* в словоизменительной основе слова, например: Шуанда : Шай, Куленда : Куулитъ; а также об изменении заударных гласных компонентов имен как следствии стяжения гласных, например: Лалама : Лавлуа.

Примеров, демонстрирующих наличие в диалектах-источниках качественного и количественного видов альтернативы согласных, в имеющемся материале представлено достаточно для того, чтобы сделать вывод о его широком распространении в языке в анализируемый период. Чередование ступеней согласных показывают начальные формы двусловных имен и глаголов, формы номинатива множественного числа имен и лично-числовые формы глаголов.

Количественное чередование согласных распространяется на удвоенные смычно-взрывные и аффрикату, приводя к их сокращению, например: Тукка :

ТукатЪ, КачотЪ (ср.: *kašćuo* 'смотреть'), Нїитумъ (ср.: *niittu* 'луг'), Пейтя (ср.: *peittiä* 'накрывать, прятать').

Качественная альтернатива заключается в выпадении или замене другими согласными смычно-взрывных интервокальных или постконсонантных согласных последнего слога основы слова, например: Няге : НїавїотЪ, Нягенда : НяетЪ, ХаммашЪ/ГаммасЪ (ср.: *hambahat* 'зубы'), Кїюїонжи : Кїюнетъ, Кїюнси : КїюнетЪ, ИтъкїятягЪ : Имендя (очевидно, должно быть Итендя), Кашьшуить (ср.: *kaštuo* 'мокнуть'), Вуажи/Вуози : Вуввать, Питке : Питеньдя, Сейвьясь/Шейвяжь (ср.: *šeiähät* 'колья'), Виганда : Виганнотъ, Пелдо : Пеллотъ, Ламмасъ (ср.: *lambahat* 'овцы'), Линду : Линнуть, Лайска : Лайсушь, Аштуо : Ашшу, Легти : Легеть/Лехтеть. Последний пример демонстрирует характерное для ливвиковского наречия отсутствие качественного вида альтернативы смычно-взрывных, выступающих в глухом фонетическом окружении.

Морфологическая система

Формат словника предоставляет очень скромный материал для анализа морфологической системы языка. Систему именного словоизменения составляют главным образом формы номинатива единственного числа. Множественное число номинатива образуется при помощи показателя *-тъ/-ть*: ИнегмизетЪ, КулматЪ/КульматЪ, ШорметЪ/СорметЪ, Выалуть/Валуть. В ряде примеров наблюдается несоответствие между категорией числа существительных в русском и карельских языках: понятия «волна», «волос», «плечо», «зелень», «лист» и др. переводятся формами множественного числа Выалуть/Валуть, ТукатЪ, ГардетЪ, Виганнотъ, Легеть/Лехтеть, а для понятий «ногти», «щеки», «пальцы», наоборот, приводятся формы единственного числа Кїюїонжи/Кїюнси, Няге, Шорми.

В тексте словников встречаются редкие падежные формы (в том числе застывшие в виде послелогов и наречий), позволяющие получить поверхностное

представление об используемых для их образования показателях:

– партитив: Мидя/Муда, Вирта-Лалама (букв.: 'песню петь');

– иллатив: Ялгегъ;

– инессив: Ёлошо (букв.: 'в живых'), Миссеонь, Мисься/Миссо, Куссолотъ/Кусь, Тесся/Тесь, Тяшьша;

– адессив: Милля, Пїалля/Пелль, Іелля/Іялля;

– аллатив: Силмиле (букв.: 'в глаза'), Геилля, Генель;

– абессив: Гьянеття (букв.: 'без него');

– комитатив: Минкера/Минкера (букв.: 'с чем'), Кененкера/Каненкера (букв.: 'с кем').

Имеющиеся примеры обнаруживают в «олонецком» материале сокращенные показатели местных падежей инессива, адессива и аллатива, характерные и для современных ливвиковских говоров.

Дополнительный материал для анализа глагольной словоизменительной системы, кроме перевода 20 глаголов во второй части словаря, дает перевод различными глагольными формами абстрактных существительных из его первой части.

Неопределенная форма глагола представлена I инфинитивом, обнаруживающим различные глагольные словоизменительные типы, например:

– Няїя;

– Шуїувва/Сюввя, Іувва, Люїиввя/Люввя;

– Лавлуа, Паятта, Оттуа/Отта, Кандоа/Канда, Каттоа/Катта, Кїюндїя;

– Ведїу/Ведь;

– Лашкичїей (рефлексивный глагол);

– Муата/Мата, Лейката.

В «корельской» части словаря встречается также несколько примеров III инфинитива: Радама, Вирта-Лалама (букв.: 'песню петь').

Финитные формы в словниках представлены следующим образом:

– индикативные формы презенса:

1 л. ед. ч.: СобенЪ (букв.: 'я лажу'), Шучаень/Суваичень (букв.: 'я люблю'), Кажвань (букв.: 'я расту');

2 л. ед. ч.: НяетЪ (букв.: 'ты видишь'), КачотЪ (букв.: 'ты смотришь'), НьюхачетЪ (букв.: 'ты нюхаешь'), КабуатЪ (букв.:

‘ты обнимаешь’), ПакижетЪ (букв.: ‘ты говоришь’); 3 л. ед. ч.: Мидакулу (букв.: ‘что слышно’), КивистявЪ (букв.: ‘болит’), Онь/Онь (букв.: ‘он есть’); 3 л. мн. ч.: ШумитахЪ (букв.: ‘они шумят’), ИтъкятягЪ (букв.: ‘они плачут’);

– индикативные формы имперфекта: 2 л. ед. ч.: КуулитЪ (букв.: ‘ты слышал’), Кашьшуйтъ (букв.: ‘ты намок’), Куалить (букв.: ‘ты умер’); 3 л. ед. ч.: Шай (букв.: ‘она родила’); 3 л. мн. ч.: Култы (букв.: ‘они слышали’);

– императивные формы: 2 л. ед. ч.: Пагигже (букв.: ‘говори’), Анна (букв.: ‘дай’), Шейзó/Сеижó (букв.: ‘стой’), Ашшу (букв.: ‘иди, шагай’), Пейтя (букв.: ‘накрой, спрячь’).

Лексическая система

В большинстве случаев стоит отметить точное семантическое соответствие между русскими лексемами и их переводом на наречия карельского языка. Некоторые отклонения связаны с переводом отличными грамматическими формами, описанными выше.

Наибольший интерес представляют семантические расхождения, допущенные в процессе сбора материала. Речь идет о приеме описательного перевода существительных, не имеющих предметного значения, глагольными формами. Например, понятие «слово» переведено глагольными формами ПакижетЪ/Пагигже, что означает ‘ты говоришь’/‘говори’. Для передачи понятия «слух» наряду с отглагольным именем Куленда, образованным при помощи словообразовательного суффикса *-нда* и обозначающим процесс слушания, используются формы КуулитЪ (букв.: ‘ты слышал’), Мидакулу (букв.: ‘что слышно’), Култы (букв.: ‘они слышали’). Аналогичным образом передано понятие «зрение»: Нягенда, НягЪ (букв.: ‘ты видишь’), Миданяги-Силмиле (букв.: ‘что видел глазами’), КачотЪ (букв.: ‘ты смотришь’). Для передачи понятия «лад» наряду с другими вариантами перевода использовано словосочетание Гювякаики (букв.: ‘хорошо все’),

для понятия «луч» – Истыпйявя (букв.: ‘село солнце’), «буря» – Пагашя (букв.: ‘плохая погода’).

Имеется и некоторое число явных ошибок перевода, очевидно, вызванных отсутствием полного взаимопонимания между собирателем и носителем языка. Например, предлог «под» переведен лексемой Пыадйй ‘под в печи’, понятие «красиво» – лексемой Кежа ‘лето’, «воздух» – Лямминь ‘теплый’, «песок» – Тугка ‘зола’, «мочь» – Кашьшуйтъ ‘ты намок’, «перо» (птицы) – Кю’ня ‘перо для письма’, «судно» – Аштыеть ‘посуда’, «дух» – Хайзю ‘запах’, «имя» – Иивана ‘Иван’, «голос» – ТукамЪ ‘волосы’.

Переводы продемонстрировали словообразовательный потенциал карельского языка, в частности возможности суффиксального словообразования. Например, слово «брань» переведено «по корельски» как Гавкунда, «по олонецки» – Чакканду⁸.

Заключение

Лингвистический анализ разнодиалектного карельского материала словаря Палласа показал, что, несмотря на наличие некоторых неточностей, опечаток и ошибок, он отличается последовательной передачей фонетической, грамматической и лексической систем карельских диалектов конца XVIII в., в связи с чем является ценнейшим источником для изучения истории карельского языка и его диалектологии.

Графическая система памятника довольно точно отражает структуру и особенности южнокарельского (собственно карельского наречия) и ливвиковского консонантизма. Вокализм же передан менее точно, что объясняется главным образом трудностями передачи особых карельских фонем средствами кириллической графики. Представленные в словниках редкие именные и глагольные грамматические формы в целом совпадают с современной словоизменительной системой собственно карельского и ливвиковского наречий.

⁸ Карельский суффикс *-нда* (*-нду*) является одним из наиболее продуктивных суффиксов в процессах словообразования.

Не вызывает сомнения отнесение материалов «корельской» части словаря к собственно карельскому, а «олонецкой» – к ливвиковскому наречию карельского языка. Сравнение данных памятника с материалами современных карельских диалектов позволило установить разнодиалектный характер источника «корельско-

го» словника. Наличие ярких диалектных маркеров, выявленных в процессе лингвистического анализа материалов, при более детальном изучении на следующем этапе исследования позволит решить вопрос о более точной географической локализации говоров карельского языка, нашедших отражение в словаре Палласа.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>в.п.</i> –	верхнего подъема	<i>лаб.</i> –	лабиализованный
<i>г.-г.</i> –	губно-губной	<i>мн. ч.</i> –	множественное число
<i>г.-з.</i> –	губно-зубной	<i>н.-з.</i> –	небно-зубной
<i>гл.</i> –	глухой	<i>н.п.</i> –	нижнего подъема
<i>горт.</i> –	гортанный	<i>нелаб.</i> –	нелабиализованный
<i>дифт.</i> –	дифтонг	<i>п.р.</i> –	переднего ряда
<i>долг. гл.</i> –	долгий гласный	<i>с.п.</i> –	среднего подъема
<i>др.</i> –	дрожащий	<i>с.р.</i> –	среднего ряда
<i>ед. ч.</i> –	единственное число	<i>с.-яз.</i> –	среднеязычный
<i>з.</i> –	зубной	<i>см.</i> –	смычный
<i>з.р.</i> –	заднего ряда	<i>согл.</i> –	согласный
<i>з.-яз.</i> –	заднеязычный	<i>сон.</i> –	сонорный
<i>зв.</i> –	звонкий	<i>шумн.</i> –	шумный
<i>л.</i> –	лицо	<i>щел.</i> –	щелевой

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абайдулова А. Г., Салмин А. К. Причеремшанский дневник экспедиции П. С. Палласа // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 3. С. 592–604. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F105206026/160_3_gum_5.pdf (дата обращения: 12.07.2022).
2. Бондарь Л. Д. Лингвистические экспедиции Императорской Петербургской академии наук в Сибирь в XVIII–XIX вв.: вклад в становление отечественного языкознания в области языков сибирских народов // Ученые записки Санкт-Петербургского академического университета. 2016. Вып. 1. С. 23–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25900889> (дата обращения: 12.07.2022).
3. Волошина О. А. «Сравнительный словарь всех языков» Петра Симона Палласа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6. С. 354–361. URL: <http://www.vestnik.unn.ru/ru/nomera?anum=5357> (дата обращения: 12.07.2022).
4. Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России: (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит., 2006. 323 с.
5. Казанскене В. П. Материалы балтийских языков в словаре Петра Симона Палласа // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII: материалы чтений, посвящ. памяти проф. Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2013. С. 368–383.
6. Каминская Н. Л. Албанский материал в «Словаре» Петра Симона Палласа: особенности передачи фонетики // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2016. № 3. С. 83–91. URL: https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XII_3.pdf (дата обращения: 12.07.2022).
7. Клубкова Т. В. Первый российский лингвистический опросник // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 9, № 1. С. 181–188. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-181-188.
8. Кравец Т. В. Вклад немецких путешественников в изучение языков малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2021. Т. 18, № 1. С. 53–62. DOI: 10.14529/ling210109.

9. Мищенко К. О. Рефлексы пражвенкийского *s в говорах эвенкийского языка во второй половине XVIII в. // Урало-алтайские исследования. 2020. № 2. С. 31–57. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-37-2-31-57.
10. Нагурная С. В. Карельская письменность // Народы Карелии: ист.-этногр. очерки. Петрозаводск, 2019. С. 65–77.
11. Новак И. П., Нагурная С. В. Определение диалектной принадлежности карельского языкового материала «Проводника и переводчика по отдаленнейшим окраинам России» А. В. Старчевского // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 20–32. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.20-32.
12. Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
13. Норманская Ю. В. Словари пермских манси «аборигенов Сибири», собранные П. С. Палласом в XVIII веке // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3. С. 71–80.
14. Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А. Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа – ранее неизвестный мансийский диалект? // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1. С. 92–100. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-92-100.
15. Савельева Н., Муллонен И., Федюнова Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 года // Linguistica Uralica. 2021. Т. 57, № 4. С. 250–276. DOI: 10.3176/lu.2021.4.02.
16. Bochnakowa A. Linguarum totius orbis Vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta (...), 1787–1789 // Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis. 2013. Vol. 130. P. 41–50. DOI: 10.4467/20834624SL.13.002.1133.
17. Bradley J., Skribnik E. The many writing systems of Mansi: challenges in transcription and transliteration // Multilingual Facilitation. Helsinki, 2021. P. 12–24.
18. Inkerikot, setot ja vatjalaiset. Kansankulttuuri, kieli ja uskomusperinteet / toim. K. Kallio, R. Grunthal, L. Saressalo. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 2021. 504 s. DOI: 10.21435/skst.1467.
19. Ivanickaja A. XVIII a. kuršininkų kalbos žodžių rankraštinių registras // Res Humanitariae. 2017. Vol. 21. P. 12–42. DOI: 10.15181/rh.v21i0.1521.
20. Maticsák S. Die mordwinische Sammlung aus der Orenburg-Expedition von Pallas (1768–1774) // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2021. Vol. 45. P. 53–86. URL: <https://buske-elibrary.de/media/upload/leseprobe/9783967691726.pdf> (accessed 12.07.2022).
21. Maticsák S. The first period of mordvin lexicography: 17–18th century glossaries and dictionaries // Linguistica Uralica. 2013. Vol. 49, no. 4. P. 292–305. DOI: 10.3176/lu.2013.4.03.
22. Ó Fionnáin M. Scottish Gaelic in Peter Simon Pallas's Сравнительные Словари // Anglica. 2020. Vol. 29, no. 3. P. 113–123. URL: <https://anglica-journal.com/resources/html/article/details?id=207771> (дата обращения: 12.07.2022).
23. Ó Fionnáin M. The Celtic languages in the Сравнительные словари (1787–1789): an introduction // Roczniki Humanistyczne. 2021. T. 69, zeszyt 11. P. 171–187. URL: <https://ojs.tnkul.pl/index.php/rh/article/view/16369/15638> (дата обращения: 12.07.2022).
24. Salminen T. M. A. Castrén ja hantit // Ёмас сымьың нёкве вортур ётпост самың патум: Scripta miscellanea in honorem Ulla-Maija Forsberg. Tampere, 2020. S. 284–296. DOI: 10.33341/sus.11.22.
25. Stala E. Los diccionarios de P. S. Pallas y Ph. A. Nennich. Hallazgos y enigmas // Studia iberystyczne. 2017. No. 16. P. 169–181. DOI: 10.12797/SI.16.2017.16.10.

Поступила 14.07.2022; одобрена 15.08.2022; принята 30.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

И. П. Новак – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, novak@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>

С. В. Нагурная – кандидат филологических наук, ученый секретарь Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, kov@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6233-8045>

Linguistic analysis of Karelian language material in P. S. Pallas's dictionary

Irina P. Novak
Svetlana V. Nagurnaya

*Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. Old written monuments are the most important source for studying the history of the development of written language, especially in the case of Karelian. This article provides a linguistic analysis of Karelian materials presented in the thesaurus-type dictionary "Comparative Dictionaries of All Languages and Peoples", published on behalf of Catherine II from 1787 to 1789, under the editorship of P. S. Pallas.

Materials and Methods. The source of this study comprised Karelian language materials from the dictionary. The research centers on translations of 285 concepts categorized as "in Karelian" (No. 56) and "in Olonets" (No. 57). Methodologically, the research leverages philological techniques, including contextual analysis, as well as comparative-historical methods encompassing both external and internal reconstruction approaches.

Results and Discussion. The analysis reveals that the graphic system of the monument effectively mirrors the structural and phonetic characteristics of Southern Karelian (proper Karelian dialect) and Livvik consonantism. However, the representation of vowel sounds exhibits certain limitations, primarily stemming from the inherent complexities in conveying distinct Karelian phonemes through the medium of Cyrillic script. Infrequent nominal and verbal grammatical forms broadly align with the contemporary inflectional systems observed in proper Karelian and Livvik dialects.

Conclusion. The linguistic analysis of multi-dialectal Karelian materials consistently portrays the phonetic, grammatical, and lexical systems of Karelian dialects as they existed in the late XVIII century. This analysis confidently associates the materials from the "Korelian" section of the dictionary with proper Karelian, while materials from the "Olonets" section are attributed to the Livvik dialect of the Karelian language.

Keywords: Peter Simon Pallas, Karelian language, grapho-phonetic system, vocabulary, morphology, phonology, linguistic analysis

Acknowledgments: This publication has been prepared as part of the state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Theme No. 121070700122-5).

For citation: Novak IP, Nagurnaya SV. Linguistic analysis of Karelian language material in P. S. Pallas's dictionary. *Finnougrorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;3:287–300. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.287-300.

REFERENCES

1. Abaydulova AG, Salmin AK. P. S. Pallas's diary from the expedition to the Cheremshan river basin. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* = Proceedings of Kazan University. Humanities Series. 2018;3:592–604. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F105206026/160_3_gum_5.pdf (accessed 12.07.2022). (In Russ.)
2. Bondar' LD. Linguistic Expeditions of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences in Siberia in the XVIII–XIX centuries: contributions to the development of domestic linguistics in the field of languages of Siberian peoples. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo akademicheskogo universiteta* = Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo akademicheskogo universiteta. 2016;1:23–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25900889> (accessed 12.07.2022). (In Russ.)
3. Voloshina OA. «The comparative dictionary of all languages» by Peter Simon Pallas. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2012;6:354–361. URL: <http://www.vestnik.unn.ru/ru/nomera?anum=5357> (accessed 12.07.2022). (In Russ.)
4. Zagrebin AE. Finno-Ugric ethnographic research in Russia: (XVIII – first half of the XIX century). Izhevsk; 2006. (In Russ.)
5. Kazanskiene VP. Baltic language data in the dictionary of Peter Simon Pallas. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XVII: materialy chtenii, posviashch. pamiati prof. Iosifa Moiseevicha Tronskogo* = Indo-European linguistics and classical philology – XVII. Proceedings of the 17th conference in memory of professor Jo-

- seph M. Tronsky. Saint-Petersburg; 2013:368–383. (In Russ.)
6. Kaminskaia NL. Albanian material in the “Dictionary” by Peter Simon Pallas: features of the transfer of phonetics. *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvicheskikh issledovaniĭ* = *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2016;3:83–91. URL: https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XII_3.pdf (accessed 12.07.2022). (In Russ.)
 7. Klubkova TV. The first Russian linguistic questionnaire. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniĭ RAN* = *Oriental Studies*. 2016;9:1:181–188. (In Russ.). DOI: 10.22162/2075-7794-2016-23-1-181-188.
 8. Kravets TV. Contribution of German travelers to the study of indigenous minority languages of Siberia and the Far East. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika* = *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2021;18:1:53–62. (In Russ.). DOI: 10.14529/ling210109.
 9. Mishchenkova KO. Reflections of the Proto-Evenki *s in the Evenki dialects in the second half of the 18th century. *Uralo-altaiskie issledovaniia* = *Ural-Altai Studies*. 2020;2:31–57. (In Russ.). DOI: 10.37892/2500-2902-2020-37-2-31-57.
 10. Nagurnaya SV. Karelian writing. *Narody Karelii: ist.-etnogr. ocherki* = *The peoples of Karelia: historical and ethnographic essays*. Petrozavodsk; 2019:65–77. (In Russ.)
 11. Novak IP, Nagurnaya SV. Dialectal attribution of the Karelian language in “Guide and translator to remote outskirts of Russia” by A. V. Starchevsky. *Finno-ugorskii mir* = *Finno-Ugric World*. 2022;14:1:20–32. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.20-32.
 12. Novak I, Penttonen M, Ruuskanen A, Siilin L. Karelian language in grammars. Comparative study of phonetic and morphological systems. Petrozavodsk; 2019. (In Russ.)
 13. Normanskaja JuV. Dictionaries of Perm Mansi “native speakers of Siberia”, collected by P. S. Pallas in the 18th century. *Uralo-altaiskie issledovaniia* = *Ural-Altai Studies*. 2020;3:71–80. (In Russ.). DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-71-80.
 14. Normanskaja JuV, Kosheliuk NA. The unpublished mansi dictionary of P. S. Pallas – an earlier unknown Mansi dialect? *Uralo-altaiskie issledovaniia* = *Ural-Altai Studies*. 2020;1:92–100. (In Russ.). DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-92-100.
 15. Saveleva N, Mullonen I, Fedyuneva G. Karelian-Russian and Komi-Zyrian-Russian dictionaries in a hand-written volume dated 1668. *Linguistica Uralica*. 2021;57;4:250–276. (In Russ.). DOI: 10.3176/lu.2021.4.02.
 16. Bochnakowa A. *Linguarum totius orbis Vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta (...)*, 1787–1789. *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis*. 2013;130:41–50. DOI: 10.4467/20834624SL.13.002.1133.
 17. Bradley J, Skribnik E. The many writing systems of Mansi: challenges in transcription and transliteration. *Multilingual Facilitation*. Helsinki; 2021:12–24.
 18. Kallio K, Grunthal R, Saessalo L, eds. *Inkerikot, setot ja vatjalaiset. Kansankulttuuri, kieli ja uskomusperinteet*. Helsinki; 2021. DOI: 10.21435/skst.1467.
 19. Ivanickaja A. XVIII a. kuršininkų kalbos žodžių rankraštinių registras. *Res Humanitariae*. 2017;21:12–42. DOI: 10.15181/rh.v21i0.1521.
 20. Maticsák S. Die mordwinische Sammlung aus der Orenburg-Expedition von Pallas (1768–1774). *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2021;45:53–86. URL: <https://buske-elibrary.de/media/upload/leseprobe/9783967691726.pdf> (accessed 12.07.2022).
 21. Maticsák S. The first period of mordvin lexicography: 17–18th century glossaries and dictionaries. *Linguistica Uralica*. 2013;49;4:292–305. DOI: 10.3176/lu.2013.4.03.
 22. Ó Fionnáin M. Scottish Gaelic in Peter Simon Pallas’s Сравнительные Словари. *Anglica*. 2020;29;3:113–123. URL: <https://anglica-journal.com/resources/html/article/details?id=207771> (accessed 12.07.2022).
 23. Ó Fionnáin M. The celtic languages in the Сравнительные словари (1787–1789): an introduction. *Roczniki Humanistyczne*. 2021;69;11:171–187. URL: <https://ojs.tnkul.pl/index.php/rh/article/view/16369/15638> (accessed 12.07.2022).
 24. Salminen T. M. A. Castrén ja hantit. *Yomas symyn nékve vortur etpost samyn patum: Scripta miscellanea in honorem Ulla-Maija Forsberg*. Tampere; 2020:284–296. DOI: 10.33341/sus.11.22.
 25. Stala E. Los diccionarios de P. S. Pallas y Ph. A. Nemnich. Hallazgos y enigmas. *Studia iberystyczne*. 2017;16:169–181. DOI: 10.12797/si.16.2017.16.10.

Submitted 14.07.2022; reviewing 15.08.2022; accepted 30.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

I. P. Novak – Candidate Sc. {Philology}, Senior Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, bel.irina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>

S. V. Nagurnaya – Candidate Sc. {Philology}, Academic Secretary, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, kov@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6233-8045>

Динамика брачного состояния удмуртов Удмуртии в 1959–1989 гг.

Альбина Исламовна Ажигулова

*Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия*

Наталья Викторовна Чернышева

*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Москва, Россия*

Сергей Николаевич Уваров

*Удмуртский государственный аграрный университет,
Ижевск, Россия*

Введение. Статья посвящена анализу брачного состояния удмуртов Удмуртии в период 1959–1989 гг. Цель исследования – рассмотреть динамику брачного состояния удмуртов Удмуртии как важного аспекта демографических изменений и важнейшей структурной характеристики населения в анализе его воспроизводства.

Материалы и методы. Авторами используются сведения всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., позволяющие наиболее полно проанализировать брачное состояние отдельных этносов. Применяются различные методы исследования: историко-сравнительный, хронологический, статистический.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования было определено, что показатели брачного состояния удмуртов Удмуртии к 1959 г. были ниже, чем общереспубликанские. Однако более высокий уровень matrimониального поведения удмуртов, несмотря на воздействие урбанизационных процессов, а также последствий Великой Отечественной войны, позволил к 1989 г. компенсировать диспропорции.

Заключение. Проведенный анализ позволил охарактеризовать динамику и определить тенденции брачности удмуртского населения Удмуртской АССР. Был сделан вывод о том, что на протяжении 1959–1989 гг. доля состоящих в браке удмуртов в регионе росла опережающими общереспубликанские темпами. Данные переписи 1989 г. говорят о компенсаторности в демографических показателях удмуртов, которой удалось достичь после Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: удмурты, брачное состояние, перепись населения, Удмуртская АССР, РСФСР, Удмуртская Республика, Россия

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01604, <https://rscf.ru/project/23-28-01604/>, в Удмуртском государственном аграрном университете.

Для цитирования: Ажигулова А. И., Чернышева Н. В., Уваров С. Н. Динамика брачного состояния удмуртов Удмуртии в 1959–1989 гг. // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 301–309. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.301-309.

Введение

Удмурты – один из крупных народов финно-угорской языковой семьи, титульный народ Удмуртской Республики. Еще не так давно (1989 г.) по численности он находился на девятом месте в России. Однако три последние переписи зафиксировали сокращение численности удмуртов. Всего за 1989–2021 гг. их количество уменьшилось на 328 тыс. чел.,

или в 1,8 раза. По данным Всероссийской переписи населения 2021 г., в России насчитывалось 386 465 представителей данной национальности, что составило 0,26 % населения страны. В самой Удмуртии за период с 1989 по 2021 г. численность коренного населения сократилась на 196 648 чел., т. е. в 1,7 раза, а удельный вес в общей численности населения республики упал с 30,9 до 20,6 %¹.

¹ См.: ВПН-2021. Этно // Перепись 2021. Национальный состав РФ: база данных (выпуск № 4.1). URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1ySRD5_gshS1fKoG84f (дата обращения: 07.07.2023); Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. Удмуртская АССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=55 (дата обращения: 07.07.2023).

Очевидно, что причины столь значительного сокращения сформировались не одновременно и, чтобы их понять, требуется углубиться в историю. Привести к уменьшению численности могла как естественная убыль, так и ассимиляционные процессы (еще одним фактором могла стать миграция, но она не была массовой). И в том, и в другом случае свое влияние оказывала брачность – один из демографических процессов, определяющий воспроизводство и численность населения. Рождаемость зависела от динамики брачного состояния, а распространение числа межнациональных браков ускоряло ассимиляцию.

В данной статье авторы поставили целью рассмотрение динамики брачного состояния удмуртов Удмуртии как важного аспекта демографических изменений и важнейшей структурной характеристики населения в анализе его воспроизводства. Хронологические рамки исследования охватывают период 1959–1989 гг., считающийся благополучным с демографической точки зрения. Безусловно, его опыт должен быть использован на современном этапе. Источниками послужили в основном неопубликованные материалы переписей населения, хранящиеся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР). Стремление ввести в научный оборот архивные сведения также обусловило выбор в пользу данных временных рамок исследования, поскольку материалы более поздних переписей, характеризующие брачное состояние, опубликованы.

Обзор литературы

Изучением брачности и брачных отношений в нашей стране занимались разные исследователи (см., например: [1; 2; 5–7; 9; 13; 14; 19]). Изменения в тенденциях брачности в советский период, особенно послевоенный, учеными связываются с последствиями Великой Отечественной войны, половозрастным перекосом, повышением самостоятельности женщин, изменением выполняемых ими ролей [4;

8]. Рассматривался и этнический аспект брачности, но удмурты при этом не выделялись [3]. Удмуртский этнос с точки зрения демографических процессов становился объектом внимания историков, этнологов, демографов, социологов и пр. Большой пласт исследований посвящен удмуртской семье² [10–12; 15–19], однако брачное состояние отдельно не изучалось. Таким образом, можно заключить, что обозначенная тема является недостаточно исследованной.

Материалы и методы

При написании статьи авторы обратились к наиболее полному с точки зрения демографического исследования источнику – переписям населения. Отметим, что программы переписей 1959 и 1970 гг. ограничивались только двумя, причем слишком обобщенными состояниями: состоящие и не состоящие в браке. Последующие опросы для демографического анализа были информативнее, поскольку предполагали выделение никогда не состоявших в браке, состоящих в браке, вдов, разведенных.

Методами исследования, примененными в работе, явились следующие: историко-сравнительный, хронологический, статистический. Указанные методы позволили провести анализ брачного состояния удмуртов в рассматриваемый период с точки зрения сходства и различия, в соответствии с исторической последовательностью и опорой на количественные данные переписей.

Результаты исследования и их обсуждение

За изучаемый период численность удмуртов, проживавших в РСФСР, возросла с 615 640 до 714 833 чел., а их доля в национальном составе незначительно сократилась с 0,52 до 0,48 %. Большинство удмуртов проживало в Удмуртской АССР, при этом их численность в автономии увеличивалась, а удельный вес от переписи к переписи сокращался. В 1959 г. в УАССР насчитывалось 475 913 удмуртов, или

² См.: Чернышева И. В. Этнодемографические процессы в Удмуртской Республике, 1989–1999 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2001.

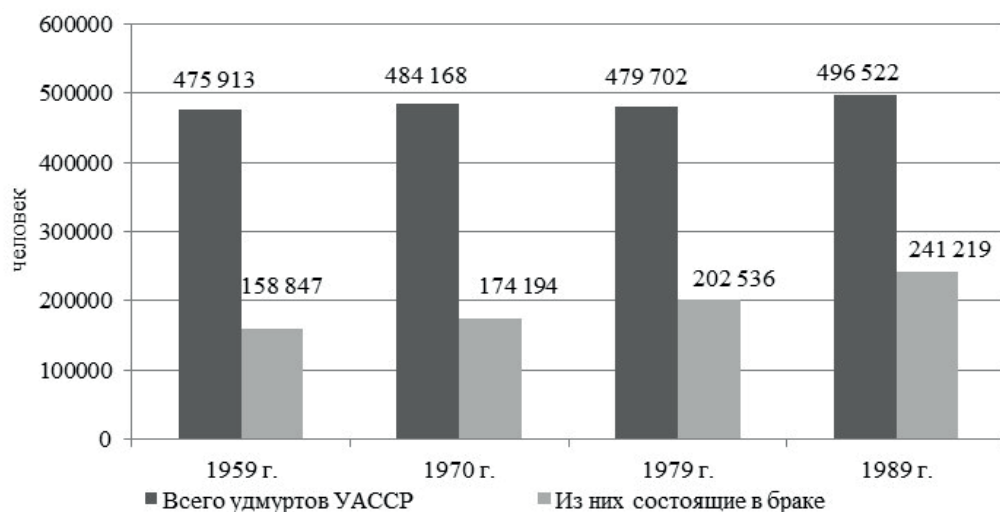

Рис. 1. Соотношение всего удмуртского населения УАССР и состоящего в браке*

Fig 1. Ratio of the entire Udmurt population in the Udmurt ASSR to those married

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 303. Л. 1, 9, 17; Д. 498. Л. 2, 9, 23; Д. 602. Л. 21, 24, 27; Д. 1080. Л. 33, 38, 43.

77,3 % всех удмуртов РСФСР, а в 1989 г. – 496 522 чел., или 69,5 %. Уменьшалась и доля удмуртов в населении республики: с 35,6 до 30,9 % соответственно.

Данные переписей населения свидетельствуют о том, что, несмотря на неустойчивые тенденции в численности удмуртского населения региона, удельный вес в нем женатых и замужних увеличился (рис. 1). В 1959 г. в браке состояло 33,4 %, в 1970 г. – 36,0, в 1979 г. – 42,2, в 1989 г. – 48,6 % удмуртов региона. Количественный рост за 1959–1989 гг. превысил 1,5 раза. Если сравнить эти сведения с данными по Удмуртской АССР в целом, то мы увидим, что изначально у удмуртов доля состоящих в браке была ниже, а к концу рассматриваемого периода – выше общереспубликанского показателя. В Удмуртии в 1959 г. в браке состояло 36,7 %, в 1970 г. – 40,2, в 1979 г. – 44,7, в 1989 г. – 47,4 % населения³.

Значительное влияние на брачную структуру титульной нации региона ока-

зывали процессы урбанизации. Если в начале рассматриваемого периода среди женатых удмуртов и замужних удмурток преобладали селяне, то к его окончанию разница между городским и сельским населением удмуртской национальности, состоящим в браке, сократилась до минимума (рис. 2).

Количество городских удмуртов, состоящих в браке, за весь период увеличилось в 3,3 раза. Наиболее быстро рост происходил в 1959–1970 гг., когда это число выросло в 1,7 раза (табл. 1).

В 1959 г. в браке у удмуртов республики состояло соответственно 69,9 и 40,3 % от числа мужчин и женщин удмуртской национальности бракоспособного возраста. У удмуртов, проживавших в городах, в возрасте 15 лет и старше в браке состояло 68,6 % мужчин и 41,9 % женщин; у селян – 70,2 % мужчин и только 39,9 % женщин [15, 134]. Данный дисбаланс являлся следствием огромных людских потерь в период Великой Отечественной войны. В 1970 г. в

³ См.: Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php (дата обращения: 07.07.2023); Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по регионам России. РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=0 (дата обращения: 07.07.2023); Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php (дата обращения: 07.07.2023); Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. Удмуртская АССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=55 (дата обращения: 07.07.2023).

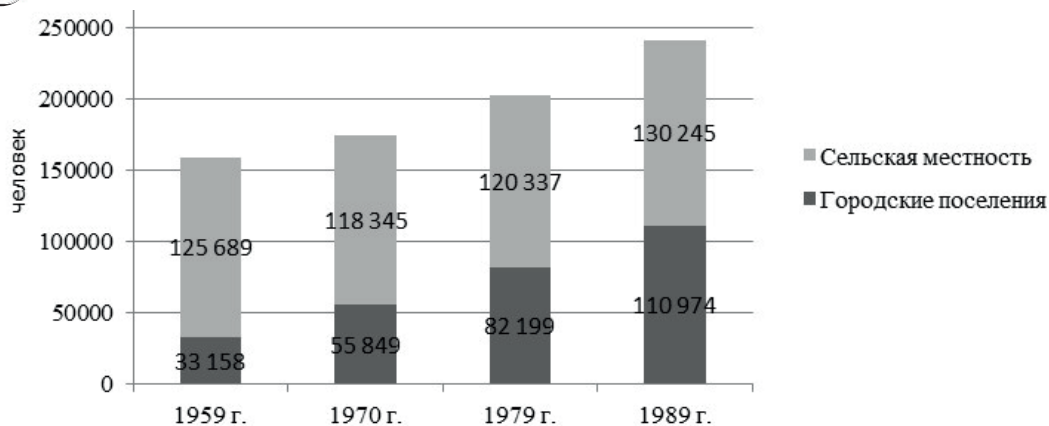

Рис. 2. Соотношение состоящих в браке городских и сельских удмуртов УАССР*

Fig. 2. The ratio of married urban and rural Udmurts in the Udmurt ASSR

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 303. Л. 1, 9, 17; Д. 498. Л. 2, 9, 23; Д. 602. Л. 21, 24, 27; Д. 1080. Л. 33, 38, 43.

Таблица 1. Распределение удмуртского населения УАССР, состоящего в браке, по полу и типу поселения, чел.*

Table 1. Distribution of the Udmurt population in the Udmurt ASSR, by marital status, gender, and settlement type, people

Категории / Categories		1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Всего / Total	Оба пола / Both genders	158 847	174 194	202 536	241 219
	Мужчины / Men	81 007	85 800	99 802	117 753
	Женщины / Women	77 840	88 394	102 734	123 466
Городские поселения / Urban Settlements	Оба пола / Both genders	33 158	55 849	82 199	110 974
	Мужчины / Men	18 074	28 190	41 098	54 187
	Женщины / Women	15 084	27 659	41 101	56 787
Сельская местность / Rural areas	Оба пола / Both genders	125 689	118 345	120 337	130 245
	Мужчины / Men	62 933	57 610	58 704	63 566
	Женщины / Women	62 756	60 735	61 633	66 679

* Таблица составлена по: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 303. Л. 1, 9, 17; Д. 498. Л. 2, 9, 23; Д. 602. Л. 21, 24, 27; Д. 1080. Л. 33, 38, 43.

браке у удмуртов состояло 68,8 % мужчин и 46,4 % женщин в возрасте 15 лет и старше. В городской местности соответствующие показатели были равны 65,0 и 46,8 %, в сельской – 70,8 и 46,2 %⁴. В 1979 г. доля женатых мужчин в возрасте 15 лет и старше составила 64,9 %, замужних женщин – 48,9 % и практически не имела отличий в городской и сельской местности. К 1989 г. удельный вес состоящих в браке мужчин у удмуртов бракоспособного возраста увеличился до 71,0 %, женщин – до 58,1 %. Такое повышение связано с постепенным выравниванием полового состава за счет населения, родившегося и вступившего в брак в мирное время⁵.

Согласно результатам переписи 1959 г., на возрастную категорию 25–29 лет приходилось самое большое число женатых и замужних – 34 961 чел., или 22 % от всех состоящих в браке (рис. 3). Данная возрастная группа была представлена людьми, родившимися в первой половине 1930-х гг. В этой же возрастной категории в 1970 г. насчитывалось всего 16 073 чел., или 9,2 % от всех состоящих в браке. Существенная разница в числе браков в одной и той же возрастной категории фертильного возраста в 1959 и 1970 гг. объясняется тем, что в 1970 г. в нее входили люди, рожденные в годы Великой Отечественной войны, когда рож-

⁴ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 491. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 1080. Л. 33.

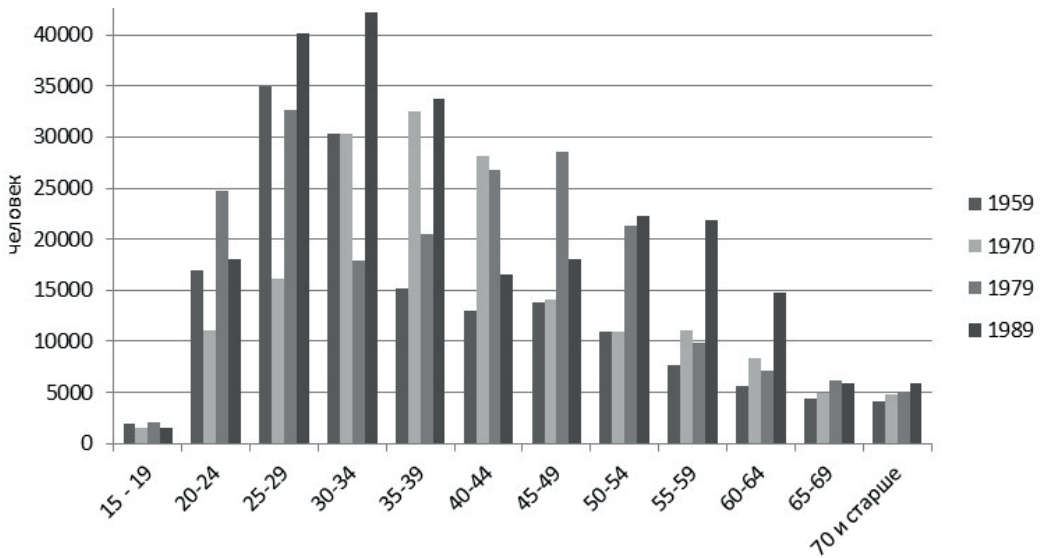

Рис. 3. Распределение удмуртского населения УАССР, состоящего в браке, по возрасту*

Fig. 3. Distribution of the married Udmurt population in the Udmurt ASSR by age.

* Составлено по: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 303. Л. 1; Д. 498. Л. 2, 2 об.; Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 602. Л. 21; Д. 1080. Л. 33.

даемость была скорректирована военным временем.

В 1959 г. число женатых мужчин и замужних женщин в возрасте от 30 до 34 лет составило 30 316 чел. (19,1 %), в 1970 г. – 30 394 чел. (17,4 %). В последнем случае это были родившиеся во второй половине 1930-х гг.

На лиц в возрасте от 35 до 39 лет, которых в 1959 г. насчитывалось 15 112 чел., пришлось 9,5 % от всех состоящих в браке. Это в два с лишним раза меньше, чем представителей возрастных групп 25–29 и 30–34 года. Данная возрастная категория понесла наиболее значимые потери. Как отмечает В. А. Исупов, еще до начала Великой Отечественной войны в составе населения РСФСР отчетливо прослеживался половозрастной дисбаланс, являвшийся следствием социально-экономических и политических событий 1920–1930-х гг. В период 1939–1945 гг. в результате воинских и трудовых мобилизаций он нарастал и к 1945 г. достиг максимального напряжения. Анализ списков избирателей к выборам Верховного Совета СССР (февраль 1946 г.) свидетельствует о том, что наиболее существенный дисбаланс был характерен для возрастной группы 20–27 лет, в которой мужчины составляли

23,8–26,1 % [8, с. 42, 44]. В 1970 г., как и во время предыдущей переписи, наиболее многочисленным из состоящих в браке оставалось поколение удмуртов первой половины 1930-х гг., достигшее теперь возраста 35–39 лет (32 579 чел., или 18,7 % от всех состоящих в браке).

К середине 1960-х гг. по стране увеличилось число ранних браков. Большинство населения создавало семьи в 20–30 лет. В 1970-е гг. в брачные отношения вступала молодежь, родившаяся после окончания Великой Отечественной войны, т. е. с примерно равным числом мужчин и женщин [2, 55].

Отчетливо влияние Великой Отечественной войны на брачное состояние можно проследить по данным переписей 1979 и 1989 гг. (см. рис. 3). На возрастную категорию 25–29 лет в 1979 г. приходилось самое большое число состоящих в браке – 32 678 чел., или 16,1 %, в 1989 г. – 40 209 чел., или 16,7 %. Это было поколение людей, которое не подверглось влиянию войны, соответственно удельный вес данной возрастной категории примерно одинаков. Далее по рангу – возрастная категория 30–34 года: в 1979 г. число женатых и замужних составило 17 900 чел., или 8,8 %, в 1989 г. – 42 240 чел. (наиболь-

*Таблица 2. Сравнительная характеристика брачного состояния удмуртов РСФСР и УАССР в 1979 и 1989 гг.**

Table 2. Comparative characteristics of the marital status of Udmurts in the RSFSR and Udmurt ASSR in 1979 and 1989

Брачность / Marital Status	1979 г.				1989 г.			
	РСФСР / RSFSR	Удмурты РСФСР / Udmurts in RSFSR	УАССР / Udmurt ASSR	Удмурты УАССР / Udmurts in Udmurt ASSR	РСФСР / RSFSR	Удмурты РСФСР / Udmurts in RSFSR	УАССР / Udmurt ASSR	Удмурты УАССР / Udmurts in Udmurt ASSR
Состоящие в браке / Married	66 565 143	301 238	667 975	202 536	72 477 217	364 989	762 164	241 219
Никогда не состоявшие в браке / Never married	20 180 844	125 656	403 887	212 808	17 858 441	105 717	214 547	80 612
Вдовы / Widowed	12 438 330	67 801	135 308	48 964	12 295 239	62 439	126 186	42 816
Разведенные, разошедшиеся / Divorced, separated	6 123 730	22 236	53 252	14 942	7 976 557	22 085	61 486	12 833

* Таблица составлена по: Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Т. 1. Пол, возраст, брачное и семейное состояние населения отдельных национальностей. М., 1992. С. 159–160; ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 602. Л. 21; Д. 1080. Л. 33.

шее число состоящих в браке), или 17,5 %. Расхождения в удельном весе в данной возрастной категории объясняются тем, что в 1979 г. это были люди, рожденные сразу после войны, в 1945–1949 гг., когда рождаемость была низкой.

Вторая волна высоких показателей брачности в 1979 г. фиксируется в возрастных категориях 40–44 года (13,0 %) и 45–49 лет (14,1 %), а в 1989 г. – в категориях 50–54 года (9,2 %) и 55–59 лет (9,0 %). Это поколение людей, рожденных до начала Великой Отечественной войны.

С конца 1970-х гг. происходит постепенное сглаживание половозрастного дисбаланса, изменяются брачные характеристики. К указанному времени брачного возраста достигли поколения, которых не коснулись демографические деформации и перекосы, вызванные влиянием военных лет. В брак вступали лица, рожденные после Великой Отечественной войны. Это благотворно сказалось на брачном состоянии удмуртов, для которого период 1979–1989 гг. можно назвать самым благополучным (табл. 2).

Как следует из данных табл. 2, доля женатых и замужних у удмуртов РСФСР составила 0,45 % от всех состоящих в браке в РСФСР в 1979 г. и 0,5 % – во время сле-

дующей переписи. Количество состоящих в браке удмуртов Удмуртии в рассматриваемое десятилетие возросло на 19,1 % (в УАССР в целом – на 14,1 %). Наоборот, число никогда не состоявших в браке уменьшилось в 2,6 раза (в УАССР – в 1,9 раза), вдовых – на 12,6 % (в УАССР – на 6,7 %). Но, пожалуй, самый интересный показатель – число разведенных и разошедшихся в Удмуртии: если у удмуртов оно уменьшилось на 14,1 %, то в целом по республике – увеличилось на 15,5 %.

Заключение

Таким образом, к 1959 г. показатели брачного состояния удмуртов Удмуртской АССР были ниже, чем общереспубликанские (удельный вес состоящих в браке, особенно женщин, был меньше), что являлось следствием Великой Отечественной войны (большие прямые и косвенные потери, половозрастной дисбаланс и т. д.). На протяжении 1959–1989 гг. доля состоящих в браке удмуртов в регионе росла опережающими общереспубликанскими темпами. Последняя Всесоюзная перепись населения говорит о компенсаторности в демографических показателях удмуртов, которой удалось достичь после Великой Отечественной войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажигулова А. И. Семейно-брачные отношения на Южном Урале в 1930-е годы // Клио. 2017. № 2. С. 73–77.
2. Араловец Н. А. Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы // Российская история. 2010. Вып. 4. С. 55–63.
3. Бондарская Г. А., Ильина И. П. Этническая дифференциация брачности женщин в СССР. Демографический аспект // Демографическое развитие семьи: моногр. М., 1979. С. 7–38.
4. Вишневский А. Г. Демографический след войны // Демоскоп Weekly. 2016. № 689–690. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0689/demoscope689.pdf> (дата обращения: 07.07.2023).
5. Волков А. Г. Брак и семья // Население СССР: справ. М., 1983. С. 79–101.
6. Жиромская В. Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект: 1946–1960. М.: РГГУ, 2009. 313 с.
7. Задкова Т. Ю. Демографические процессы в Мордовской АССР в 1953–1964 гг.: тенденции и противоречия // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 1. С. 86–97.
8. Исупов В. А. Гендерный дисбаланс сельского населения России (РСФСР) в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 1. С. 32–49.
9. Короленко А. В. Брачно-семейная структура: состояние и тенденции в итогах переписей населения России // Социальное пространство. 2023. Т. 9, № 2. DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.4.
10. Кузьмин А. И. Семья на Урале: Демогр. аспекты выбора жизн. пути. Екатеринбург: Наука: Урал. изд. фирма, 1993. 237 с.
11. Лаллукка С. Восточно-финские народы России: Анализ этнодемограф. процессов / пер. с англ. Л. И. Леденевой, С. В. Голованова. СПб.: Европ. Дом, 1997. 391 с.
12. Петраков А. А. Демографический мир семьи. Ижевск: Удмуртия, 1988. 164 с.
13. Пивкина А. В. Брачность и разводимость: региональные особенности (на примере Республики Мордовия) // Огарёв-Online. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brachnost-i-razvodimost-regionalnye-osobennosti-na-primere-respubliki-mordoviya> (дата обращения: 07.07.2023).
14. Синельников А. Б. Брачность и рождаемость без двойных гендерных стандартов // Демоскоп Weekly. 2017. № 725–726. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0725/tema01.php> (дата обращения: 07.07.2023).
15. Уваров С. Н. Удмуртская семья в 1959–1989 гг.: демографический аспект // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, № 1. С. 127–138. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-127-138.
16. Уваров С. Н. Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1959–1989 гг.: моногр. Ижевск: ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА, 2019. 282 с.
17. Удмурты: историко-этнографические очерки / науч. ред. В. В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 390 с.
18. Христолюбова Л. С. Этнодемографические процессы в Удмуртии // Феномен Удмуртии. Т. 3. Идеология этнической мобилизации. Кн. 1. Удмуртское национальное движение. М., 2002. С. 38–49.
19. Чернышева Н. В. Брачность и разводимость населения Волго-Вятского региона накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.) // Вопросы истории. 2021. № 8–1. С. 11–17. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202108Statyi16.

Поступила 09.06.2023; одобрена 23.06.2023; принята 30.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. И. Ажигулова – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета, azhigylova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1345-8447>

Н. В. Чернышева – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, natiche84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>

С. Н. Уваров – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Удмуртского государственного аграрного университета, sergey.uvarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6451-9245>

Dynamics of marital status among the Udmurts in Udmurtia from 1959 to 1989

Albina I. Azhigulova

*Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia*

Natalia V. Chernysheva

*Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Sergey N. Uvarov

*Udmurt State Agricultural University,
Izhevsk, Russia*

Introduction. This article is dedicated to analyzing the dynamics of marital status among the Udmurts in Udmurtia from 1959 to 1989. The aim of this study is to examine the changes in marital status among the Udmurts, a crucial aspect of demographic shifts and a significant structural characteristic of the population when analyzing its reproduction.

Materials and Methods. The authors utilize data from the All-Union Population Censuses conducted in 1959, 1970, 1979, and 1989, enabling a comprehensive analysis of marital status among various ethnic groups. Various research methods have been applied, including historical-comparative, chronological, and statistical approaches.

Results and Discussion. Through this study, it was determined that the indicators of marital status among the Udmurts in Udmurtia were below the national average in 1959. However, the Udmurts exhibited a higher level of matrimonial behavior, despite the influence of urbanization processes and the consequences of the Great Patriotic War, which allowed them to compensate for these disparities by 1989.

Conclusion. This analysis provides insights into the dynamics and trends in the marriage rates of the Udmurt population in the Udmurt ASSR. It can be concluded that between 1959 and 1989, the proportion of married Udmurts in the region increased at a rate surpassing the national average. Census data from 1989 indicate compensatory demographic indicators among the Udmurts, achieved following the Great Patriotic War.

Keywords: Udmurts, marital status, population census, Udmurt ASSR, RSFSR, Udmurt Republic, Russia

Acknowledgments: The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation Grant No. 23-28-01604, available at <https://rscf.ru/project/23-28-01604/>, at the Udmurt State Agricultural University.

For citation: Azhigulova AI, Chernysheva NV, Uvarov SN. Dynamics of marital status among the Udmurts in Udmurtia from 1959 to 1989. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15:3:301–309. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.301-309.

REFERENCES

1. Azhigulova AI. Family-marriage relations in the Southern Urals in the 1930s. *Klio* = Clio. 2017;2:73–77. (In Russ.)
2. Aralovec NA. Marriage and family in the RSFSR in the postwar years. *Rossiiskaia istoriia* = Russian History. 2010;4:55–63. (In Russ.)
3. Bondarskaia GA, Il'ina IP. Ethnic differentiation of women's marriage rate in the USSR. Demographic aspect. *Demograficheskoe razvitie sem'i: monogr.* = Demographic development of the family. Monograph. Moscow; 1979:7–38. (In Russ.)
4. Vishnevskii AG. Demographic trace of the war. *Demoskop Weekly* = Demoscope Weekly. 2016;689–690. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0689/demoscope689.pdf> (accessed 07.07.2023). (In Russ.)
5. Volkov AG. Marriage and family. *Naselenie SSSR: sprav.* = The population of the USSR. Handbook. Moscow; 1983:79–101. (In Russ.)
6. Zhiromskaia VB. Vital potential of post-war generations in Russia: historical and demographic aspect: 1946–1960. Moscow; 2009. (In Russ.)

7. Zadkova TYu. Demographic processes in the Mordovian ASSR in 1953–1964: trends and contradictions. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia* = Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2021;1:86–97. (In Russ.)
8. Isupov VA. Gender disbalance of the rural population in RUSSIA (RSFSR) during World War II (1939–1945). *Demograficheskoe obozrenie* = Demographic Review. 2019;6;1:32–49. (In Russ.)
9. Korolenko AV. Marriage and family structure: state and trends in the results of the Russian census. *Sotsial'noe prostranstvo* = Social area. 2023;9;2. DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.4 (In Russ.)
10. Kuz'min AI. Family in the Urals: demographic aspects of choosing a life path. Ekaterinburg; 1993. (In Russ.)
11. Lallukka S. East Finnish peoples of Russia: analysis of ethnodemographic processes. Saint-Petersburg; 1997. (In Russ.)
12. Petrakov AA. Demographic world of the family. Izhevsk; 1988. (In Russ.)
13. Pivkina AV. Regional features of marriage and divorce rates: a study of Mordovia Republic. *Ogarev-Online* = Ogarev-Online. 2016;3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brachnost-i-razvodimost-regionalnye-osobennosti-na-primere-respubliki-mordoviya> (accessed 07.07.2023). (In Russ.)
14. Sinel'nikov AB. Marriage and fertility without double gender standards. *Demoskop Weekly* = Demoscope Weekly. 2017;725–726. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0725/tema01.php> (accessed 07.07.2023). (In Russ.)
15. Uvarov SN. Udmurt family in 1959–1989: demographic aspect. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2021;15;1:127–138. (In Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-127-138.
16. Uvarov SN. Ethnodemographic processes in Udmurtia in 1959–1989. Monograph. Izhevsk; 2019. (In Russ.)
17. Pimenov VV, ed. Udmurts: historical and ethnographic essays. Izhevsk; 1993. (In Russ.)
18. Khristoliubova LS. Ethnodemographic processes in Udmurtia. *Fenomen Udmurtii* = Phenomenon of Udmurtia. Izhevsk; 2002;3;1:38–49. (In Russ.)
19. Chernysheva NV. Marriage and divorce rate of the population of the Volga-Vyatka region before and during the Great Patriotic War (1939–1945). *Voprosy istorii* = Questions of History. 2021;8–1:11–17. (In Russ.). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202108Statyi16.

Submitted 09.06.2023; reviewing 23.06.2023; accepted 30.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

A. I. Azhigulova – Candidate Sc. {History}, Senior Lecturer, Department of General History and Methods of Teaching History and Social Studies, Orenburg State Pedagogical University, azhigylova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1345-8447>

N. V. Chernysheva – Candidate Sc. {History}, Lead Research Fellow, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, natich84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>

S. N. Uvarov – Candidate Sc. {History}, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Udmurt State Agricultural University, sergey.uvarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6451-9245>

Семейно-брачная структура мордовского населения в историческом аспекте

Галина Альбертовна Корнишина

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва

Антон Евгеньевич Новослов

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук

при Правительстве Республики Мордовия,

Саранск, Россия

Введение. В статье прослеживается динамика тенденций основных элементов семейно-брачной структуры мордовского населения на протяжении длительного исторического периода (XVIII – начало XXI в.). Рассматриваются типы семей, их количественный и поколенный состав, уровень брачности и рождаемости.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили научные труды, дающие представление о рассматриваемой проблеме, а также статистические данные, которые позволили подвергнуть разбору основные элементы семейной структуры мордовского населения. В процессе исследования использовались историко-структурный метод и методы количественного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Семья у мордвы прошла сложный путь развития. Вплоть до 1930-х гг. наблюдалось бытование как малой, так и большой формы семьи. В 1920–1930-е гг. в результате распада больших семейных коллективов преобладающими стали простые (нуклеарные) семьи. На протяжении XX – начала XXI в. отмечается сокращение количественных показателей мордовской семьи: ее людности, числа поколений, а также снижение рождаемости и коэффициента брачности.

Заключение. В настоящее время положение в семейной сфере несколько стабилизировалось. В Мордовии увеличивается число заключаемых браков, хотя это не приводит к повышению рождаемости. Сложившаяся ситуация вызвана тем, что молодежь в первую очередь стремится достичь определенного положения в обществе, сделать карьеру; важным становится несемейный образ жизни. Для выправления демографической ситуации и поднятия престижа семьи особое значение имеют социальные меры, которые принимаются в республике в рамках нацпроекта «Демография».

Ключевые слова: большая неразделенная семья, малая нуклеарная семья, людность, поколенный состав, брачность, развод, рождаемость, миграции

Для цитирования: Корнишина Г. А., Новослов А. Е. Семейно-брачная структура мордовского населения в историческом аспекте // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 310–320. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.310-320.

Введение

Изучению института семьи всегда уделялось большое внимание учеными различных специальностей: этнологами, социологами, экономистами, юристами и др. Это связано с тем, что семья, являясь одной из основных социальных групп, отражает изменения, происходящие в обществе, и в то же время сама воздействует на его развитие. Семейный коллектив, обладая определенной структурой, оказывает значительное влияние на формирование личности человека, его ценностных установок, отношения к культурному наследию и т. д. Если рассматривать семью с точки зрения

этнологии, то надо отметить, что именно семье принадлежит важнейшая роль в воспроизводстве этноса, а также в привитии молодому поколению традиционных норм и ценностей, которые обеспечивают идентификацию их носителей с определенным этническим и гражданским сообществом. В связи с этим представляется важным проследить направление тенденций количественного и качественного развития основных элементов семейно-брачной структуры мордовского населения на протяжении длительного исторического периода (XVIII – начало XXI в.).

Обзор литературы

Тематика, связанная с семейно-брачной структурой населения, в качестве предмета научного изыскания появилась в середине XIX в. Тогда был издан труд К. Арсеньева, в котором приводились данные по численности жителей различных российских регионов, в том числе по половозрастному и внутрисемейному составу населения [1]. Большой вклад в разработку вопросов семейно-брачной проблематики внесли труды Э. К. Васильевой [6], Я. Е. Водарского [7], Е. Б. Урланис [22], А. Г. Харчева [23; 24] и др. В них прослеживаются тенденции развития брака и семьи в России на протяжении длительных исторических периодов.

Анализ количественных характеристик мордовской семьи стал активно осуществляться в середине прошлого века. В. И. Козловым [9] и Н. Ф. Тюгаевым [21] рассматривались рождаемость, половозрастная структура мордвы, а также продолжительность жизни и динамика численности населения. Свое видение демографической ситуации в республике, в том числе аспектов, касающихся семейных коллективов, на основе анализа материалов всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. обозначил в книге «Народонаселение и охрана здоровья в Мордовии» Н. Я. Назаркин [15]. В. А. Балашов и Л. И. Савинов посвятили свою монографию анализу тенденций развития мордовской семьи с конца XIX до 80-х гг. XX в. [2].

Политические преобразования 1990-х гг. существенно изменили социально-экономическую обстановку в нашей стране, что не могло не сказаться на структурных характеристиках семьи, закономерностях воспроизводства населения и т. п. Эти процессы нашли отражение и в научных публикациях. Так, в работе В. Ф. Разживина и И. В. Широковой на основе большого количества статистических материалов показана динамика трансформации количественных характеристик семьи основных национальностей Мордовии как в целом по республике, так и конкретно в городской и сельской местности [17].

Взаимосвязь демографических процессов с социально-экономической обстановкой выявила Н. Н. Логинова, она же проследила развитие тенденций этнодемографических процессов в Мордовии за последние пятьдесят лет [13]. К. П. Мартынов дал оценку причин демографического кризиса в сельской местности, подробно рассмотрел причины убыли населения, снижения рождаемости и уменьшения количественного состава семей [14]. Сведения о количественном и социальном составе мордовского сельского населения в начале XXI в., почерпнутые как из статистического материала, так и из полевых исследований, приведены в статьях Г. А. Корнишиной [10; 11].

Основными источниками настоящего исследования стали опубликованные статистические данные, такие как подворные переписи начала XX в. Их целью было выявление социально-экономического и демографического состояния крестьянских хозяйств отдельных губерний и уездов. В частности, были привлечены материалы по Алатырскому и Ардатовскому уездам Симбирской губернии. Также использовался сборник «Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губернии [1909–1913 гг.]», изданный в 1913 г., где содержатся сведения о качественной и количественной структуре сельских семей региона. Социально-демографические характеристики населения Мордовии конца XX – начала XXI в. были прослежены по статистическим сборникам, которые ежегодно выпускаются республиканским территориальным органом госстатистики. Использование этих источников дополнило данные научных трудов и стало базой для обобщений и выводов.

Материалы и методы

Для исследования динамики тенденций ключевых характеристик структуры мордовской семьи были изучены и проанализированы научные труды, дающие представление о рассматриваемой проблеме, а также статистические данные, с помощью которых были подвергнуты разбору основные элементы семейной структуры мордовского населения.

В процессе исследования использовался историко-структурный подход, позволивший рассмотреть изменение семейно-брачной структуры мордовского населения как динамический процесс, на который оказывают значительное влияние социально-экономические условия определенного исторического периода. Для обработки статистических данных были привлечены количественные методы, что способствовало получению численных показателей состояния различных аспектов внутренней структуры мордовских семей.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследователи, занимающиеся изучением структуры семьи, по-разному интерпретируют ключевые термины, связанные с данной областью человеческих отношений. В социологии их рассматривают преимущественно в плане взаимоотношений между членами семейного сообщества в процессе его функционирования. Известный российский социолог А. Г. Харчев считает, что семейная структура также включает порядок разделения ролевых семейных функций и критерии семейной власти [23, 35–37].

Демографы полагают, что основными элементами структуры семьи являются ее количественные характеристики (численный и поколенный состав, репродуктивные параметры). Пристальное внимание они уделяют также сущности родственных связей, организации семейных отношений, которые считаются демографическими [18, 25–26].

В этнологических трудах типы семей определяются по разным признакам: социальному, национальному, структурному и др. Например, О. А. Ганцкая выделяет типы семей в зависимости от формального или действительного главенства в семье и авторитета разных поколений [8, 19]. В работах других авторов типология семьи детерминируется ее численностью и структурой, основными показателями которой выступают поколенный, половозрастной и родственный состав [3; 4; 20].

Традиционным для этнологии является выделение двух типов семьи: большой

и малой. Критерии их разделения неоднозначны, поэтому в трудах различных ученых вопрос о причислении тех или иных семей к конкретному типу может быть решен по-разному. Также в этнологии довольно распространен термин «неразделенная семья». Он применяется для обозначения сложных типов семей, которые близки к традиционным большим семьям по своему родственному составу, количеству брачных пар, поколений и т. д. [19, 105].

Учитывая указанные параметры, большинство исследователей делят семьи на два типа. Первый – это простые семьи, которые также именуются малыми или нуклеарными. Такие брачные союзы обычно состоят из брачной пары с детьми или без них, а также одного из родителей с детьми. Второй тип – сложные, или неразделенные, семьи. В их состав входят две и более брачные пары, которые могут быть полными (муж + жена + дети или просто муж + жена) и неполными (мать + дети или отец + дети). В своей работе мы будем придерживаться именно этой типологизации семьи, взяв за основу брачную пару старшего поколения. Надо отметить, что некоторые ученые подразделяют эти типы на более мелкие. Например, Ю. В. Бромлей и М. С. Кашуба выделяют из сложной семьи два подтипа – «многолинейный» (боковое родство двух и более брачных пар одного или разных поколений) и «однолинейный» (прямое родство брачных пар разных поколений, но не более одной на поколение) [5, 83].

У мордвы до начала прошлого столетия бытовали как большая, так и малая семьи. Их доминирование в том или ином регионе зависело от местной социально-экономической ситуации. По результатам ландратской переписи начала XVIII в. (1716–1717 гг.), большие семьи преобладали в Алатырском, Саранском, Темниковском, Ставропольском уездах. Здесь они составляли от 56 до 93 % всех семей. В то же время в Самарском уезде, где мордовские семьи имели обширные земельные участки и были благоприятные климатические условия для занятия земледелием, значительная доля приходилась на малые семейные коллективы. Их удельный вес в различных селениях колебался в пределах 71,5–73,0 %.

Что касается родственного состава больших семей, то в основном это была старшая брачная пара с несколькими женатыми сыновьями (так называемая отцовская семья) или несколько брачных пар женатых братьев (братская семья). Согласно той же ландратской переписи 1716–1717 гг., преобладающими являлись братские семьи. Например, в Темниковском уезде их доля превышала 71 %. В пределах Саранского уезда братские семьи составляли около 60 % всех сложных семей, тогда как отцовские – только 23 %. Подобная ситуация сохранялась и в первой половине XIX в. Результаты IX ревизии 1850 г. показали, что, например, в Краснослободском уезде братских семей было около 40 %, а отцовских – около 30 % [4, 24].

В XVIII – первой половине XIX в. наблюдалась значительная вариативность количественных характеристик мордовской семьи. В начале XVIII в. в Темниковском уезде средняя численность мордовского двора составляла 9,5–9,8 чел., в Саранском – 7, в Алатырском – почти 10 чел. В первой половине XIX в. на один двор приходилось в среднем 8 чел. Поколенная структура мордовских семей также изменялась, причем у эрзи и мокши по-разному. Так, в начале XVIII в. большинство мордовских семей, а именно 82 %, включало два-три поколения. Сохранялась данная ситуация и в первой половине XIX в., но если у эрзи доля таких семей достигала 47, то у мокши – 40 %. В дальнейшем происходило увеличение числа семейных коллективов, состоящих из 3–5 поколений. Результаты IX ревизии показали, что в Краснослободском уезде процент таких семей приблизился к 46, а в Ардатовском превысил 60 [16, 43–44].

Подобная ситуация объясняется тем, что многолюдные семьи имели возможность интенсивнее вести трудовую деятельность, так как могли, во-первых, обрабатывать большую площадь земли, а во-вторых, заниматься не только земледелием, но и промыслами. Семьи же, состоящие из меньшего количества людей, не имели возможности рационально кооперировать свой труд. К тому же они, как правило, были малоземельными.

К середине XIX в. по всей России началось дробление больших семей. Главными причинами этого были развитие товарно-денежных отношений и появление товарного производства, отходничества, что способствовало накоплению собственности в руках малых семей, которые стремились выйти из состава больших родственных коллективов. Распад больших семей был вызван и бытовыми причинами. Значительный количественный состав затруднял управление семейным сообществом. Взрослые сыновья часто высказывали недоверие как главе семьи, так и друг другу, что приводило к раздорам. Кроме того, большому числу людей было трудно проживать в одном жилом помещении, теснота также провоцировала частые ссоры.

Распад семьи происходил путем выделов, отходов и разделов. При выделе из большой семьи обособлялась только одна малая семья, тогда как остальные продолжали жить вместе. Самовольное выделение малого семейного коллектива из большой семьи без согласия ее главы называлось отходом. Как отмечал один из исследователей мордвы И. Красноперов, обычно при этом отделившийся сын не получает «ни пяди надельной земли и никакого движимого имущества. Такие отщепенцы обыкновенно поселяются у кого-либо из шабров на квартире и живут случайными заработками: нанимаются к богатым мужикам в работники, в пастухи, летом занимаются полевыми работами, или же просто уходят на сторону» [12, 63]. При разделе семья распадалась на несколько семейных коллективов. Разделы были внутрисемейным делом. При их проведении в качестве свидетелей приглашали уважаемых родственников или соседей. В случае возникновения споров прибегали к помощи старосты или урядника.

Процесс разделения больших семей был постепенным, так как было принято обеспечивать выделявшиеся малые семьи всем необходимым. По свидетельству И. Красноперова, они получают «из отцовского надела часть душевой земли, лошадь, корову, несколько голов овец, свинью и даже часть собранного общими трудами хлеба. Отец строит отделившему-

ся сыну новую избу...» [12, 64]. Поскольку сразу удовлетворить потребности всех стремившихся к самостоятельности семей не представлялось возможным, их выделяли по очереди. Вследствие этого распад сложных семей растягивался на долгие годы. Например, еще в начале XX в. у мордвы Заволжья преобладали неразделенные семьи. В период с 1902 по 1917 г. в мордовских селах Самарского уезда они составляли 63,7 % [10, 82].

Ситуация с количественными показателями семей начала кардинально меняться на рубеже XIX–XX вв. В указанное время основным типом семей у мордвы стали так называемые промежуточные семьи, когда глава отделял старших женатых сыновей, а младший сын оставался жить с родителями или одним из них. Это подтверждают данные подворной переписи 1910–1911 гг., которая зафиксировала, что у мордовского населения таких семей было около 70 %. Они включали в свой состав брачную пару или одного из супругов, проживавшего со своими женатыми сыновьями и внуками. Но до начала сплошной коллективизации, т. е. до 1930-х гг., в подобных семейных коллективах сохранялось единство пользования земельными участками, которые по-прежнему обрабатывались совместно.

Распад больших семей приводил к сокращению их численности и количества поколений. Согласно результатам подворной переписи 1910–1911 гг., средняя численность эрзянской семьи в Ардатовском и Алатырском уездах Симбирской губернии составила 6,5 чел. Средняя численность мокшанской семьи была ненамного больше. Так, в Пензенской губернии она приближалась к 7 чел. Если рассматривать поколенный состав мордовских семей, то в начале XX в. преобладающими стали семейные союзы, включавшие три поколения, хотя сохранялись и семьи, состоявшие из четырех и более поколений¹.

В 1930–1940-е гг. малые семьи у мордвы становятся доминирующими. Данная тенденция сохраняется и в дальнейшем. К тому же прослеживается постоянное сокращение количественных характеристик семейных коллективов. Например, в 1920–1930-е гг. средний размер семьи сельской мордвы на территории Мордовии составлял 5 чел., в 1959 г. – 4, в 1989 г. – 3 чел. К 1980 г. на долю двухпоколенных семей приходилось 64 %, семей из трех поколений – 20, из четырех – 16 %. Кроме того, значительное место (19,6 %) в структуре сельского населения в 80-е гг. прошлого столетия занимали одинокие люди [11, 35].

В 1920–1940-е гг. наблюдалось сокращение числа заключенных брачных союзов, что было вызвано большими потерями мужского населения во время революции и войн. Все это обусловило ухудшение гендерной и возрастной структуры населения. Сложившуюся демографическую ситуацию усугубило значительное повышение количества разводов. Например, в 1926 г. в Мордовии сельским населением было заключено 12,4 тыс. браков, в то же время 1,8 тыс. брачных пар распались, т. е. разводы составили 14,4 % от числа заключенных браков. В следующем 1927 г. этот показатель превысил 23 % [11, 34–35].

Во второй половине XX в. в динамике общего количества браков и разводов мордовского населения республики происходили подъемы и спады, которые зависели от социально-экономических, демографических и других факторов. В послевоенные годы в связи с возвращением домой демобилизованных солдат число браков увеличилось, с 1951 по 1954 г. – уменьшилось, так как в этот период усилилась миграция населения из Мордовии в другие регионы. Затем количество браков стало увеличиваться и к 1960 г. достигло послевоенной отметки. Однако уровень брачности по Мордовии (9,3–9,9 %) был ниже, чем в

¹ См.: Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Вып. 2. Алатырский уезд. Симбирск, 1913. С. 76–77. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000202_000006_186925%7C0AF59D36-BF85-4F6B-9B12-AC24AF56B9FE?page=94&rotate=0&theme=white (дата обращения: 17.08.2023); Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Вып. 3. Ардатовский уезд. С. 116–117. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004016252/ (дата обращения: 17.08.2023); Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губернии [1909–1913 гг.] / под общ. рук. В. Г. Громана. Пенза, 1913. Сер. 3. Исследование земельных имуществ. Ч. 2, вып. 11. С. 10. URL: http://dl.liblermont.ru/DL/July_20/Itogi_ocenочно-statisticheskogo_issledovaniya_Seriya_III_chast_II_otdel_II_V11_pogubernskie_i_pouezdnye_itogi.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

целом по стране (12,2 %) [17, 106]. Сказалась высокая занятость женщин на производстве, особенно в сферах, не требующих большого физического труда, например в образовании, культуре, здравоохранении, торговле, обслуживании населения, общественном питании и т. д. Показатель занятости женщин в Мордовии увеличился в 1959–1970 гг. с 48,4 до 55,0 %, что было выше, чем в СССР (50,0 % в 1970 г.) [15, 140]. Повышая свой общественный и профессиональный уровень, женщины становились более требовательными к будущим партнерам и откладывали вступление в брак, что вело к снижению рождаемости.

С 1960 по 1964 г. уровень брачности опять опустился (с 9,9 до 7,8 %), так как в эти годы достигли времени вступления в брак малочисленные дети войны. Начиная с 1965 г. он постепенно стал повышаться и достиг своего максимума к 1978 г. (11,0 %), когда в брак начали вступать молодые люди, родившиеся в послевоенное время. Подобная тенденция сохранилась и в последующее десятилетие. Что касается количества разводов, то в рассматриваемый период оно продолжало расти. С 1968 по 1978 г. среди семейных коллективов Мордовии доля разведенных увеличилась с 18,4 до 19,8 % [17, 118].

Рост числа разводов сказался на снижении рождаемости. К середине 1960-х гг. ее уровень составил 65 % от уровня 1958 г. Но когда стали вступать в брак дети детей, рожденных после завершения Великой Отечественной войны, рождаемость стабилизировалась и держалась на уровне 13–17 тыс. детей в год вплоть до 1990-х гг. [17, 70].

В конце XX в. в связи с изменившимися социально-экономическими условиями усилились негативные тенденции в сфере семьи, которые привели к ее ослаблению как социального института. Значительно снизился показатель брачности. Так, согласно итогам переписи 2010 г. по Республике Мордовия на 1 000 чел. населения, доля состоящих в незарегистрированном браке мужчин по сравнению с 2002 г. возросла с 6,3 до 9,3 %, женщин – с 6,2 до

9,2 %. Увеличился и удельный вес разведенных мужчин и женщин – соответственно с 7,2 и 9,0 % в 2002 г. до 7,5 и 10,5 % в 2010 г.²

Данная ситуация негативно повлияла на уровень рождаемости. Во многих субъектах Российской Федерации, в том числе в Мордовии, коэффициент рождаемости оказался самым низким за весь послевоенный период и находился в пределах 8–9 ‰. Выросло число детей, рожденных вне брака. Если в 1999 г. их доля в общем числе родившихся составляла 17, то в 2010 г. – 18,8 ‰³.

Сокращение рождаемости существенно меняет количественную характеристику семьи. К 2010 г. средний размер семьи в Республике Мордовия составил 2,5 чел., причем отличий между городскими (2,5 чел.) и сельскими (2,6 чел.) семьями практически не наблюдалось. Преобладающим типом стали семьи из 1–3 чел. (77,3 %). В городах таких семей было 79,5, на селе – 73,8 %. Значительным оказалось количество одиноких людей (26,6 %). В городах их доля в общем количестве семей превысила 25, в сельской местности – приблизилась к 29 %. Что касается семейных союзов из 2 чел., то они составили к 2010 г. почти 28 %. Подобных семей в городах было 28,5, на селе – около 30 %. Существенную долю составили семьи из 3 и 4 чел. (чуть более 38 %): соответственно 40 % в городах и 35,5 % в сельской местности. На семьи из 5–7 и более человек в целом приходилось 7,5 %: почти 6 % в городах и 10 % на селе⁴.

В настоящее время положение в семейной сфере в Республике Мордовия несколько улучшилось. Это видно на примере динамики количества браков и разводов (табл. 1).

Анализ данных табл. 1 показывает, что постепенно ситуация с количеством заключенных браков стабилизируется. Снижение коэффициента брачности в 2020 г., вероятно, связано с пандемией COVID-19, когда произошло значительное сокращение непосредственных контактов между людьми и были отменены или ограничены все массовые мероприятия. Стал стабиль-

² См.: Мордовия: стат. ежегодник. Саранск, 2021. С. 83.

³ Там же. С. 77.

⁴ Там же. С. 69.

Таблица 1. Динамика браков и разводов в Республике Мордовия в 2011–2022 гг.*

Table 1. Dynamics of marriages and divorces in the Republic of Mordovia in 2011–2022

Год / Year	Число браков / Number of marriages	Число разводов / Number of divorces	На 1 000 чел. населения / Per 1,000 population	
			Браков / Marriages	Разводов / Divorces
2011	6 400	3 042	7,7	3,7
2012	5 968	3 123	7,3	3,8
2013	5 797	3 450	7,1	4,2
2014	5 522	3 168	6,8	3,9
2015	5 367	2 687	6,6	3,3
2016	4 265	2 659	5,3	3,3
2017	4 648	2 648	5,8	3,3
2018	3 810	2 614	4,8	3,3
2019	4 018	2 571	5,1	3,2
2020	3 005	2 295	3,8	2,9
2021	3 611	2 496	4,7	3,2
2022	3 940	2 472	5,1	3,2

* Таблица составлена по: Мордовия: стат. ежегодник. Саранск, 2021. С. 83; Республика Мордовия в цифрах 2022: кр. стат. сб. № 4. Саранск, 2023. С. 22. URL: https://13.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Сборник%20%204_2023.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

Таблица 2. Динамика рождаемости в Республике Мордовия в 2011–2022 гг.**

Table 2. Dynamics of birth rate in the Republic of Mordovia in 2011–2022

Год / Year	Всего родившихся / Total number of births	Родившихся на 1 000 чел. населения / Births per 1,000 population
2011	7 918	9,5
2012	8 180	10,0
2013	8 256	10,1
2014	8 133	10,0
2015	7 867	9,7
2016	7 933	9,8
2017	6 860	8,5
2018	6 652	8,3
2019	5 948	7,5
2020	5 518	7,0
2021	5 265	6,7
2022	4 672	6,0

** Таблица составлена по: Мордовия: стат. ежегодник. С. 72; Республика Мордовия в цифрах 2022. С. 22. URL: https://13.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Сборник%20%204_2023.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

ным и коэффициент разводимости, хотя он остается довольно высоким.

Что касается рождаемости, то в Мордовии по-прежнему наблюдается ее сокращение (табл. 2), т. е. сохраняется ориентация семей на малое количество детей. На это влияют такие факторы, как продолжающаяся урбанизация (усложнившая уход за детьми и их материальное обеспечение в будущем), появление широкого спектра средств контроля рождаемости, вовлечение женщин во все сферы общественного производства, введение социальной защиты и

пенсионного обеспечения по старости, дающее человеку возможность не надеяться на поддержку детей в будущем.

Снижение потребности в детях, утрата многодетности как национальной традиции привели к тому, что в настоящее время в Мордовии удельный вес однодетных семей составляет 60 %, в то время как многодетных – 3,5 %. Немаловажным фактором низкой рождаемости является и значительное количество неполных семей. Так, в 2021 г. 17,2 % от общего количества рожденных детей родились вне брака⁵.

⁵ Постановление Правительства Республики Мордовия от 29.06.2023 № 303 «Об утверждении Региональной программы по повышению рождаемости и поддержке семей с детьми в Республике Мордовия на период 2023–2025 гг.». С. 40. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1300202307030001?index=41> (дата обращения: 17.08.2023).

Низкая рождаемость вызвана и активной миграцией жителей республики детородного возраста за ее пределы. За 2000–2022 гг. в республике на 32,6 % сократилась численность женщин фертильного возраста (15–49 лет). Наибольшее сокращение наблюдается в группах, считающихся оптимальными для рождения первого ребенка. Это женщины в возрасте 20–24 года, количество которых уменьшилось на 44,3 %, и в возрасте 25–29 лет – на 31,6 %⁶. Оставшееся малочисленное население молодого возраста неспособно «возместить» демографические потери.

Покидать обжитые места граждан республики заставляет поиск более благоприятных в социально-экономическом отношении условий жизни. Наибольший отток населения из Мордовии направлен в Москву, Московскую, Нижегородскую и Самарскую области. Мигранты уезжают в экономически развитые регионы, где имеются более широкие возможности применения их труда и более высокий жизненный уровень.

Заключение

В современных исследованиях проблем семьи ведущее место принадлежит рассмотрению ее структуры и демографических характеристик. Это вызвано тем, что именно семья, происходящие в ней изменения во многом определяют динамику численности населения как в целом по России, так и в отдельно взятых регионах. Тенденция его сокращения вызвана уменьшением рождаемости, миграционными процессами, стремлением молодых людей прежде всего достичь определенного положения в обществе и т. д. Все эти факторы формировались на протяжении довольно длительного периода и вследствие ряда причин, что мы и прослеживаем в данной публикации.

Семья у мордвы прошла сложный путь развития. Вплоть до 1930-х гг. наблюдалось бытование как малой, так и боль-

шой формы семьи. В 1920–1930-е гг. в результате распада больших семейных коллективов преобладающими стали простые (нуклеарные) семьи. На протяжении XX – начала XXI в. происходили постепенное снижение количественных показателей мордовской семьи (ее людности, числа поколений), уменьшение рождаемости и коэффициента брачности.

В настоящее время положение в семейной сфере несколько стабилизировалось. Например, в Мордовии увеличилось число заключаемых браков, хотя это и не привело к ощутимому увеличению рождаемости. Для выправления демографической ситуации и поднятия престижа семьи особое значение имеют социальные меры, которые принимаются в республике, в частности по нацпроекту «Демография». В 2021 г. в рамках этого проекта в Мордовии материальную поддержку при рождении первого ребенка получили 6 259, при рождении следующих детей – 3 859 семей. 613 семей воспользовались средствами материнского капитала, когда родились третий и последующие дети. Также 199 многодетных семей, т. е. семей, имеющих трех и более детей, воспользовались льготами на покупку жилья⁷.

Особое место занимает освещение в республиканских СМИ опыта многодетных семей в воспитании детей, их уклада жизни. В рамках мероприятий по укреплению ценностей семьи и детства в 2007 г. в Саранске рядом с Кафедральным собором была установлена скульптурная композиция «Во славу семьи – начала жизни и основы будущего», которая стала любимым местом молодоженов.

Для того чтобы достичь заметных результатов в улучшении демографической ситуации как в целом по стране, так и в нашей республике, надо приложить еще немало усилий. И если действовать активно, то, по прогнозам некоторых ученых, к 2050 г. можно достичь численности населения России в 160 млн чел.

⁶ Постановление Правительства Республики Мордовия от 29.06.2023 № 303 «Об утверждении Региональной программы по повышению рождаемости и поддержке семей с детьми в Республике Мордовия на период 2023–2025 гг.». С. 81.

⁷ См.: Нацпроекты «Демография». Региональный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей». URL: <https://e-mordovia.ru/glava-rm/novosti/natsproekty-demografiya-regionalnyy-proekt-finansovaya-podde/> (дата обращения: 17.08.2023).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб.: Тип. Императ. Академии наук, 1848. 503 с.
2. Балашов В. А., Савинов Л. И. Облик современной семьи: социал.-демогр. и этн. аспекты. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 143 с.
3. Беляева Н. Ф. Мокшанская сельская семья в контексте современных модернизационных процессов // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10, № 1. С. 75–88. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.01.075-088.
4. Богатырев Э. Д., Першин С. В., Першина Т. А. Крестьянская семья в имперском социуме: трансформация структуры традиционной крестьянской семьи в XVIII – первой половине XIX веков (по материалам мордовского края) // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 22–27.
5. Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Брак и семья у народов Югославии. Опыт историко-этнографического исследования. М.: Наука, 1982. 239 с.
6. Васильева Э. К. Семья и ее функции: Демогр.-стат. анализ. М.: Статистика, 1975. 181 с.
7. Водарский Я. Е. Население России за 400 лет – (XVI–XX вв.). М.: Просвещение, 1973. 158 с.
8. Ганцкая О. А. Семья: структура, функции, типы // Советская этнография. 1984. № 6. С. 16–28.
9. Козлов В. И. Расселение мордвы: Исторический очерк // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды Мордовской этнографической экспедиции. М., 1960. Вып. 1. С. 5–62.
10. Корнишина Г. А. Демографические параметры мордовской сельской семьи Самарского Заволжья в XIX – начале XX в. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2011. № 5. С. 81–82. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=1254> (дата обращения: 17.08.2023).
11. Корнишина Г. А. Демографические параметры мордовской семьи // Концептуальные и прикладные аспекты социальной работы с семьей и детьми в полиэтнической среде: материалы IV заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Саранск, 2013. С. 33–37.
12. Красноперов И. Мордовская община в Бугульминском уезде // Северный вестник. 1887. Кн. 1, отд. 2. С. 60–75.
13. Логинова Н. Н. Население Республики Мордовия: геодемографическая ситуация, динамика и структура: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. 101 с.
14. Мартынов К. П. Проблемы устойчивого развития сельских территорий Республики Мордовия // Казанская наука. 2013. № 7. С. 102–104.
15. Назаркин Н. Я. Народонаселение и охрана здоровья в Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. 263 с.
16. Николаев С. Д. Мордовская семья по статистическим данным первой половины XIX века (на примере Ардатовского и Краснослободского уездов) // Финно-угроведение. 1997. № 4. С. 40–56.
17. Разживин В. Ф., Широкова И. В. Народ Мордовии: социокультурная динамика (первая четверть XX – начало XXI столетия). Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Респ. Мордовия, 2007. 286 с.
18. Ростовская Т. К., Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Кучмаева О. В., Семенов В. Г. Семья и демографические процессы в современной России: моногр. М.: Экон-Информ, 2021. 257 с.
19. Свердлов М. Б. Семья и община в Древней Руси // История СССР. 1981. № 3. С. 97–108.
20. Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 309 с.
21. Тюгаев Н. Ф. Крепостная деревня Мордовии в конце XVIII – первой половине XIX вв. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975. 256 с.
22. Урланис Е. Б. Демографическая политика и ее влияние на демографическое поведение населения. М.: [Б. и.], 1970. 10 с.
23. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1979. 367 с.
24. Харчев А. Г. Социология семьи: проблемы становления науки. М.: Центр социал. прогнозирования, 2003. 341 с.

Поступила 14.06.2023; одобрена 29.06.2023; принята 30.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Г. А. Корнишина – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, g.kornihina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5680-504>

А. Е. Новослов – аспирант Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, antonnovoslov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7034-574X>

Family and marriage structure of the Mordovian population in a historical context

Galina A. Kornishina

National Research Mordovia State University

Anton E. Novoslov

Research Institute of the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia

Introduction. The article traces the dynamics of trends in the key elements of the family-marriage structure of the Mordovian population over an extended historical period (XVIII century – early XXI century). It examines the types of families, their quantitative and generational composition, as well as marriage and birth rates.

Materials and Methods. The research materials included the works providing insight into the discussed issue, as well as statistical data that enabled the analysis of the fundamental elements of the family structure of the Mordovian population. The research employed historical-structural methods and quantitative analysis methods.

Results and Discussion. The family structure among the Mordovians has undergone a complex evolution. Up until the 1930s, both small and large family forms were observed. In the 1920s and 1930s, due to the disintegration of large family collectives, simple (nuclear) families became predominant. Throughout the XX to the early XXI century, there has been a noticeable reduction in quantitative indicators of Mordovian families: their population, the number of generations, as well as a decline in birth rates and marriage rates.

Conclusion. Currently, the situation in the family sphere has somewhat stabilized. In Mordovia, the number of marriages is increasing, although this does not lead to an increase in birth rates. The current situation is driven by the fact that young people primarily seek to achieve a certain social status, build their careers, and a non-family lifestyle becomes increasingly important. To address the demographic situation and enhance the prestige of the family, special importance is given to social measures taken in the Republic as part of the national project "Demography".

Keywords: large undivided family, small nuclear family, population, generational composition, marriage, divorce, fertility, migration

For citation: Kornishina GA, Novoslov AE. Family and marriage structure of the Mordovian population in a historical context. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;3:310–320. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.310-320.

REFERENCES

1. Arsen'ev KI. Statistical essays of Russia. Saint-Petersburg; 1848. (In Russ.)
2. Balashov VA, Savinov LI. The appearance of a modern family: socio-demographic and ethnic aspects. Saransk; 1987. (In Russ.)
3. Belyaeva NF. Moksha rural household in modernization processes. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018;10:1:75–88. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.01.075-088.
4. Bogatyrev ED, Pershin SV, Pershina TA. Peasant family in the imperial society: transformation of the structure of the traditional peasant family in the XVIII – first half of the XIX centuries (based on materials from the Mordovian region). *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Bulletin of the Chuvash University. 2006;6:22–27. (In Russ.)
5. Bromlei IuV, Kashuba MS. Marriage and family among the peoples of Yugoslavia. Experience of historical and ethnographic research. Moscow; 1982. (In Russ.)
6. Vasil'eva EK. Family and its functions: demographic-statistical analysis. Moscow; 1975. (In Russ.)
7. Vodarskii IaE. Population of Russia over 400 years – (XVI–XX centuries). Moscow; 1973. (In Russ.)
8. Gantskaia OA. Family: structure, functions, types. *Sovetskaia etnografiia* = Soviet ethnography. 1984;6:16–28. (In Russ.)
9. Kozlov VI. Settlement of the Mordovians: Historical sketch. *Voprosy etnicheskoi istorii mordovskogo naroda* = Questions of the ethnic history of the Mordovian people. Proceedings of the Mordovian ethnogra-

- phic expedition. Moscow; 1960;1:5–62. (In Russ.)
10. Kornishina GA. Demographic parameters of the Mordovian rural family of the Samara Trans-Volga region in the XIX – early XX centuries. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* = International Journal of Applied and Fundamental Research. 2011;5:81–82. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=1254> (accessed 17.08.2023). (In Russ.)
 11. Kornishina GA. Demographic parameters of the Mordovian family. *Kontseptual'nye i prikladnye aspekty sotsial'noi raboty s sem'ei i det'mi v polietnicheskoi srede: materialy IV zaoch. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* = Conceptual and applied aspects of social work with families and children in a multiethnic environment. Materials of the IV correspondence scientific and practical conference with international participation. Saransk; 2013:33–37. (In Russ.)
 12. Krasnoperov I. Mordovian community in the Bugulma district. *Severnyi vestnik* = Northern Bulletin. 1887;1:2:60–75. (In Russ.)
 13. Loginova NN. Population of the Republic of Mordovia: geodemographic situation, dynamics and structure. Monograph. Saransk; 2011. (In Russ.)
 14. Martynov KP. Problems of sustainable development of rural territories of the Republic of Mordovia. *Kazanskaia nauka* = Kazan Science. 2013;7:102–104. (In Russ.)
 15. Nazarkin NIa. Population and health protection in Mordovia. Saransk; 1973. (In Russ.)
 16. Nikolaev SD. Mordovian family according to statistical data from the first half of the 19th century (using the example of Ardatovsky and Krasnoslobodsky districts). *Finno-ugrovedenie* = Finno-Ugric Studies. 1997;4:40–56. (In Russ.)
 17. Razzhivin VF, Shirokova IV. The people of Mordovia: sociocultural dynamics (first quarter of the XX – beginning of the XXI century). Saransk; 2007. (In Russ.)
 18. Rostovskaia TK, Arkhangel'skii VN, Ivanova AE, Kuchmaeva OV, Semenov VG. Family and demographic processes in modern Russia. Monograph. Moscow; 2021. (In Russ.)
 19. Sverdlov MB. Family and community in Ancient Rus'. *Istoriia SSSR* = History of the USSR. 1981;3:97–108. (In Russ.)
 20. Semenov IuI. Origin of marriage and family. Moscow; 2013. (In Russ.)
 21. Tiugaev NF. Serfhood village of Mordovia at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries. Saransk; 1975. (In Russ.)
 22. Urlanis EB. Demographic policy and its impact on the demographic behavior of the population. Moscow; 1970. (In Russ.)
 23. Kharchev AG. Marriage and family in the USSR. Moscow; 1979. (In Russ.)
 24. Kharchev AG. Sociology of the family: problems of the formation of science. Moscow; 2003. (In Russ.)

Submitted 14.06.2023; reviewing 29.06.2023; accepted 30.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

G. A. Kornishina – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University, g.kornihina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>

A. E. Novoslov – Post-graduate Student, Research Institute of the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, antonnovoslov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7034-574X>

Представления о «том свете» в текстах и практиках марийской культуры

Герман Юрьевич Устьянцев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Введение. В тексте рассмотрена репрезентация противопоставления обыденного и «потустороннего» пространств в марийских традициях и обрядах.

Материалы и методы. Работа основана на полевых материалах автора, собранных в местах компактного проживания марийского населения в 2017–2022 гг. (Республика Марий Эл, Республика Башкортостан, Кировская область). Основным научным направлением, к которому обращается исследователь, является семиотический подход к изучению традиции. Автор также исходит из концепции М. Дуглас о понятии «нечистого» в культуре и символической границе между условно «нормальным» и «неестественным» и из социокультурной теории Э. Дюркгейма о «священном» и «нечистом» в мифе и религиозных ритуалах.

Результаты исследования и их обсуждение. На основе интервью, поминально-обрядовых практик и текстов неказочной прозы автор исследует дихотомии «живое – неживое» и «чистое – нечистое» в современной марийской культуре. В фокусе исследования – модели описания «того света» и семиотические признаки его фольклорных обитателей, а также воззрения о разграничении и лиминальности мифологических пространств. В качестве признаков, маркирующих персонажей фольклора как «нечистую силу», автор рассматривает их визуальные характеристики. Интерес для исследователя также представляют воззрения носителей традиции об интеракции с хтоническим пространством и ее последствиях.

Заключение. В современном марийском фольклоре и ритуальных практиках репрезентированы представления о дихотомиях «живое – неживое» и «чистое – нечистое». Поддержание дифференциации между «чистым» и «нечистым» локусами обеспечивается существованием нормативных предписаний и ограничений, существующих в локальной традиции. Нарушение этой дистантности, соприкосновение с «тем светом» маркируют человека как связанного с демоническим, как источник и одновременно жертву темной мифологической силы.

Ключевые слова: марийцы, поминально-погребальная обрядность, «нечистая сила», ия, керемет, представления о «том свете»

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия», направление «Модели анализа языков и культур коренных народов России».

Для цитирования: Устьянцев Г. Ю. Представления о «том свете» в текстах и практиках марийской культуры // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 321–333. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.321-333.

Введение

В фольклорных представлениях марийцев выстраивается семиотическая дихотомия между людьми и персонажами, населяющими иномирное пространство. Задача данной статьи – на основе анализа интервью, обрядов и марийской неказочной прозы рассмотреть представления о «нечистом» в локальной традиции. Автор исследует визуальные характеристики нечисти, маркирующие ее «инаковость», атрибуты загробного мира и представления о взаимодействии носителей традиции с

хтоническим пространством. В современной антропологической парадигме человек изучается не только как носитель определенных культурных практик и обитатель антропосферы, но и как актор взаимодействия с другими, «неживыми» пространствами: техногенной средой, виртуальным миром и др. [17, 84–90]. Актуальной остается и проблема восприятия человеком «потустороннего» локуса, влияния веры в загробную жизнь на систему норм и запретов, ритуальных предписаний.

Обзор литературы

Отдельные данные по погребальным обрядам и «загробным верованиям» марийцев, а также демоническим персонажам их фольклора приводятся в работах XIX в., принадлежащих Н. И. Золотницкому [7], С. К. Кузнецову [8], Т. С. Семенову [15], И. Н. Смирнову [16], Г. Яковлеву [24] и другим авторам. В начале XX в. исследования представлений марийцев о «нечистой силе» продолжил языковед М. Г. Васильев [2]. В 1950-х гг. марийские религиозные верования и мифологические образы изучал американский семиотик и лингвист Т. Шебек [26]. Весомый вклад в систематизацию представлений о марийской мифологии внесли этнолог Л. С. Тойдыбекова [18], этнокультуролог Г. Е. Шкалина [22], религиовед и этнолог Н. С. Попов [13]. Несмотря на большой объем опубликованных материалов о марийских обрядах и верованиях, связанных с образами загробного мира, эти этнографические данные слабо освещены в рамках семиотического подхода.

Материалы и методы

Работа основана на полевых материалах автора, собранных в экспедициях 2017–2022 гг. в местах компактного расселения луговых и восточных марийцев (преимущественно в сельской местности) в республиках Марий Эл, Башкортостан и Кировской области. Выезды осуществлялись как индивидуально, так и в составе экспедиций кафедры этнологии МГУ имени М. В. Ломоносова. Основными источниками в работе выступают тексты интервью, в качестве дополнительного материала использованы тексты несказочной прозы (былички, бывальщины, поверья). Язык общения с информантами преимущественно русский. Методологической опорой выступило семиотическое направление в исследовании мифологии, представленное в работах отечественных ученых. В указанной методологической рамке устная традиция рассматривается как символическое пространство (мета-

текст), включающее различные интерпретации и сети значений. Помимо этого автор обращается к антропологической концепции М. Дуглас о понятии «нечистого» в культуре и символической границе между «нормальным» и «неприемлемым». Особую значимость представляет концепция французского автора Э. Дюркгейма о противопоставлении «чистого» и «нечистого» и их взаимосвязи в рамках культуры священного.

Результаты исследования и их обсуждение

*«Иной мир»
в мифологической картине мира.
Представления
о дихотомии пространств*

«Иной мир», или «тот свет» (луговомар. *вес туня* ‘загробный мир, мир мертвых’), в восприятии носителей традиции представляется условным абстрактным хронотопом¹, находящимся за рамками обозримого человеком обжитого пространства, пристанищем душ покойников и демонических персонажей. Среди обитателей «того света» в локальном фольклоре фигурируют души умерших (луговомар. *тошто мари-влак*), «заложные» покойники, демонические персонажи («нечистая сила»). Хотя эти мифологические образы выполняют разные функции в представлениях марийцев, их объединяет принадлежность к локусу хтонического, «нечистого» и «неживого». Представления марийцев об этом пространстве отражены в обрядах и текстах локального фольклора (быличка, бывальщина, поверья).

В современных нарративах редко звучат конкретные термины, определяющие иномирное пространство: «ад», «мир мертвых» и т. д. Чаще информанты используют более абстрактные категории: «оттуда», «другой мир», «тот мир», «там» [ПМА], т. е. отмечается нейтрализация в описании пространства смерти. Главное его свойство – изолированность от человека и привычной обывденной жизни. Неконтролируемое символическое нарушение границ

¹ Под хронотопом в тексте подразумевается антропологическое понятие, обозначающее взаимосвязь времени и пространства в восприятии индивида и носителей традиции в целом.

между измерениями «чистого» и «нечистого» табуировано и ведет к дисгармонии мифологического миропорядка.

В ритуальных практиках и фольклоре марийцев, как и многих других народов, представлены традиции, направленные на сегрегацию сферы «живого» и «неживого». Так, в марийской культуре бытуют запреты на принесение домой предметов с кладбища, использование вещей умершего и соприкосновение с его телом [ПМА]. Все, что прикасалось к коже покойника, согласно традициям многих культур, должно быть очищено [25, 11–15]. Таким образом, поддерживаются существование барьера между мифологическими пространствами, незыблемость «символических границ тела», связанных, по М. Дуглас, с опасностью для всего социума [3, 184]. По мнению антрополога, дифференциация «чистого» и «грязного», репрезентируемая в ритуале и мифе, обеспечивает сохранность сообщества. При этом нарушение границ влечет за собой опасность и в то же время потенциально большую силу, которая может быть разрушительной [3, 147]. Данный тезис справедлив в отношении фольклорной нечисти: ее хтонический характер предполагает потенциальную угрозу для человека и силу над ним. Э. Дюркгейм полагал, что для религиозно-мифологической сферы культуры внутренняя дихотомия является определяющим принципом: «Таким образом, вся религиозная жизнь вращается вокруг двух противоположных полюсов, которые противопоставляются как чистое и нечистое, священное и кощунственное, божественное и дьявольское» [4, 675].

Сегрегация сакрального и демонического представлена в космогонических, этиологических мифах и мифологических сказках марийцев. Один из самых распространенных мифов, сюжет о сотворении мира двумя божествами-антагонистами, встречается и в культурах других финно-угорских народов (коми, удмуртов и др.) [14]. Согласно мифу, изначально существовали два божества: Юмо и Керемет. Юмо, доброе божество, поссорился с

Кереметом и прогнал его на землю. С тех пор Юмо управляет небесным пространством, а Керемет – земной сферой [22, 80]. В одной из версий мифа Керемет по указанию Юмо достал со дна мирового океана землю. Светлый бог сотворил из нее сушу и гладкий ландшафт. Керемет же, утаив во рту часть земли, выплюнул ее – так появились холмы и горы [23, 116]. По мнению Г. Е. Шкалиной, Юмо (в религиозной традиции – Ош Поро Кугу Юмо ‘Светлый Добрый Великий Бог’) репрезентирует «светлое, доброе и мягкое», а Керемет – «темное, злое, твердое» [22, 81].

Полевые исследования свидетельствуют, что приверженцы марийской традиционной религии обращаются к Юмо во время молений в священных рощах – *күсото*; Керемета они чаще воспринимают как божество, отводящее болезни, беды, или как покровителя колдовства и злых сил [20, 307]. По замечанию Э. Дюркгейма, демоническое существо, будучи «нечистым», не является профанным: «антибог является богом» [4, 692]. Практики моления Керемету в настоящее время фактически не встречаются, однако места поклонения ему отмечены в локальных традициях, воспоминаниях местных жителей [20, 307]. В понимании информантов керемет² утратил функцию божества-антагониста, участвующего в создании мира трикстера. Представления о керемете в современной марийской культуре можно условно разделить на демонологические, для которых свойственно соотнесение его с чертом или демоном; культовые, т. е. почитание его как локального божества; природоцентрические, т. е. наделение его статусом духа природы [5, 120]. Если миф фиксирует дихотомию между условно светлым и темным, созидательным и разрушительным, то народная интерпретация и фольклор отражают более мозаичные взгляды на мироустройство.

Четких и детальных представлений об «ином мире» в устной традиции нет. Взгляды информантов о том, где именно обитает душа умершего, разнообразны: в некоторых нарративах присутствует упо-

² В зависимости от контекста термин «керемет» обозначает конкретного персонажа или категорию фольклорных существ, что влияет и на его написание.

минание загробного мира, иногда пристанищем душ считается кладбище, могила или место смерти. Историографические данные этнографов о «том свете» также разнообразны. По материалам архиепископа Никанора, в верованиях марийцев загробная жизнь, «с одной стороны подобна здешней, служа продолжением ее, а с другой более духовна» [12, 15]. Автор упоминает «светлый мир», в который покойнику нужно взобраться по лестнице. Душа умершего посещает загробного судью, затем должна пройти над кипящим котлом по тонкой жерди [12, 17]. Этнограф И. Н. Смирнов, касаясь представлений марийцев о посмертном существовании души, указывает, что она сохраняет «все свойства живого существа», т. е. продолжает свои прижизненные практики, имеет те же привычки и потребности после смерти человека [16, 146].

В ритуальных танатологических практиках луговых и восточных марийцев отражены поверья о продолжении жизни на «том свете»: подкладываемые в гроб еда, одежда и другие вещи могут быть полезны и после смерти. С. К. Кузнецов среди данной группы предметов отмечает нож, трубку или табакерку, лапоть, липовую палку (чтобы отбиваться от «загробных собак»), лепешки, алкогольные напитки, монеты, нити, инструменты [8, 15–16]. Состав этих ритуальных предметов зависит от профессии, пола и возраста умершего. Более того, неженатые и незамужние люди, согласно автору, после смерти могут вступить в брачные отношения.

В то же время пристанищем души умершего, по свидетельству И. Н. Смирнова, считалось кладбище или могила [16, 146–147]. В описаниях этнографа встречается упоминание абстрактной страны умерших, расположенной на западе или возвышенности [16, 159]. По данным С. К. Кузнецова, души праведных марийцев превращаются в рыб, а грешники умирают окончательно [8, 24]. В этом прослеживается связь пространства смерти с водой. Согласно представлениям, которые И. Н. Смирнов объясняет влиянием

тюркских исламизированных народов, после смерти марийцев ждет суд «адского судьи»: от его решения зависит, направится ли душа в рай («светлый мир») или «в темную бездну» [16, 160]. В молитвах, записанных Г. Я. Яковлевым, мир мертвых называется «адом» [24, 73]. В некоторых ритуальных текстах присутствует образ поляны с ягодами (клубникой) как последнего пристанища души [ПМА].

Иногда информанты указывают на многоярусное устройство мира: «Смотрите, по нашим верованиям, у нас семь миров, как планет, получается, семь. Это белый свет – он из семи. Мы здесь побудем, сколько нам суждено, и в другой мир – кто на воздух, кто... Поэтому, когда наступает смерть, марийцы не горюют, потому что в другом месте будем... Поэтому, видите, татары после кладбища даже не заходят, а у нас человек умер – как праздник, ладно, что умер, погуляем»³.

Можно заключить, что образ иномирного пространства у марийцев варьируется от абстрактного (царство смерти, светлый и темный мир) до конкретно-материального (поляна, водоем, могила, кладбище).

В марийской культуре существует представление о временном промежутке, когда границы мифологических пространств подвижны и происходит контролируемое человеком взаимодействие между ними. Так, для многих групп марийцев характерна практика символического приглашения душ умерших родственников в дом в особые памятные даты и праздники календарного цикла: третий, седьмой, сороковой дни после смерти, Семьк, Великий четверг, среда перед Пятидесятницей, окончание полевых работ [24, 73–77]. В прошлом марийцы символически приглашали души умерших родственников в баню, готовили для них застолье с ритуальной едой, читали домашние моления [8, 48–51]. В настоящее время, судя по нашим полевым материалам, тенденция к почитанию культуры предков сохраняется, как и связанные с ней практики. Важность ритуалов и частота поминовения усопших зависят от традиций конкретной этнографической груп-

³ ПМА: В. И., Баймурзино, Мишкинский район, Республика Башкортостан, 2023.

пы и местности. В марийской культуре ритуалы почитания и угощения покойников могут подразумевать их приглашение в «этот мир». По И. Н. Смирнову, умершие сохраняют связь со своим социумом и деревней и могут посещать «этот мир» по призыву родных. Души предков просили о здоровье, защите скота, богатстве [16, 162–163]. Влияние умерших на живых сопоставимо с воздействием других объектов культа: божеств, духов природы. В почитании умерших как покровителей можно видеть нарушение дистанционности от образов «того света», временное контролируемое сближение с табуированным пространством смерти.

Для некоторых информантов общение с умершими родственниками является частью повседневности, к ним обращаются с довольно обыденными просьбами: «У меня еще была ситуация такая: папа только умер, и у него сороковой день отмечали, и у меня пропала золотая цепочка. А единственный, кто был в этот день, – приходила подруга. И вот этот был диван, где папа умер, и я туда прихожу и говорю: “Папа, ты мне просто покажи, кто это сделал, не обязательно возвращать – цепочка не вернулась, я просто говорю, – покажи, кто это”. И на следующий день у меня это... у моей одноклассницы звонит мне мама и говорит: “Вы своему М. поставьте свечку, потому что В. всю ночь снилось, что М. за ней гонится”. То есть вот показал, кто это сделал»⁴.

Данный пример и аналогичные ему тексты иллюстрируют отношение носителей традиции к *тошто мари-влак*, душам предков как к мифологическим помощникам. В этом проявляется культ предков, т. е. сакрализация духов умерших людей и двойственное восприятие умерших, которые могут восприниматься в качестве источника потенциальной опасности и в качестве благодетели в мире живых. Э. Дюркгейм обозначил амбивалентный характер «нечистого» в мифологии, способность его трансформироваться в сакральное таким образом: «Чистое иногда может загрязнять, а нечистое – освящать» [4, 678].

Для марийцев важно, чтобы души умерших не остались в мире живых и смогли уйти или вернуться на «тот свет», в царство Киямата. И. Н. Смирнов упоминал о том, что умерший может забрать с собой не только нужные предметы, но и людей. Для предотвращения этого марийцы клали на гроб моток ниток, из которого каждый из присутствующих на похоронах вытягивал одну и просил, чтобы покойник не забрал с собой [16, 152]. По этнографическим данным С. К. Кузнецова, чтобы душа покойника-марийца не проникла в дом, враждующие с марийцами удмурты окуривали избу дымом [8, 50]. Воздействию «нечистого» были подвержены также вещи: «...прикосновение к трупам требует омовения и перемены одежды, а душа, посещая семью, оскверняет все, до чего дотронется» [8, 74]. Соответственно марийцы старались избавиться от еды, которая предназначалась покойному, от посуды, использовавшейся в поминально-погребальной обрядности. Этнограф писал и об обратной тенденции: съедать всю еду, предназначенную покойнику, а поминальный алкогольный напиток наделять особыми целебными свойствами [8, 74]. Информанты из Параньгинского района Республики Марий Эл (д. Елеево) также считают, что смесь алкогольных напитков, оставшихся после сорокового дня, можно использовать как лекарство. В этой же местности бытует традиция сжигать деревянные доски для поминальных свечей и остатки воска. Во многих исследуемых деревнях поминальную еду принято съедать, а поминальные свечи прятать в доме [ПМА].

Н. С. Попов отмечает, что умершему специально затыкали уши, закрывали глаза и лицо, так как боялись его гнева. Воду после обмывания покойника выливали [13, 249]. С целью очищения пространства от злых сил стены и пол дома хлестали рябиновыми прутьями, помещение тщательно мыли [13, 250]. Поскольку потенциальная сила умерших может привести к негативным последствиям для живых людей, контакты с ней необходимо

⁴ ПМА: Я. Л., Мишкино, Мишкинский район, Республика Башкортостан, 2023.

ограничить и через предметы. Самым распространенным ритуализированным табу является запрет на занесение в дом вещей с кладбища. Э. Дюркгейм отмечал, что «нечистое», как и священное, обладает контактичностью, способностью к распространению [4, 678]. Практики, направленные на сегрегацию «нечистого», связанного со смертью, от живых людей, можно интерпретировать как проявления «негативных культов», т. е. отделения профанного от сакрального культа предков [4, 497–498]. С другой стороны, можно видеть в этих ритуалах и тенденцию к избеганию потенциально вредоносных сил. Представления марийцев о пресечении контактов с умершими выражает стремление восстановить дихотомию мифологических пространств в ходе поминально-погребального культа и предотвратить их взаимодействие.

Понятие лиминальности в фольклоре. Взаимодействие пространств в восприятии этнофоров

При взаимодействии людей с «нечистой силой» и душами умерших, согласно традиции, возникает пространственно-временная ситуация пограничья: нечисть проявляется в реальном мире или, наоборот, сам человек попадает в потусторонний мир. Пространство между «живым» и «мертвым» можно охарактеризовать как лиминальное. Лиминальность, по Б. Томассену, свойственна объекту, помещенному в состояние перехода, находящемуся «между» как в пространственном, так и в темпоральном значении [27, 8–11]. «Существуют время и место, когда граница между мирами открыта и души умерших, а также иномерные существа по определенным путям могут свободно проникать в “наш” мир, а живые люди при особых условиях посещать “тот” свет» [9, 361]. В марийской культуре к таким местам относятся определенные объекты природного ландшафта (овраги, леса, водные объекты и т. д.), обычно находящиеся на перифе-

рии. Этнограф Т. С. Семенов отмечал, что, по марийским верованиям, леса, горы, овраги и деревья населены кереметами [15, 24].

Подобные представления широко распространены и в современном фольклоре: «Ия – ну это черт, ну тогда жил, по разговорам я помню, как из А. в Ал. ехать, там вдоль речки под горкой плутали. Все говорили люди, что там ия⁵ пугает, не то что пугает, плутает. И вот, понимаешь, плутали, ехали кругами (очевидцы), все туда же возвращались, потом садились, молились и выезжали»⁶.

Свойствами «нечистого пространства» марийская фольклорная традиция наделяет и жилые постройки: бани, заброшенные дома, дома культуры. Если у места нет постоянных жильцов и хозяев, то в нем может поселиться нечисть: «Это здание-то древнегреческое⁷, как говорится, старое, старое, там тоже говорили, черти-то, оно старое. Сельский клуб это называется. Это раньше, это раньше нас пугали, мама: “Не бегайте, там ия”!»⁸.

Периферия реального мира, «живой ойкумены» в марийском фольклоре имеет дуалистический характер. Места с «дурной» репутацией находятся под защитой «нечистой силы», поэтому в случае нарушения запретов велика вероятность столкнуться с демоническими сущностями и стать их жертвой. Согласно поверьям, опасность встречи с нечистью в «нехорошем месте» актуализируется в полночь, полдень, определенные праздники [ПМА]. При этом в нарративах представлена информация об удаче, которую человек может обрести, пребывая в пространстве «нечистого». Так в некоторых локусах, например в бане, можно научиться играть на музыкальном инструменте, петь или танцевать [ПМА].

Ситуация пограничья, нарушения сегрегации пространств выражается в явлении «нечистой силы»: «заложенных» покойников и демонических персонажей. В фольклоре можно выделить три основных мотива для

⁵ Ия – в марийской мифологии черт, бес (см.: Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология: этногр. справ. Йошкар-Ола, 2007. С. 91–92).

⁶ ПМА: В. Б., Калинин, Малмыжский район, Кировская область, 2017.

⁷ В древнегреческом стиле. – Г. У.

⁸ ПМА: М. В., Пукшинерь, Малмыжский район, Кировская область, 2017.

пересечения ими границ между мирами. Первый сводится к тому, что демоны и покойники таким образом вредят человеку, «водят» и пугают его, «сживая со света» болезнями, безумием и т. д. Второй мотив – предсказание, предвещание смерти. Как правило, видения умерших предков происходят перед гибелью человека [19, 239]. Аналогичный сюжет о встрече перед смертью с умершими родственниками присутствует, например, в фольклоре карелов-людигов [10, 306]. Третий мотив – «нечистая сила» может выступать защитником определенного пространственного ландшафта: леса, роши, водоема и т. д.

Есть несколько способов, которые, согласно традиции, могут отпугнуть «нечистую силу»: громко выругаться, перекреститься, прочесть молитву. Если человек заблудился в результате происков демонических персонажей, то, как считается, ему нужно вывернуть одежду наизнанку, поменять левый и правый ботинки местами. Эти универсальные (известные далеко за пределами марийской культуры) предписания семиотически обозначают мимикрию человека под обитателей «того света», надеются его неузнанностью для злых духов.

Лиминальностью обладают открытые «проходы-порталы» между двумя пространствами: колодцы, замочные скважины, зеркала [28, 187]. Вглядываясь в эти точки пространства, по марийским поверьям, можно увидеть или призвать нечисть. В сельской местности распространен запрет смотреть ночью в окно на улицу, так как там можно увидеть «страшное» [ПМА].

Индивиды, соприкоснувшиеся с миром умерших в своих видениях, не воспринимаются местным социумом как «обычные» или «нормальные». В нарративах их описывают как уже «частично неживых», подверженных серьезной опасности: болезням, несчастным случаям, безумию. В особом пограничном состоянии находятся вдовы, к которым после смерти регулярно являются мужья. После таких контактов женщины, согласно нарративам, сходят с ума или умирают: «А, ну да, тут на кон-

це рассказывали, муж у нее фронтовик, участник Отечественной войны, и после войны, видимо, очень тосковала, больна... в З. была, и, говорят, он к ней приходит, и она начала сходить с ума, мчится потом в поле, видимо, бежал за ней...»⁹.

В представлениях марийцев нарушение дифференциации пространств расценивается как приобщение к магическому знанию. «Находиться в пограничном состоянии – значит соприкоснуться с опасностью и приближаться к источнику силы» [3, 147]. В марийской традиции лиминальность присуща также знающим (ведьмам, колдунам), так как они взаимодействуют с «нечистой силой», повелевают ею или, наоборот, слушаются ее приказов:

« – А в Керметице, я школьницей и там ходила, была, ну там у нас одна ведунья такая была, колдунья, она у нас все делала, она сторожем школы была и между тем лечила людей, и она умерла где-то года полтора назад, и вон там свои ритуалы проводила, это я точно знаю, она свечи там жгла.

– Она у керемета просила, что ли, злого бога?

– Да, у керемета, потому что помогали другие силы.

– Это злой бог?

– Да, она моя соседка, кстати, была бабка она худая, тощая, но тащит невероятное количество сена, идет впереди, и слышу “Чего ты мне не помогаешь, мне же тяжело?”. Я в шоке, кому это она, услышала, что я сзади иду, и такая: “Вот, идут, не помогают мне”»¹⁰.

Таким образом, контагиозность «нечистого» проявляется при контакте с «нехо-рошими местами» человека и при его взаимодействии с нечистью в приобретении лиминального статуса.

Образы насельников «того света» в марийской традиции.

Атрибуты «иномирности»

«Иной мир» в марийской культуре считается местом, населенным разнообразными образами «нечистой силы»: демоническими персонажами, душами

⁹ ПМА: А. З., Зайцево, Малмыжский район, Кировская область, 2017.

¹⁰ ПМА: Н., Малмыж, Кировская область, 2017.

умерших, «заложными» покойниками. По определению Д. К. Зеленина, «заложные», или «мертвяки», – «это люди, умершие прежде срока своей естественной смерти, скончавшиеся, часто в молодости, скоропостижно несчастною или насильственной смертью» [6, 39]. Поэтому они не могут найти покой на «том свете» и часто являются живым. К нечисти относятся марийские демонические персонажи: овды¹¹, кереметы, ия и др. В представлениях марийцев прослеживается тенденция к обозначению иномирности духов и «заложных» покойников, в фольклоре семиотически подчеркиваются их отличия от живых людей. Можно выделить несколько моделей репрезентации инаковости «нечистой силы»: зооморфный, антропоморфный, абстрактный. Исследователь С. Ю. Неклюдов конкретизировал следующие модели внешнего описания загробного персонажа: зрительную непредставленность, обретение материи (оборотничество, вселение в человека, полтергейст) и визуализацию в виде биологического существа [11].

Самым распространенным мотивом в описании марийской нечисти является их антропоморфное изображение. В соответствии с этой описательной моделью персонажи «того света» выглядят как люди. Обычно «заложные» покойники приходят в том же образе, в котором их видели при жизни. Нечисть может принимать внешний вид реально живущих или живших односельчан, больных; людей, которые, как считается, скоро умрут. Так, этнограф М. Г. Васильев описывал марийского керемета как нечисть в облике человека с большой бородой, управляющего тройкой лошадей и одетого в красное [2, 14]. Примечательно, что цветовая характеристика часто фигурирует в описании нечисти: «девушка, вся в белом», «в белом платье идет» [ПМА]. В марийском фольклоре описания белого цвета как атрибута нечисти известно с XIX в. Например, в статье «Народные верования луговых черемис Казанской губернии» ия

описан как очень высокое существо в белых одеждах [1, 245]. Вероятно, белый цвет в описании демонических существ имеет семиотическую связь с цветом савана, похоронной обрядностью, отображает связь персонажей с загробным миром.

«Заложных» покойников информанты представляют как людей, ничем не отличающихся от своего облика при жизни. Души умерших являются в том же костюме, в котором их часто видели до смерти, либо в том, в котором их похоронили. В. А. Черванева выделяет черты живых и мертвецов в образе ходячего покойника. С одной стороны, данный мифологический персонаж сохраняет прижизненное имя (как правило), имеет категории родства и свойства, что делает покойника частью мира живых людей. С другой стороны, в описании призраков присутствует указание на причину смерти («утопленник», «покойный») и бестелесность («призрак»). Таким образом, дух умершего занимает в системе персонажей двоякое положение, находится как бы на границе двух воспринимаемых пространств [21]. В приведенных ниже нарративах «заложные» покойники сохраняют прижизненный облик:

«Нет, вот снимаю квартиру, вижу – неупокоенные души, чтобы не пугал моего ребенка... слышу, что он харкает, ходит. Я вижу старика в клетчатой рубашке с бородой, такой высокий худощавый... Старик, но он не беспокоил меня, он чисто на кухне постоянно был... и чтобы он не беспокоил, я вижу его и обычно пеку блины, поставлю свечку, разговариваешь, чтобы не мешал, да обряд такой, и он исчезает потом опять... Видимо, это неупокоенные души, надо их отпевать...»¹²;

«Я поворачиваю голову, и вижу – сидит на заборе [покойница], прям на похоронах, и юбка черная у нее, прям как в гроб положили. Вот хотите верьте, хотите нет»¹³.

Вторая описательная модель, зафиксированная в нарративах, – это представление нечисти в антропоморфном виде, но с гиперболизированными частями тела,

¹¹ Овда – в марийском фольклоре женское демоническое существо (см.: Тойдыбекова Л. С. Указ. соч. С. 176–178).

¹² ПМА: Н., Малмыж, Кировская область, 2017.

¹³ ПМА: О. С., Малмыж, Кировская область, 2017.

очень высокого роста, с длинными лохматыми волосами и т. д. Помимо высокого роста нежить может отличать и, наоборот, миниатюрное воплощение. Для персонажа овды обычно свойственны вывернутые назад колени, гипертрофированные феминные признаки, хождение спиной вперед.

Третью модель описания внешности загробных персонажей можно охарактеризовать как зооморфную. Демонические сущности могут являться в облике животных или существ со звероподобными чертами. По материалам Т. Шебека, марийский водяной демон способен принимать облик лошади [26, 61]. В следующем тексте нечисть, по словам информанта, перевоплотилась в собаку: «У меня мама с папой учителями были, у них много случаев было. Идет одна учительница, захотела в туалет за стог, сумку оставила, выходит – сумки нет. Думает, что делать, вдруг это нечистая сила. Тут она бегом пустилась домой, в деревню. Зашла не домой, а интернат при школе был... в старшие классы. Спрашивает: “что делать?” Они говорят, пойдемте, Тамара Васильевна, посмотрим. Побежали. Вперед бежит их собака, и тут залает. Приходят – на сумке другая собака лежит, стережет. Тут одна девушка: “Смотрите, Тамара Васильевна, вот сумка”, подошла, взяла сумку. Мама потом жалела ее всю жизнь. Вернулись домой, и через некоторое время она умерла... Такая красавица, ни с того ни с сего заболела и умерла. Это видать, нечистая сила была, нельзя было первой подходить до сумки дотрагиваться. Это нечистая собакой оборотилась»¹⁴.

Можно предположить, что обличие животного в традиционной культуре подчеркивает нечеловеческое происхождение «нечистой силы», а также, как пишет С. Ю. Неклюдов, «невыделенность» из мира природы [11]. В ряде образов отмечаются синкретические черты: сочетание частей тел животного и человека. Примечательно, что упомянутый выше образ собаки встречается и в поминально-погребальной обрядности, в описаниях «того света». С. К. Кузнецов отмечал, что собаки оби-

тают в «ином мире» и нападают на души умерших [8, 15]. Также известна традиция скармливания собакам поминальной еды, которая считается «нечистой» и не может быть употреблена человеком [8, 74].

Еще одна форма, в которой может предстать нечисть в сказочной прозе, – это абстрактные визуальные объекты: светящиеся шары, молнии [ПМА]. По Т. Шебеку, в марийской традиции светящиеся шары выступают визуализацией злого духа – *вувера* [26, 58]. В виде таких явлений могут предстать и духи природы, и «заложные» покойники: «Видят разных людей. Вот Р. была у нас, в туфлях, весна. Не было резиновой обуви. Пошла в апреле месяце, села у березы и уснула. Приехала в апреле провожать своего брата в армию. Потом пошла пешком десять километров. У нас же раньше дорог не было, вот она села у березы и умерла. Молодая, восемнадцать-девятнадцать лет девушке. И вот в том месте видят, как будто облако переходит дорогу. Это было в семьдесят восьмом году»¹⁵.

В текстах интервью и сказочной прозе марийцев присутствуют разные визуальные облики «нечистой силы». Основными свойствами, связывающими демонических персонажей с «тем светом», являются зооморфные черты: обильный волосяной покров, издание звериных звуков, а также способность перевоплощаться в животных. Души умерших и «заложные» покойники в локальной традиции часто имеют и антропоморфное воплощение, атрибуты, семиотически связывающие их с «тем светом»: они носят погребальный костюм, одежду белого цвета, могут быть описаны в категории «грязные», «мокрые». Нечисти в целом свойственны гипертрофированные признаки: очень высокий или низкий рост, длинные волосы, крупные части тела, а кроме того, движение спиной вперед, что обозначает их «инаковость». В совокупности указанные визуальные признаки характеризуют насельников «того света» как представителей мифологического «антимира», пространства, противоположного миру земному.

¹⁴ ПМА: А. З., Шоруньжа, Моркинский район, Республика Марий Эл, 2017.

¹⁵ Там же.

Заключение

В современном марийском фольклоре и ритуальных практиках репрезентированы представления о дихотомиях «живое – неживое» и «чистое – нечистое». Данные мифологические категории регулярно воспроизводятся в поминально-погребальных действиях и в нарративах носителей традиции. «Нечистая сила» в представлениях респондентов наделена антропоморфными, зооморфными или абстрактными чертами. Гипертрофированные и звероподобные черты в визуализации хтонических существ говорят об их нерасчлененности с дикой природой,

связи с потусторонним «антимиром», противостоящим обыденному пространству человеческой деятельности. Поддержание дифференциации между «чистым» и «нечистым» локусами обеспечивается существованием нормативных предписаний и ограничений, существующих в локальной традиции. Нарушение этой дистантности, соприкосновение с «тем светом» маркируют человека как связанного с демоническим, как источник и одновременно жертву темной мифологической силы.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

луговомар. – луговомарийский язык
ПМА – полевые материалы автора

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- В. З. Народные верования луговых черемис Казанской губернии // Известия по Казанской епархии. 1877. № 9. С. 243–250.
- Васильев М. Г. О киреметях у чуваш и черемис. Казань: Типо-лит. Императ. ун-та, 1904. 50 с.
- Дуглас М. Чистота и опасность: = Purity and danger: Анализ представлений об осквернении и табу / пер. с англ. Р. Г. Громова. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 286 с.
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой. М.: Дело; РАНХиГС, 2018. 733 с.
- Ефремова Д. Ю., Устьянцев Г. Ю. Бог, дух и дьявол. Статус и образ керемета в современном марийском фольклоре // Традиционная культура. 2020. Т. 21, № 1. С. 114–123. DOI: 10.26158/TK.2020.21.1.008.
- Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 292 с.
- Золотницкий М. И. Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис: Из лекций в Казан. миссион. ин-те Н. И. Золотницкого. Казань: Университет. тип., 1877. 27 с.
- Кузнецов С. К. Культ умерших и загробные верования луговых черемис. Вятка: Губерн. тип., 1907. 76 с.
- Левкиевская Е. Е. Представления о «том свете» у восточных славян // Славянский альманах 2004. М., 2005. С. 342–367.
- Минвалеев С. А. Приметы о скорой смерти и представления о переходе в иной мир карел-людигов // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 3. С. 304–314. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.304-314.
- Неклюдов С. Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология. От народных верований к литературе. М., 1998. С. 6–43. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (дата обращения: 19.12.2022).
- Никанор (Каменский Никифор Тимофеевич). Черемисы и языческие верования их. Казань: Центр. тип., 1910. 26 с.
- Попов Н. С. Похоронные обряды и поминки // Марийцы. Историко-этнографические очерки = Марий калык. Историй сына этнографий очерк-влак. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола, 2013. С. 248–253.
- Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: АСТ: Транзиткнига, 2003. 463 с.
- Семенов Т. С. Черемисы: этногр. очерк. М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1893. 37 с.
- Смирнов И. Н. Черемисы: ист.-этногр. очерк. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1889. 265 с.
- Соколовский С. В. Антропология живого и неживого: случай тела и техники (послесловие к дискуссии) // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 83–96. DOI: 10.31250/1815-8870-2018-14-38-83-96.
- Тойдыбекова Л. С. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Joensuu: Joensuu yliopistopaino, 1997. 398 с.
- Устьянцев Г. Ю. Встреча с «нечистой»: отражение личных переживаний рассказчика в текстуальных особенностях нарратива (на примере марийской несказочной

- прозы) // Вестник антропологии. 2019. № 3. С. 235–242. DOI: 10.33876/2311-0546/2019-47-3/235-242.
20. Устьянцев Г. Ю. Поро ден осал: репрезентация персонажей-антагонистов в современном марийском фольклоре // Социокультурное многообразие в современном мире: материалы ежегод. науч.-практ. конф. молодых ученых. М., 2019. С. 306–312.
 21. Черванева В. А. О некоторых особенностях обозначений мифологического персонажа в быличке // Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Вып. 12: Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: сб. ст.: материалы науч. регион. конф. Воронеж, 2012. С. 270–277.
 22. Шкалина Г. Е. Добро и Зло в марийской мифологии // Финно-угорский мир. 2009. № 2. С. 80–83.
 23. Шкалина Г. Е. Духовные основы культурного наследия народа мари // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10, № 1. С. 110–120. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.01.110-120.
 24. Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. Казань: Тип и лит. В. М. Ключникова, 1887. 87 с.
 25. Arukask M. Death and Afterwards // Folklore. Electronic Journal of Folklore. 1998. Vol. 8. P. 7–20. DOI: 10.7592/FEJF1998.08.mds.
 26. Sebeok T. A., Ingemann F. J. Studies in Cheremis: The supernatural. New York: Wenner Gren Foundation for Anthropological Research, 1956. 360 p.
 27. Thomassen B. Liminality and the modern: Living through the In-Between. London: Routledge, 2016. 463 p. DOI: 10.4324/9781315592435.
 28. Tucker E. Ghost in mirrors: Reflections of the self // The Journal of American Folklore. 2005. Vol. 118, no. 468. P. 186–203. DOI: 10.1353/jaf.2005.0028.

Поступила 27.05.2023; одобрена 15.06.2023; принята 30.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Г. Ю. Устьянцев – кандидат исторических наук, ассистент кафедры этнологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, ustyan-93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0655-3127>

Concepts of the “otherworld” in the texts and practices of Mari culture

Herman Yu. Ustyantsev

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Introduction. The article explores the representation of the juxtaposition between the mundane and the “otherworld” in Mari traditions and rituals.

Materials and Methods. The work is based on the author’s field materials collected in areas with a compact Mari population from 2017 to 2022 (Republic of Mari El, Republic of Bashkortostan, Kirov Oblast). The primary scientific approach employed by the researcher is the semiotic approach to the study of tradition. The author also draws upon M. Douglas’s concept of the “unclean” in culture and the symbolic boundary between the conventionally “normal” and the “unnatural”, as well as E. Durkheim’s sociocultural theory of the “sacred” and the “unclean” in myth and religious rituals.

Results and Discussion. Based on interviews, memorial-ritual practices, and non-fiction prose texts, the author examines the dichotomies “living – non living” and “pure – impure” in contemporary Mari culture. The focus of the study is on the models describing the “otherworld” and the semiotic characteristics of its folkloric inhabitants, as well as the perspectives on the differentiation and liminality of mythological spaces. As indicators marking folkloric characters as “unclean forces”, the author considers their visual characteristics. The researcher is also interested in the tradition bearers’ views on the interaction with chthonic space and its consequences.

Conclusion. Contemporary Mari folklore and ritual practices represent notions of the dichotomies “living – non-living” and “pure – impure”. Maintaining differentiation between “pure” and “impure” loci is ensured by the existence of normative prescriptions and restrictions within the local tradition. Violation of this distance, contact with the “otherworld”, marks a person as connected to the demonic, as a source and simultaneously a victim of dark mythological power.

Keywords: Mari people, funeral rites, “evil spirits”, *iya*, *keremet*, ideas about the “otherworld”

Acknowledgments: The research was conducted within the framework of the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”, track “Models of Analysis of Languages and Cultures of Indigenous Peoples of Russia”.

For citation: Ustyantsev HYu. Concepts of the “otherworld” in the texts and practices of Mari culture. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;3:321–333. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.321-333.

REFERENCES

1. VZ. Folk beliefs of meadow cheremis of Kazan province. *Izvestiia po Kazanskoi eparkhii* = News from the Kazan diocese. 1877;9:243–250. (In Russ.)
2. Vasil’ev MG. About kiremet among the Chuvash and Cheremis. Kazan; 1904. (In Russ.)
3. Douglas M. Purity and danger: an analysis of concepts of pollution and taboo. Moscow; 2000. (In Russ.)
4. Durkheim E. The elementary forms of religious life: the totemic system in Australia. Moscow; 2018. (In Russ.)
5. Efremova DYu, Ustyantsev GYu. God, Spirit and Devil: The status and image of Keremet in modern Mari folklore. *Traditsionnaia kul’tura* = Traditional Culture. 2020;21;1:114–123. (In Russ.)
6. Zelenin DK. Selected works. Essays on Russian mythology: Those who died unnatural deaths and mermaids. Moscow; 1995. (In Russ.)
7. Zolotnitskii MI. The invisible world according to the shamanic views of Cheremis: From lectures at the Kazan Missionary Institute by N. I. Zolotnitsky. Kazan; 1877. (In Russ.)
8. Kuznetsov SK. Cult of the dead and afterlife beliefs of the Meadow Cheremis. Vyatka; 1907. (In Russ.)
9. Levkieskaia EE. Ideas about the “other world” among the Eastern Slavs. *Slavianskii al’manakh 2004* = Slavic Almanac 2004. Moscow; 2005:342–367. (In Russ.)
10. Minvaleev SA. Ludians’ harbingers of impending death and their representations of transition to the underworld. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;3:304–314. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.304-314.

11. Nekliudov Slu. Images of the other world in folk beliefs and traditional literature. *Vostochnaia demonologiya. Ot narodnykh verovanii k literature* = Eastern demonology. From folk beliefs to literature. Moscow; 1998:6–43. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (accessed 19.12.2022). (In Russ.)
12. Kamenskii NT. Cheremis and their pagan beliefs. Kazan; 1910. (In Russ.)
13. Popov NS. Funeral rites and commemorations. *Mariitsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* = Mari. Historical and ethnographic essays. Yoshkar-Ola; 2013:248–253. (In Russ.)
14. Petrukhin VIa. Myths of the Finno-Ugric peoples. Moscow; 2003. (In Russ.)
15. Semenov TS. Cheremis: an ethnographic sketch. Moscow; 1893. (In Russ.)
16. Smirnov IN. Cheremis: historical and ethnographic essay. Kazan; 1889. (In Russ.)
17. Sokolovskiy SV. Anthropology of the living and the dead: the case of human body and technics (an afterword to the discussion). *Antropologicheskii forum* = Forum for Anthropology and Culture. 2018;38:83–96. (In Russ.). DOI: 10.31250/1815-8870-2018-14-38-83-96.
18. Toidybekova LS. Mari pagan faith and ethnic identity. Joensuu; 1997. (In Russ.)
19. Ustiantsev GY. Folklore and Trauma: Reflection of personal experience of the narrator (by the example of Mari non-fabulous prose). *Vestnik antropologii* = Herald of Anthropology. 2019;3:235–242. (In Russ.). DOI: 10.33876/2311-0546/2019-47-3/235-242.
20. Ustiantsev GY. Poro den osal: representation of characters – the antagonists in the modern Mari folklore. *Sotsiokul'turnoe mnogoobra-zie v sovremennom mire: materialy ezhegod. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh* = Sociocultural diversity in the modern world. Materials of the annual scientific and practical conference of young scientists. Moscow; 2019:306–312. (In Russ.)
21. Chervaneva VA. On some features of the designations of a mythological character in a bylichka. *Afanas'evskii sbornik. Materialy i issledovaniia. Vyp. 12: Narodnaia kul'tura segodnia i problemy ee izucheniia: sb. st.: materialy nauch. region. konf.* = Afanasyevsky collection. Materials and research. Collection of articles. Materials of the scientific regional conference. Voronezh; 2012;12:270–277. (In Russ.)
22. Shkalina GE. Good and Evil in Mari mythology. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2009;2:80–83. (In Russ.)
23. Shkalina GE. The spiritual foundations of the cultural heritage of the Mari people. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018;10;1:110–120. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.01.110-120.
24. Iakovlev G. Religious rites of Cheremis. Kazan; 1887. (In Russ.)
25. Arukask M. Death and Afterwards. *Folklore. Electronic Journal of Folklore*. 1998;8:7–20. DOI: 10.7592/FEJF1998.08.mds.
26. Sebeok TA, Ingemann FJ. Studies in Cheremis: The supernatural. New York; 1956.
27. Thomassen B. Liminality and the modern: Living through the In-Between. London; 2016. DOI: 10.4324/9781315592435.
28. Tucker E. Ghost in mirrors: Reflections of the self. *The Journal of American Folklore*. 2005;118;468:186–203. DOI: 10.1353/jaf.2005.0028.

Submitted 27.05.2023; reviewing 15.06.2023; accepted 30.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

H. Yu. Ustiantsev – Candidate Sc. {History}, Assistant, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, ustyan-93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0655-3112>

Красный цвет в лингво- и этнокультуре карелов

**Евгений Валентинович Каракин
Татьяна Владимировна Пашкова**

*Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия*

Введение. В предложенной статье авторы обращаются к значению и символике красного цвета в языковой картине мира и этнокультуре карелов. Акцентируется внимание на лексемах, номинирующих красный цвет. В поле зрения авторов оказывается и лингвоцветовая картина мира: языковая символика огня, крови и описание внешности человека. На актуальность исследования указывает необходимость изучения различных аспектов языка и культуры карелов, которые относятся к коренным народам, находящимся под угрозой исчезновения.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили словари карельского языка, образцы карельской речи и фольклорные источники. Применялись сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический и этнолингвистический методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Собранный и исследованный материал показал, что карелы придавали большое значение красному цвету. Он наделялся апотропейными свойствами и фигурировал как оберег. В лингвокультуре именования красного цвета проявляются в формировании карельской языковой картины мира при номинации крови, внешности человека, болезней и др. Практическая значимость исследования видится в возможности использования предложенных материалов в курсах лексикологии, карельского языка, а также в преподавании краеведения и этнографии. Теоретическая значимость определена тем, что полученные данные могут заложить основу для дальнейшего изучения символики цвета, цветового кода и т. д. в языковой и этнокультурной картине мира карелов.

Заключение. Проведенное исследование выявило, что красный цвет имел свое четкое значение в языке и культуре всех групп карелов. Эта тенденция прослеживается и у других прибалтийско-финских народов, в частности у вепсов и финнов.

Ключевые слова: карелы, карельский язык, красный цвет, языковая картина мира, этнокультура

Для цитирования: Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Красный цвет в лингво- и этнокультуре карелов // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 334–342. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.334-342.

Введение

Символика цвета прослеживается у каждого народа во многих культурных пластах, которые обусловлены различными факторами: природно-географическими условиями местности, социально-экономическим развитием, традиционным мировоззрением и др. К одним из таких пластов следует отнести карельскую народную медицину, на которую, помимо вышеупомянутых аспектов, большое влияние оказали локальные группы других народов (вепсы, русские), проживающие на одной территории с карелами и тесно контактирующие между собой. Кроме того, цветовая символика находит свое отражение в промысловой и хозяйственной деятельности (охота,

скотоводство), любовной магии, свадебной традиции карелов и др.

Научная новизна исследования определяется отсутствием изысканий по затронутой проблематике. На его актуальность указывает необходимость изучения различных аспектов языка и культуры карелов, которые относятся к коренным народам, находящимся под угрозой исчезновения.

Обзор литературы

Символика цвета не становилась специальным объектом исследования на карельском материале. В связи с этим теоретико-методологической базой стали труды, в

которых анализируются цветовые коды и символы цвета в народной медицине удмуртов [17] и традиционной одежде обских угров [4], семантика цвета в истории и культуре тюрков [2], восприятие белого и черного цветов в славянской дохристианской культуре [11] и др. Упоминание цветовой символики в лингво- и этнокультуре карелов фрагментарно встречается в исследованиях Н. А. Лавонен [14], К. К. Логинова [16], Ю. Ю. Сурхаско [21], С. Паулахарью [25], Ю. Пентикяйнена [26] и др.

Материалы и методы

В качестве лингвистических источников использовались словари карельского языка и образцы карельской речи¹, а также сборники фольклорных текстов².

Представленное исследование базируется на этнолингвистическом, сравнительно-сопоставительном и сравнительно-историческом методах. Этнолингвистический метод позволил установить связь между анализируемыми именованиями и традиционной культурой карелов. Посредством сравнительно-сопоставительного метода к исследованию привлекался лексический материал. Применение сравнительно-исторического метода обусловлено использованием данных по различным аспектам рассматриваемой проблематики у близкородственных карелам народов и русских.

Результаты исследования и их обсуждение

В карельской лингво- и этнокультуре выбору цвета придается большое значение. Эта тенденция прослеживается в традициях, обрядах, верованиях и других народов (см., например: [2–4; 6; 23; 26]). Многие цвета имеют свое четкое значение. Обра-

тимся к этим аспектам посредством языка и культуры карельского народа.

Красный цвет является основным в цветовой символике. Это цвет жизни, здоровья, солнца, а также он наделен апотропейными свойствами [3, 647; 6, 430, 434; 7, 386]. Для обозначения красного цвета в карельском языке служат лексемы ск. *ruškie*, *ruskie*, ливв. *ruskei*, люд. *rusked³*. Наряду с именованиями *ruškie/ruskie* в собственно карельском наречии в фольклорных текстах для придания им большей музыкальности и выразительности в значении красного цвета используется лексема *punani*: *Tuošša istuu poikia punapartoja, punotah punaista köyttä, raunikojah rautaköyttä...* «Тут сидят парни краснобородые, плетут красный канат, вяжут железный трос...»⁴. Именование *punani* спорадически фиксируется в карельском языке на соседствующих с Финляндией территориях, что указывает на его заимствование из финского языка [23, 69–70]. Примечательно, что основа *puna-* зафиксирована в карело-язычных эвфемизмах: *punahattu*, *punalakki* ‘дятел (букв.: красная шляпа (шапка))’, *punalaita* ‘червонец (букв.: красный край)’⁵.

Красный цвет ассоциируется с кровью. У многих прибалтийско-финских народов в среде охотников и скотоводов существовало табу на использование слова «кровь». Считалось, что при его упоминании она (кровь) будет загустевать и не сможет вытекать из забитого животного. Согласно другому поверью, это истинное название может спугнуть животное на охоте или при забое [24, 254–255]. В карельском языке в таких случаях применялись эвфемизмы:

– *punani* ‘кровь (букв.: красный)’: *ei sittä lehmiem punaista otettu* «в пищу кровь коровы не использовали»⁶;

¹ См.: Образцы вепсской речи / сост.: М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Л., 1969; Образцы карельской речи / сост. В. Д. Рягов. Л., 1980; Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990; Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994; Слушаю карельский говор: Образцы речи держанских и валдайских карел / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 2001; Сопоставительно-ономастический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, 1968–2005; Kujola J. *Luuydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki, 1944.

² См.: Песенный фольклор кестеньгских карел / сост. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 2020; Karjalaisia sananpölvä / toim.: S. L. Miettinen, P. Leino. Helsinki, 1971.

³ См.: Karjalan kielen sanakirja. Osa 5. S. 198; Kujola J. *Op. cit.* S. 369.

⁴ Песенный фольклор кестеньгских карел. С. 240.

⁵ См.: Karjalan kielen sanakirja. Osa 4. S. 502, 503.

⁶ Ibid. S. 502.

– *leppä* ‘кровь животного, рыбы; менструация; молоко с кровью (букв.: ольха)’; (*kalasta leppyä valuu* «из рыбы кровь течет»)⁷;

– *ruskie* ‘кровь (букв.: красный)’: *ruskie lašetah pois šiivatašta* «кровь выпускают из скотины»⁸;

– *ruskie maido* ‘кровь (букв.: красное молоко)’: *anoin nõkkah, niin anoin, ruskie maido läks* «так в нос дал, что кровь пошла»⁹.

О менструациях, как и о некоторых заболеваниях, принято было говорить иносказательно: *punatauti* ‘менструация (букв.: красная болезнь)’ [ПМА]; *ruskiel hevol vierahat tuldih* «месячные начались (букв.: на красной кобыле гости прибыли)»¹⁰. Возможно, это было связано с представлениями о том, что кровь, замеченная другим человеком, особенно подвержена сглазу или порче [24, 257].

Охра, являясь символом крови, в основании стен, у пространства входов и опорных столбов в древних жилищах Карелии служила своего рода строительной жертвой и оберегом [8, 96–97]. Охристые и красные оттенки связаны с воскресением и перерождением души [13, 204].

Неслучайно красный встречается в обряде поднятия лемпи (славутности). Будучи цветом крови и огня, он провоцирует взрыв эмоций и возбуждение любви (увеличение пульса, частоты дыхания) [20, 63, 182]. Красная нить, которой в этом обряде перевязывают любовный веник, символизирует жизненную силу и любовную страсть [10, 165]. При растопке бани для поднятия лемпи используются ольховые дрова, которые благодаря красному цвету ассоциируются с кровью и душой [12, 282].

Ольховые ветки карелы также применяли при приготовлении воды для первого

омовения ребенка. Ветки парили в печи до тех пор, пока вода не становилась по цвету похожей на кровь [9, 67].

Красный цвет в карельском языке символизирует огонь: *ruskie reboi katoksil juoksendeli leyhki* «огонь на крышах полыхал (букв.: красная лиса по крышам бегала)»¹¹; *ruskie kukko katolla lenti* «крыша загорелась (букв.: красный петух взлетел на крышу)» [ПМА]; *punaista puurnu täys? (hiilet hiiloksessa)* «красного полон ларь. Что это? (горящие угли в загнетке)»¹².

При описании внешности человека лексема *ruskie* указывает на его здоровье и красоту: *rožazet ku ruskiel juablokkažet* «щечки, как красные яблочки»¹³; *rožat on ruskiel ku buolažet* «щеки красные, как бруснички»; *rožat ollah ruskiel ku muarjažet* «щеки красные, как ягоды»¹⁴; *ruskei on vie nenä da očču ukolles* «красные еще нос и лоб у мужика (мужа)»¹⁵. Последняя поговорка означает, что у человека еще достаточно здоровья, чтобы и семью прокормить, и детей завести. Согласно этнокультурным традициям молодых по возвращении с венчания сажали на печь и подавали им свежее молоко и ягодный сок для того, чтобы дети у них родились белолицые и румяные¹⁶: *suagua lapsi meren vaahten valgevus, lohen kalan ruskevus* «родите ребенка, чтобы он был белый, как пена, румяный (букв.: красный), как рыбалосось»¹⁷.

Обратимся к символике красного цвета в карельской этнокультуре. В праздничной одежде карелы отдавали предпочтение рубашкам красного цвета. Женщины носили сарафаны «матурники», крашенные подмаренником. Нити красного цвета применялись в традиционной вышивке [15, 127–128]. Здесь красный цвет одновременно являлся и украшением, и оберегом. О значимости красного цвета в образе

⁷ Karjalan kielen sanakirja. Osa 3. S. 65.

⁸ Ibid. Osa 5. S. 196.

⁹ Ibid. S. 197.

¹⁰ Ibid. S. 196.

¹¹ Ibid. S. 197.

¹² Ibid. Osa 4. S. 502.

¹³ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). С. 202.

¹⁴ Там же. С. 210.

¹⁵ Karjalaisia sananpolvia. S. 443.

¹⁶ См.: Образцы вепсской речи. С. 241.

¹⁷ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). С. 441.

человека можно судить по следующим карельским поговоркам: *punasta pitää olla vaikka särinsilmän verran* «красного должно быть хоть с плотвиный глаз»¹⁸; *hoš tervaškanto šuorita ruškeih, – šeki rušottau!* «хоть пень смоляной в красное одень, будет красив!» [22, 185–186].

В лечебной практике карелов красному цвету придавалось большое значение. Например, при избавлении от рожистого воспаления применялись предметы быта, элементы одежды или минеральные средства красного (как вариант – белого) цвета. Повсеместно практиковалось использование красной тряпки или красного шерстяного платка [1; 19; 25; 26]. Тихвинские карелы (д. Коргорка) мыли прямую кишку от забитой коровы и, высушив, хранили на печке. Для вытягивания жара из нарывов высушенный кусок кишки распаривали в кипятке и, прижав к больному месту (например, под мышкой или за ушами), накрывали заячьей шкурой и обвязывали красной фланелью [19, 146].

В карельской лечебной практике красный цвет использовался в обрядах в сочетании с другим цветом, чаще всего с белым. Для избавления от рожистого воспаления жители Олонецкого (ПМА) и Пряжинского (ПМА) районов смазывали больное место мелом (белый цвет), сверху обвязывали красной тряпкой, приговаривая: *“Ruskevus, mene iäres! Valgevus, jäi nahkah!”* («Краснота, уйди прочь! Белое, останься на коже!») [5, 194]. Подобный способ лечения был распространен и у вепсов¹⁹.

В некоторых лечебных ритуалах сочетались три цвета. Например, карелы, проживавшие в Архангельской губернии, сначала обильно посыпали рожистое воспаление мелом, затем накладывали сверху слой льняной кудели и синей бумаги, а в завершение перевязывали красным шнуром. Использование именно этих трех

цветов (белого, синего и красного) объяснялось тем, что белый цвет уничтожает «красноту во время воспаления», а красного и синего «рожа боится» [1, 24]. Сочетания цветов при проведении магических ритуалов, включая лечебные, были характерны и для славян. Устойчивыми считались сочетания красный–черный, красный–белый, а также красный–белый–синий [3, 650].

В карельской этномедицине цветовая символика отражена и в прогностике заболеваний. По мнению суоярвских карелов, человек, заболевший Божьей болезнью (подробнее об этом см.: [18]), узнавал об этом из сна, в котором видел красную (как вариант – черную) лошадь²⁰.

В основе некоторых карелоязычных наименований болезней прослеживается лексема *ruskei*, обозначающая ‘красный цвет’. Деноминальное имя существительное *ruškičča* (диалектные варианты: *ruskičču, ruškič, ruškičče*²¹) ‘краснуха, корь’ является самым распространенным наименованием в диалектах карельского языка (ср.: вепс. *ruskič, rusttainē, ruskii, ruskei*²²). Лексемы образованы от словообразовательной основы имени прилагательного *ruskei* → *ruskie-* ‘красный’ путем присоединения суффиксов *-čča, -čči, -čče, -č*.

Обратимся к некоторым языковым примерам из диалектов карельского языка: *lapših tulou ruškičča* «к ребенку краснуха/корь пристанет» (г. Тверь); *ol'in i minä lapsennu ruskičus* «в детстве я болела краснухой/корью» (п. Салми); *ruskičaz on lapsi* «у ребенка краснуха/корь» (д. Сямозеро). Стоит обратить внимание на то, что в карельском языке заболевания краснуха и корь могут обозначаться одной лексемой *ruškičča* (в диалектах – согласно фонетическим вариациям).

Тверские и сямозерские карелы применительно к краснухе и кори использо-

¹⁸ Karjalaisia sananpolvia. S. 404.

¹⁹ См.: Образцы вепсской речи. С. 288.

²⁰ См.: Karjalan kielen sanakirja. Osa 1. S. 523.

²¹ См.: Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков. С. 134; Karjalan kielen sanakirja. Osa 5. S. 198; Kujola J. Op. cit. S. 370.

²² См.: Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков. С. 134.

вали лексему *rušičča/rubi, ruskiččurubi*²³ (букв.: ‘краснуха/оспа’). В данном наименовании прослеживается связь с симптомами недугов: в период заболевания на коже появляются красные мелкие прыщи и горло воспаляется/краснеет [23, 111]. Тихвинские карелы в качестве основного симптома отмечали сильный жар: *ruškičašša palat iče što tulešša* «во время краснухи весь горишь, как в огне»²⁴.

В лечении упомянутых недугов акцент делался на использовании материи красного цвета. Данный способ основывался на принципе «подобное отталкивает подобное». Жители д. Семеновское (тверские карелы) и Коргорка (тихвинские карелы) избавлялись от кори с помощью красной тряпки: ею накрывали ребенка. Кроме того, все окна в комнатах занавешивали занавесками красного цвета²⁵. Для сравнения отметим, что у вепсов, проживающих в д. Пяозеро и Пондала, напротив, заболевший корью ребенок находился в темной избе. Возможно, это было связано с тем, что в мифологии темнота (мрак) соотносится с миром мертвых и смерти. Следовательно, поместив корь в условия темноты, люди пытались «изгнать болезнь красного цвета»²⁶. У олонецких карелов (г. Олонец) способы лечения кори и краснухи были идентичными: заболевшего одним из этих недугов ребенка относили в жарко натопленную баню, раздевали, заворачивали в красную тряпку и парили сухим веником, подбрасывая на раскаленные камни жидкую закваску [5, 84]. Тверские карелы во время парения ребенка читали заговор, в котором акцентировали внимание на цвете болезни: *“Ruškiene rubuozeni, armahane rubuozeni, ota omaš hyvyöt, anna omat tervehyšmiän raba boozella lapšella”* «Красная оспа, любимая оспа, возьми (ты) свое добро, отдай нашему рабу Божьему, ребенку его здоровье». По возвращении из бани дитя усаживали на почетное место за столом и клали перед ним

выкрашенное в красный цвет яйцо²⁷, произнося: *“Ka tässä siulaš gostinčat”* «Вот тебе гостинцы» [14, 101].

Карелы, проживавшие в Беломорской, Олонецкой и Центральной Карелии (например, д. Вокнаволоок, Суднозеро, Толлорека, Хietaярви) для облегчения боли и лечения растяжения скручивали специальную нить – ск. *venymärihma* ‘нитка от растяжения (букв.: растяжение/нить)’. Для этого использовали нестираную шерсть трех разных цветов: красного, черного и белого. Больное место обвязывали три раза, делая каждый раз по девять узлов [27, 28]. Использование красной нити зафиксировано в сельскохозяйственной, а также в любовной магии.

Заключение

Таким образом, красный цвет является основным в цветовой символике карелов. Он наделяется апотропейными свойствами. Для обозначения красного цвета в карельском языке служат идентичные лексемы с учетом фонетических особенностей наречий: ск. *ruškíe, ruskie*, ливв. *ruskei*, люд. *rusked*. В собственно карельском наречии отмечено бытование именованная *ripáni*, заимствованного из финского языка. Как и у большинства народов, у карелов красный цвет ассоциируется с кровью, вместо названия которой карелы применяли эвфемизмы. Отмечаются символизирование красным цветом огня, употребление лексемы *ruskie* при описании внешности человека. Та же лексема лежит в основе некоторых карелоязычных наименований болезней. В лечебной практике карелов красному цвету придавалось большое значение. Примечательно, что красный цвет использовался в обрядах в сочетании с другим цветом, чаще всего с белым. Например, при избавлении от рожистого воспаления карелами применялись предметы быта, элементы одежды или минеральные средства красного (как вариант – белого) цвета. В карельской этномедицине цвето-

²³ См.: Karjalan kielen sanakirja. Osa 5. S. 198.

²⁴ Ibidem.

²⁵ См.: Образцы карельской речи. С. 304; Слушаю карельский говор. С. 145.

²⁶ Образцы вепсской речи. С. 138.

²⁷ Яйцо предназначалось для болезни.

вая символика отражена и в прогностике заболеваний. Использование красной нити зафиксировано в сельскохозяйственной, а также в любовной магии.

Практическая значимость исследования видится в возможности использования предложенных материалов в курсах лексикологии, карельского языка, в преподавании краеведения и этнографии. Теоретическая значимость определена тем, что полученные данные могут заложить

основу для дальнейшего изучения символики цвета, цветового кода и т. д. в языковой и этнокультурной картине мира карелов.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>вепс.</i> –	вепсский язык
<i>ливв.</i> –	ливвиковское наречие карельского языка
<i>люд.</i> –	людиковское наречие карельского языка
<i>ПМА</i> –	полевого материал автора
<i>ск.</i> –	собственно карельское наречие карельского языка

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 17–28.
2. Бакиров М. Х. Семантика цвета в контексте истории, искусства и художественной словесности тюрков // Филология и культура. 2015. № 1. С. 114–119.
3. Белова О. В. Красный цвет // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 647–651.
4. Богордаева А. А. Цветовая символика в традиционной одежде обских угров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. № 2. С. 98–104.
5. Верхний Олонец – поселок лесорубов: опыт этногр. описания. М.; Л.: Наука, 1964. 195 с.
6. Винокурова И. Ю. Свадебная обрядность // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Вепсы. Петрозаводск, 2019. С. 420–438.
7. Винокурова И. Ю. Традиционная одежда // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Вепсы. Петрозаводск, 2019. С. 376–389.
8. Жульников А. М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск: Скандинавия, 2003. 200 с.
9. Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 408 с.
10. Иванова Л. И., Миронова В. П. Досвадебная обрядность и свадебный ритуал карелов (конец XIX – первая половина XX в.): исследования и материалы. Петрозаводск: Periodika, 2018. 365 с.
11. Кондратенко А. А. Черный и белый цвета в славянских дохристианских верованиях о божестве смерти (к постановке вопроса) // Наука и образование сегодня. 2019. № 8. С. 97–99.
12. Конкка А. П. На плечах Большой Медведицы: избр. ст. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН: Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН, 2015. 342 с.
13. Конкка А. П. Похоронно-поминальная обрядность // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Карелы. Петрозаводск, 2019. С. 194–209.
14. Лавонен Н. А. Карельская скатерть: ее функции в народном быту и традиционных обрядах // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 82–102.
15. Логвиненко Е. С. Традиционная одежда // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Карелы. Петрозаводск, 2019. С. 127–134.
16. Логинов К. К. Похоронно-поминальная обрядность // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 291–300.
17. Панина Т. И. Символика цвета в удмуртской народной медицине // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 3. С. 34–49.
18. Пашкова Т. В. К вопросу о языческо-христианском синкретизме в карельской народной медицине (на примере болезни *jumalanviga* ‘насланный Богом на человека недуг’) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 75–77.
19. Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 287 с.
20. Серов Н. В. Семантика цвета в традиционных культурах. Санкт-Петербург: [Б. и.], 1998. 282 с.
21. Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел, конец XIX – начало XX в. /

- отв. ред. Е. И. Клементьев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. 172 с.
22. Jyrinoja V. Akonlahden arkea ja juhlaa. Turku: SKS, 1965. 279 s.
23. Koski M. Värien nimitykset suomessa ja lähisukukielissä. Savonlinna: WSOY, 1983. 366 s.
24. Nirvi R. E. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmiöitä itämerensuomalaisissa kielissä: riista ja kotieläintalous. Helsinki: SKS, 1944. 343 s.
25. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia / toim. P. Laaksonen. Porvoo: WSO, 1995. 248 s.
26. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki: SKS, 1971. 388 s.
27. Virtaranta P. Kynällä kylmällä – kädellä lämpimällä: muistiinpanoja tapauksista ja tapaamisista. Helsinki: SKS, 1993. 356 s.

Поступила 27.09.2022; одобрена 15.11.2022; принята 30.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Е. В. Каракин – старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета, karakin.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3684-0971>

Т. В. Пашкова – доктор исторических наук, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета, tvpashkova05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>

Red color in the linguo- and ethnoculture of the Karelians

Jevgenii V. Karakin

Tatyana V. Pashkova

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. In the proposed article, the authors delve into the meaning and symbolism of the color red in the linguistic worldview and ethnoculture of the Karelians. The focus is on lexemes that denote the color red. The authors also explore the linguistic color palette, including the linguistic symbolism of fire, blood, and descriptions of a person's appearance. The relevance of the study is underscored by the need to examine various aspects of the language and culture of the Karelians, who are considered indigenous peoples facing the threat of extinction.

Materials and Methods. The material for the study was Karelian language dictionaries, samples of Karelian speech and folklore sources. Comparative-comparative, comparative-historical and ethnolinguistic research methods were used.

Results and Discussion. The collected and analyzed material has shown that the Karelians attributed significant importance to the color red. It was endowed with apotropaic properties and served as a talisman. In the linguo-cultural context, the naming of the color red is reflected in the formation of the Karelian linguistic worldview when denoting blood, human appearance, illnesses, and more. The practical significance of this research lies in the potential utilization of the presented material in courses on lexicology, the Karelian language, as well as in the teaching of regional studies and ethnography. The theoretical significance is defined by the fact that the obtained data can lay the foundation for further exploration of color symbolism, color codes, and related topics in the linguistic and ethnocultural worldview of the Karelians.

Conclusion. The collected and analyzed material has demonstrated that the color red held a distinct significance in the language and culture of all Karelian groups. This tendency is also observed among other Baltic-Finnic peoples, particularly the Veps and Finns.

Keywords: Karelians, Karelian language, red color, linguistic worldview, ethnoculture

For citation: Karakin JV, Pashkova TV. Red color in the linguo- and ethnoculture of the Karelians. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2023;15;3:334–342. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.334-342.

REFERENCES

1. Alimov TM. Witchcraft in Karelia. *V pomoshch' prosveshchentsu = To help the enlightened*. 1929;1:17–28. (In Russ.)
2. Bakirov MKh. The semantics of color in the context of history, art and literature of Turks. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*. 2015;1:114–119. (In Russ.)
3. Belova OV. Red color. *Slavianskie drevnosti = Slavic antiquities*. Moscow; 1999;2:647–651. (In Russ.)
4. Bogordaeva AA. Color symbolism in the traditional clothes of the Ob Ugrians. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 1999;2:98–104. (In Russ.)
5. Pimenov VV et al. Upper Olonets – a village of lumberjacks. Moscow; Leningrad; 1964. 194 p. (In Russ.)
6. Vinokurova Iu. Wedding rituals. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki. Vepsy = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays*. Vepsians. Petrozavodsk; 2019;8:420–438. (In Russ.)
7. Vinokurova Iu. Traditional clothing. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki. Vepsy = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays*. Vepsians. Petrozavodsk; 2019;6:376–389. (In Russ.)
8. Zhul'nikov AM. Ancient dwellings of Karelia. Petrozavodsk; 2003. (In Russ.)
9. Ivanova LI. Karelian bathhouse: rituals, beliefs, traditional medicine and host spirits. Moscow; 2016. (In Russ.)
10. Ivanova LI, Mironova VP. Pre-wedding rituals and wedding ritual of the Karelians (late XIX – first half of the XX century): research and materials. Petrozavodsk; 2018. (In Russ.)
11. Kondratenko AA. Black and white colors in Slavic pre-Christian beliefs about the deity of death (to the question). *Nauka i obrazovanie segodnia = Science and Education Today*. 2019;8:97–99. (In Russ.)

12. Konkka AP. On the shoulders of the Big Dipper. Featured articles. Petrozavodsk; 2015. (In Russ.)
13. Konkka AP. Funeral and memorial rituals. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki. Karely = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays. Karelians.* Petrozavodsk; 2019;7:194–209. (In Russ.)
14. Lavonen NA. Karelian tablecloth: its functions in folk life and traditional rituals. *Obriady i verovaniia narodov Karelii = Rituals and beliefs of the peoples of Karelia.* Petrozavodsk; 1994:18–32. (In Russ.)
15. Logvinenko ES. Traditional clothing. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki. Karely = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays. Karelians.* Petrozavodsk; 2019;5:127–134. (In Russ.)
16. Loginov KK. Funeral and funeral ritual. *Istoriia i kul'tura Siamozher'ia = History and culture of Syamozero.* Petrozavodsk; 2008:291–300. (In Russ.)
17. Panina TI. Colour symbolism in Udmurt folk medicine. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniĭ = Yearbook of Finno-Ugric Studies.* 2013;3:34–49. (In Russ.)
18. Pashkova TV. On Pagan-Christian syncretism issue in Karelian folk medicine (case study of *jumalanviga* disease “God’s sent affliction”). *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Obshchestvennye i humanitarnye nauki = Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities.* 2015;1:75–77. (In Russ.)
19. Riagoev VD. Tikhvin dialect of the Karelian language. Leningrad; 1977. (In Russ.; In Karel.)
20. Serov NV. Semantics of color in traditional cultures. Saint-Petersburg; 1998. (In Russ.)
21. Surkhasko IuIu. Family rituals and beliefs of Karelians, late XIX – early XX centuries. Leningrad; 1985. (In Russ.)
22. Jyrinoja V. Akonlahden arkea ja juhlaa. Turku; 1965.
23. Koski M. Värien nimitykset suomessa ja lähisukukielissä. Savonlinna; 1983.
24. Nirvi RE. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmiöitä itämerensuomalaisissa kielissä: riista ja kotieläintalous. Helsinki; 1944.
25. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo; 1995.
26. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki; 1971.
27. Virtaranta P. Kynällä kylmällä – kädellä lämpimällä: muistiinpanoja tapauksista ja tapaamisista. Helsinki; 1993.

Submitted 27.09.2022; reviewing 15.11.2022; accepted 30.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

J. V. Karakin – Senior Lecturer, Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University, karakin.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3684-0971>

T. V. Pashkova – Doctor of History, Head of Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University, tvpashkova05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>

Этно- и социолингвистические основы мотивации изучающих финский язык в Петрозаводском государственном университете

Светлана Валерьевна Коробейникова

*Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия*

Введение. Целью научной статьи стало выявление этно- и социолингвистических основ мотивации обучающихся к изучению финского языка на основе анализа результатов опроса студентов кафедры прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета. В настоящий момент такие исследования являются актуальными, так как на протяжении нескольких лет у абитуриентов наблюдается устойчивый интерес к профилям обучения, включающим помимо второго основного языка (карельского, вепсского или английского) финский язык.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили материалы опроса студентов-бакалавров, изучающих финский язык. При проведении исследования использовались методы опроса, математический, статистический и сравнительно-сопоставительный.

Результаты исследования и их обсуждение. Кафедра прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета реализует набор на три профиля обучения, каждый из которых содержит финский язык в качестве профильного модуля: «Финский язык и литература, карельский язык», «Финский язык и литература, вепсский язык» и «Финский язык и литература». Республика Карелия как граничащий с Финляндией регион и как территория, на которой исторически контактировали карелы, вепсы, русские и финны, несомненно, заинтересована в подготовке специалистов, мотивированных к тому, чтобы связать свою будущую профессию с применением финского, карельского и вепсского языков. Автор статьи обращается к этно- и социолингвистическим основам мотивации обучающихся к изучению финского языка. Опыт проведения подобных исследований может применяться в дальнейшем относительно выявления мотивационных комплексов к изучению карельского и вепсского языков, являющихся языками коренных малочисленных народов Республики Карелия.

Заключение. Исследование показало, что большинство абитуриентов поступают на профили обучения кафедры прибалтийско-финской филологии со сформированным мотивационным комплексом к изучению финского языка. Полученные данные о мотивации студентов помогут преподавателям в разработке профессионально ориентированных модулей обучения и методик, повышающих мотивационную активность обучающихся.

Ключевые слова: этнолингвистика, социолингвистика, мотив, мотивация, мотивационный комплекс, финский язык, высшее образование, бакалавриат

Для цитирования: Коробейникова С. В. Этно- и социолингвистические основы мотивации изучающих финский язык в Петрозаводском государственном университете // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 343–355. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.343-355.

Введение

Основы этнолингвистики в вузах изучаются редко. То же можно сказать и о психо- и социолингвистике. Однако этно- и социолингвистика демонстрируют интереснейший пласт исследований как исторически отдаленного от современности, так и актуального использования языков.

Большая российская энциклопедия под этнолингвистикой понимает «направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихоло-

гических факторов в функционировании и эволюции языка. В более широком понимании этнолингвистика рассматривается как комплексная дисциплина, исследующая с помощью лингвистических методов “план содержания” культуры, народной психологии и мифологии независимо от способов их формального представления (слово, предмет, обряд и т. п.)»¹.

¹ Этнолингвистика // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4917009> (дата обращения: 24.01.2021).

В свою очередь, социалингвистика определяется как научная дисциплина, изучающая проблемы, связанные с социальной природой языка, его общественными функциями, ролью, которую играет язык в жизни общества, механизмом воздействия социальных факторов на язык»².

Наличие социального запроса влечет за собой развитие мотивационных аспектов у изучающих какой-либо язык, поскольку предполагает возможность его (как самого языка, так и владеющего этим языком) дальнейшего функционирования в окружающей социальной среде.

Н. И. Толстой в работе «Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике» анализирует связь этно- и социалингвистики следующим образом: «В известном смысле этнолингвистика и социалингвистика могут рассцениваться как два основных компонента (раздела) одной более обширной дисциплины, с той лишь разницей, что первая учитывает прежде всего специфические – национальные, народные, племенные – особенности этноса, в то время как вторая – особенности социальной структуры конкретного этноса (социума) и этноса (социума) вообще, как правило, на поздней стадии его развития применительно к языковым процессам, явлениям и структурам» [15, 27–40].

Объединение этих посылов в формировании мотивационных комплексов желающих изучать финский язык на профессиональном уровне можно проследить в истории и сегодняшнем дне функционирования и преподавания финского языка в Карелии, в частности в Петрозаводском государственном университете (ПетрГУ).

Обзор литературы

Теоретической базой при проведении исследования послужили труды зарубежных исследователей, таких как Р. Пекрун, С. Хайди, А. Маслоу, Р. М. Райан, Э. Л. Деси, А. Бандура, П. Валдесоло, А. Штульман, А. С. Барон и др., обраща-

вшихся к проблеме эмоций и мотивации обучения [8; 20; 21; 24]; интереса в учебной мотивации [19]; влияния на учебную мотивацию проявления чувств [28], а также к теориям самодетерминации [25] и самоэффективности³ [17; 26], раскрываемым в контексте учебной мотивации. Кроме того, авторы опирались на работы отечественных ученых И. П. Подласого, А. К. Марковой, Е. Ф. Задуновой, Т. О. Гордеевой при определении понятий «мотивация» и «мотив», классификации мотивов, рассмотрении феномена полимотивации и др.⁴ [2; 3; 5].

Общие вопросы мотивации, вопросы мотивации в обучении финскому языку как иностранному затрагивали в своих трудах финские ученые М. Пелтонен, П. Руохотие, К. Вепсяляйнен, Х. Перикангас, Р. Уллакони [22; 23; 29]. В их исследованиях представлена в основном проблема мотивированности эмигрантов к изучению финского языка в Финляндии. В России же работ, касающихся непосредственно мотивации к изучению финского языка, довольно мало. О преподавании финского языка в школе и вузе и мотивации к его изучению в разное время писали Н. С. Братчикова, Т. И. Старшова, Н. А. Осьмак, и др. [1; 6; 10–12; 16].

Материалы и методы

В представленной научной статье автор на материалах проведенного опроса обращается к изучению побудительных мотивов студентов-бакалавров, изучающих финский язык в ПетрГУ. В ходе исследования применялись методы опроса, статистический, математический и сравнительно-сопоставительный. На начальном этапе в качестве основного метода использовался опрос. Он позволил получить от студентов необходимую информацию, которая в дальнейшем обрабатывалась с помощью статистического метода, требующегося для идентификации важных данных из большого массива информации. С помощью математического метода собранные во время опроса материалы отсортировывались,

² Социалингвистика // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4245207> (дата обращения: 24.01.2021).

³ См.: Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 2006.

⁴ См.: Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения. М., 2015; Маркова А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте. М., 2005; Подласый И. П. Педагогика: Новый курс. М., 2003.

определялись признаки и критерии, согласно которым информация распределялась (разбивалась), а затем оформлялась в диаграммы. Сравнительно-сопоставительный метод исследования позволил вычленил общие и различные мотивы к изучению финского языка и сделать выводы.

Результаты исследования и их обсуждение

Стратегия национальной политики в Республике Карелия на период до 2025 года гласит, что карелы являются титульным этносом и определяют исторические и национальные особенности республики. Вепсы – коренной малочисленный народ, русские (поморы, заонежане, пудожане) – самый многочисленный народ, проживающий на территории Карелии. Российские финны также занимают особое место в истории становления и развития Республики Карелия, где «...созданы условия для изучения карельского, вепского и финского языков в образовательных организациях дошкольного, среднего и высшего образования, ведется подготовка специалистов со знанием карельского, вепского и финского языков, реализуется конституционное право на получение информации на национальных языках»⁵.

В. А. Кряжков говорит о переходе статуса финнов Карелии из субъектообразующего народа (Карело-Финская ССР) в «этническое сообщество, которое де-факто... является национальным меньшинством». Соответственно на финнов распространяются Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» и Постановление Верховного Совета РФ от 29 июня 1993 г. № 5291-1 «О реабилитации российских финнов». По мнению В. А. Кряжкова, «Республика Карелия не лишена возможности (с учетом установлений п. “б” ч. 1 ст. 72, ч. 2 ст. 76 Конституции РФ) уравнивать положение финнов со статусом карелов и вепсов в части прав, обеспечивающих со-

хранение их культурной самобытности (религии, языка, традиций и культурного наследия)» [7, 99].

Традиционно Карелия говорила на нескольких языках: карельском, вепском и русском. В начале XX в. в Карелию из Финляндии приехали тысячи участников гражданской войны, закончившейся поражением красных финнов. Финский язык в Карелии переживал период широкого распространения, поскольку кроме красных финнов – перебежчиков и политэмигрантов – сюда по причине тяжелой экономической ситуации в США и Канаде в 1920–1930-х гг. стали прибывать североамериканские финны, в конце 1920-х гг. – финны-ингерманландцы из Ленинградской губернии, также оказавшие огромное влияние на формирование языковой и культурной политики в Карелии⁶ (подробнее об истории вопроса см.: [9; 13; 14]).

В настоящее время финский язык, помимо статуса языка национального меньшинства, проживающего на территории Карелии, имеет и статус иностранного языка. В школах, средних специальных заведениях и вузах Карелии финский изучается и преподается как иностранный, исключение составляет лишь Финно-угорская школа им. Э. Леннрота, где финский преподается как родной язык. По сравнению с еще довольно недавним временем, когда во многих семьях говорили на финском как на родном языке, ситуация сегодня абсолютно иная. «По переписи 2002 г., финским языком в Карелии владеют 22 813 чел. В том числе: карелы – 9 197 чел. (14 % всех карелов), русские – 6 958 чел. (1 %), финны – 5 770 чел. (40 % всех финнов), белорусы – 252 чел. (1 %), вепсы – 227 чел. (5 %), украинцы – 17 чел. (1 %), прочие – 228 чел. Из всех владеющих финским языком финны составляют 25 %. Уже сейчас финский язык сочетает в себе признаки скорее второго иностранного, чем родного языка», – отмечает В. Н. Бирин⁷.

Тем не менее в Карелии функционирует ряд СМИ на финском языке: газета

⁵ Стратегия национальной политики в Республике Карелия на период до 2025 года. Ст. II. Состояние межнациональных отношений в Республике Карелия // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465404691> (дата обращения: 24.01.2021).

⁶ См.: Бирин В. Н. Финны Карелии. URL: <http://knk.karelia.ru/site/birin/birin.pdf> (дата обращения: 24.01.2021).

⁷ Там же.

“Karjalansanomati”, журнал “Carelia”; национальная редакция ВГТРК «Карелия» выпускает на финском языке часть программ; детский журнал “Kipinä” один из номеров публикует на финском языке, а Национальный театр Республики Карелия дает на нем спектакли. Таким образом, можно констатировать, что финский язык востребован жителями региона.

Карелия является приграничным регионом, и предпосылки для использования финского языка в республике достаточно благоприятны в условиях активного развития приграничного сотрудничества. Руководители многих предприятий, сотрудничавших до 2022 г. с партнерами из соседней с Карелией Финляндии, понимали необходимость или нанимать переводчика, владеющего финским языком, или на бытовом уровне изучать финский язык на курсах. В связи с этим профессия переводчика с финского и на финский была и остается (с надеждой на восстановление международных связей в каком-либо качестве) востребованной в республике, а на профили обучения с финским языком в ПетрГУ ежегодно фиксируется высокий конкурс. Например, за последние годы, по данным официального сайта Петрозаводского государственного университета, конкурс составляет от 5 до 11 чел. на одно бюджетное место. Кроме того, очень востребованы профили обучения, где финский язык изучается дополнительно как часть специализации наряду со шведским («История стран Северной Европы»), а также как курс иностранного языка по выбору для студентов других направлений обучения («Зарубежная филология и журналистика») Института филологии.

Мотивационный комплекс студентов ПетрГУ очень широк. Согласно опросу обучающихся на кафедре прибалтийско-финской филологии (52 чел. из 71 студента I–IV курсов), многие принимают решение о том, что их профессия будет связана в будущем с финским языком, еще в старших классах школы, а к некоторым понимание открывающихся возможностей приходит только в процессе обучения, так как при поступлении их выбор не был направлен исключительно на

изучение финского языка. Мотивы эволюционируют в процессе знакомства с культурой, историей, в процессе прохождения учебных и производственных практик.

На протяжении учебы студенты убеждаются в том, что при условии развития определенных профессиональных навыков и умений найти работу можно не только после окончания университета, но и в процессе обучения. Этому помогает развитие индивидуального мотивационного комплекса сначала у будущего студента, а затем у студента старших курсов. Встречи с работодателями – руководителями образовательных организаций, производственных предприятий, музеев, научных центров, силовых ведомств дают студентам уверенность в востребованности их профессии на рынке труда.

Понятие мотивации и ее уровней как внутренней психологической характеристики личности, которая находит выражение во внешних проявлениях, в отношении человека к окружающему миру, различным видам деятельности, рассматривали многие ученые. Деятельность без мотива или со слабым мотивом либо не осуществляется вообще, либо оказывается крайне неустойчивой.

По И. П. Подласому, «мотивация (от лат. moveo – двигаю) – общее название для процессов, методов, средств побуждения учащихся к продуктивной познавательной деятельности, активному освоению содержания образования»⁸.

Мотивация является отправной точкой в любой деятельности и занимает ведущее место в ее структуре. А. К. Маркова под мотивом понимает «направленность активности на предмет, внутреннее психическое состояние человека, прямо связанное с объективными характеристиками предмета, на который направлена активность»⁹.

Определение мотивации относительно получения образования ассоциируется с рядом исследований. Например, Г. Круик и Р. Шмидт представляют мотивацию в качестве ориентира к овладению предметом [18]. Р. Стиирс и Л. Портер характеризуют мотивацию к обучению как потребность, цель и форму обратной связи [27],

⁸ Подласый И. П. Указ. соч. С. 218.

⁹ Маркова А. К. Указ. соч. С. 72.

Р. М. Райан, Э. Л. Деси – как стремление к действию [24].

«В роли мотивов, – утверждает И. П. Подласый, – выступают потребности, интересы, стремления и эмоции, установки и идеалы учащегося. Это обуславливает то, что мотивы являются сложными образованиями. Мотивы, а их много, всегда взаимосвязаны, и в педагогическом процессе мы имеем дело не с одним действующим мотивом, а со многими, т. е. учение имеет полимотивированный характер»¹⁰.

Относительно феномена полимотивации А. Маслоу подчеркивал, что любое поведение проявляет тенденцию к детерминации несколькими или даже всеми базовыми потребностями одновременно, а не одной. Привлечение как можно большего числа потребностей (актуализация большего числа побуждающих факторов) повышает общий уровень мотивации деятельности [8, 99].

Классифицировать мотивы, действующие в системе обучения, можно по различным критериям. Так, по видам выделяются познавательные и социальные мотивы. Познавательные мотивы порождаются самой учебной деятельностью, непосредственно связаны с содержанием и процессом учения, способами усвоения знаний¹¹, образуют внутреннюю мотивацию обучающихся. Социальные мотивы соотносятся с косвенным результатом учения, с тем, что лежит вне самой учебной деятельности, направлено на другого человека.

По уровням, согласно И. П. Подласому, мотивы подразделяются следующим образом:

– широкие социальные мотивы (чувство долга, ответственности, понимание социальной значимости учения). Прежде всего это стремление через учение утвердиться в обществе, утвердить свой социальный статус;

– узкие социальные (или позиционные) мотивы (стремление занять определенную должность в будущем, получить признание окружающих, получать достойное вознаграждение за свой труд);

– мотивы социального сотрудничества (ориентация на различные способы взаимодействия, утверждение своей роли и позиции в классе);

– широкие познавательные мотивы, которые проявляются как удовлетворение от самого процесса учения и его результатов, ориентация на получение новых знаний;

– учебно-воспитательные мотивы (ориентация на способы добывания знаний, усвоение конкретных учебных предметов);

– мотивы самообразования (ориентация на приобретение дополнительных знаний)¹².

Обобщая и анализируя ответы респондентов, можно выделить профессионально-ценностные, эстетические, коммуникативные, статусно-позиционные, традиционно-исторические, утилитарно-практические, учебно-познавательные, неосознанные мотивы.

Мотивы учения можно разделить на внешние и внутренние. Первые исходят от педагогов, родителей, общества в целом и приобретают форму подсказок, намеков, требований, указаний, понуканий или даже принуждений. Они, как правило, действуют, но их действие нередко встречает внутреннее сопротивление личности. Вторые – внутренние по отношению к учебной деятельности мотивы, т. е. мотивы, которые непосредственно связаны с учебной, например получение удовольствия от учения [4].

В педагогической психологии также выделяют осознанные и неосознанные мотивы. Осознанные мотивы выражаются умением обучающегося рассказать о причинах, побуждающих его к деятельности. Неосознанные мотивы – это мотивы, при удовлетворении которых обучающийся не отдает себе отчета в том, что побуждает его к деятельности. К неосознанным мотивам относятся прежде всего влечения и установки, которые могут быть очень сильными.

Наконец, существуют реальные мотивы, которые осознаются обучаемыми и педагогами, и мотивы мнимые, которые

¹⁰ Подласый И. П. Указ. соч. С. 25.

¹¹ См.: Маркова А. К. Указ. соч. С. 11.

¹² См.: Подласый И. П. Указ. соч. С. 184.

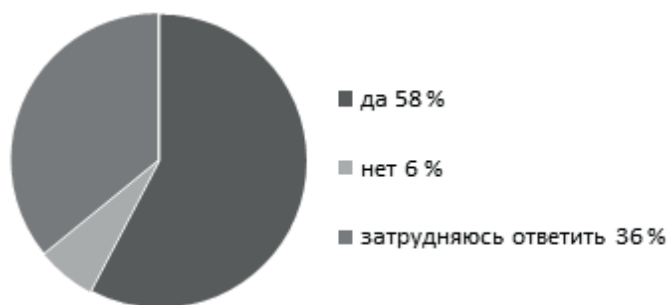

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Будет ли Ваша будущая работа связана с финским языком?» (студенты I и II курсов)

Fig. 1. Distribution of responses to the question “Will your future job be related to the Finnish language?” (1st and 2nd-year students)

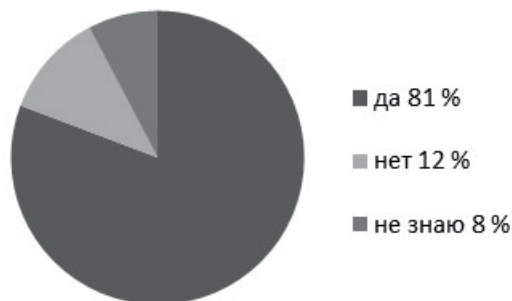
Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Будет ли Ваша будущая работа связана с финским языком?» (студенты III и IV курсов)

Fig. 2. Distribution of responses to the question “Will your future job be related to the Finnish language?” (3rd and 4th-year students)

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Будете ли Вы продолжать изучение финского языка после окончания ПетрГУ?»

Fig. 3. Distribution of responses to the question “Will you continue to study the Finnish language after graduating from Petrozavodsk State University?”

могли бы действовать лишь при определенных обстоятельствах¹³.

Мотивационная сфера не является статичной: одни мотивы выходят на первый план на начальном этапе обучения, другие – после получения определенных практических и профессиональных навыков.

Согласно проведенному среди студентов I и II курсов кафедры прибалтийско-финской филологии ПетрГУ опросу, в среднем чуть более половины респондентов связывали свою будущую работу с финским языком (часть из них – наряду с карельским и вепским) еще до принятия решения о поступлении (рис. 1).

В процессе обучения процентное соотношение несколько меняется: 11 % студентов старших курсов не связывают свою будущую работу с финским языком (в большинстве своем это те, кто изуча-

ет финский язык на курсе по выбору), остальные либо уверены в этой связи, либо не исключают ее (рис. 2).

Помимо возможности связать свою жизнь с финским языком благодаря работе, большинство опрошенных высказали намерение продолжать изучение финского языка после окончания университета (рис. 3).

Диаграммы показывают то, что интерес к изучению финского языка не ослабевает на протяжении всего периода обучения и абсолютное большинство студентов связывают свою дальнейшую профессиональную жизнь с финским языком, предполагая совершенствование его знания.

В качестве толчка к поступлению студенты назвали следующий ряд причин (допускалось указать несколько):

1) желание изучать финский язык именно в ПетрГУ, высокий уровень преподавания финского языка, возможность

¹³ См.: Маркова А. К. Указ. соч. С. 184.

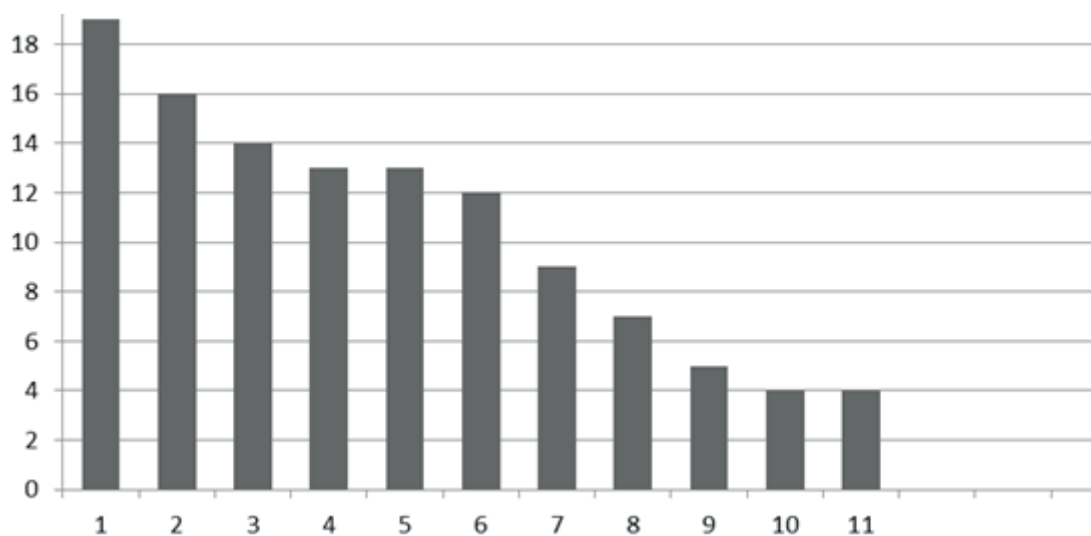

Рис. 4. Побудительные мотивы к изучению финского языка в ПетрГУ

Fig 4. Incentives for learning the Finnish language at Petrozavodsk State University

реального применения при изучении в вузе – 19 чел. из опрошенных;

2) случайный выбор – 16 чел.;

3) близость региона к Финляндии и возможности приграничного контактирования – 14 чел.;

4) изучение финского языка в школе, интересные обменные программы в школе – 13 чел.;

5) новизна предмета, «остальное было скучно» и «любовь к изучению иностранных языков» – 13 чел.;

6) культура, язык, традиции – 12 чел.;

7) туризм (собственные туристические поездки в Финляндию и Петрозаводск) – 9 чел.;

8) востребованность, перспективность специальности, возможность трудоустройства в России, Карелии и Финляндии – 7 чел.;

9) возможность изучать финский как второй язык – 5 чел.;

10) влияние родителей, возможность изучать финский с нуля, близость к дому, соответствующие баллы ЕГЭ – 4 чел.;

11) финские корни, в семье говорят по-карельски и по-фински – 4 чел. (рис. 4).

Как видим, основными мотивами студентов данных профилей обучения являются желание учиться в ПетрГУ, который предлагает как высокий уровень преподавания финского языка, так и возможность

его применения уже во время обучения в вузе – в качестве учителя финского языка и переводчика. К сожалению, приходится констатировать, что достаточно большое количество студентов начинают изучать финский язык случайно. И если некоторые из них прекращают обучение, сталкиваясь с трудностями освоения программы направления, то основная часть продолжает изучение языка, открыв для себя возможности владения финским, а также карельским и вепсским языками в процессе обучения в университете.

Большую привлекательность и факт, влияющий на мотивацию к поступлению среди студентов, составляет региональная специфика Карелии и ПетрГУ как опорного вуза Северо-Запада РФ. Данная мотивация вмещает в себя множество более частных мотивов. До начала пандемии важную роль играли близость страны изучаемого языка, большое количество обменных программ и направлений сотрудничества с вузами и профессиональными учебными заведениями Финляндии. Например, на протяжении длительного времени, начиная с 1968 г., на кафедре прибалтийско-финской филологии на постоянной основе работали преподаватели – носители языка из Финляндии, в сотрудничестве с Управлением образования Финляндии в этой стране проводились курсы по со-

временному финскому языку, литературе и переводу для студентов и магистрантов, осуществлялись различные совместные с финляндскими университетами и другими учебными заведениями образовательные и научные проекты. Большое количество туристов, приезжавших из соседней страны, нуждались в том, чтобы получить информацию о Карелии именно на финском языке, в связи с чем туристические компании Петрозаводска и других городов Карелии были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы студенты кафедры принимали участие в работе с туристами.

Близость региона к стране изучаемого языка имела следствием то, что до 2020 г. востребованность выпускников кафедры на рынке труда была достаточно высока и данный фактор играл одну из ведущих ролей в формировании мотивации к получению высшего образования в сфере изучения финского языка. Как уже говорилось, специалисты, владеющие финским языком, до недавнего времени были чрезвычайно востребованы в туристической отрасли республики и близлежащих регионов.

Нужно отметить, что уже в школе учащиеся получают навыки проведения небольших экскурсий по Петрозаводску или тому городу Карелии, где они проживают. Даже краткий курс финского языка для студентов других направлений Института филологии (финский язык по выбору, 2 ч в неделю во втором семестре) предполагает подготовку экскурсии по городу на элементарном уровне. Сотрудники туристических компаний и музеев Петрозаводска организуют встречи со студентами и ознакомительные занятия, на которых знакомят их со спецификой проведения экскурсий на финском языке и переводом экскурсий на финский язык.

Педагогическая деятельность студентов во время обучения в ПетрГУ также имеет свои особенности. Еще обучаясь в школе и знакомясь со студентами-практикантами, некоторые из будущих студентов узнают о возможностях, которые предоставляет обучение на кафедре прибалтийско-финской филологии, и утверждают в решении изучать финский язык в ПетрГУ. Получая знания в области педагогики, пси-

хологии и методики преподавания финского языка, практические навыки студенты приобретают в учебных заведениях Петрозаводска и других районов Карелии, а также Санкт-Петербурга и Ленинградской области, где в школах и на курсах преподается финский язык. Практические занятия по методике преподавания финского языка проводятся в университете по-фински; студенты знакомятся с некоторыми аспектами преподавания финского как иностранного в школах и профессиональных учебных заведениях Финляндии.

С 2020 г. обучающимся предоставляется возможность прохождения педагогической онлайн-практики в учебных заведениях Финляндии. Такая возможность мотивирует к изучению и развитию комплекса навыков владения финским языком у студентов, поскольку педагоги в этих учебных заведениях в абсолютном большинстве не владеют русским языком и профессиональное общение с ними возможно только на финском языке. Учащиеся, которым студенты во время педагогической практики преподают финский язык, в основном русскоговорящие и слабо владеющие финским языком. Студенты-практиканты в этом случае могут оказывать большую помощь финским коллегам в проведении занятий, организации коммуницирования с обучающимися, адаптации учебного материала для русскоязычной аудитории, получая при этом уникальный педагогический, языковой и организационный опыт.

Безусловно, огромный мотивационный пласт представляет собой переводческая деятельность, которая является и целью поступления в вуз для большинства студентов, и средством изучения финского языка в языковой среде. Ранее уже упоминался туризм, где переводческие навыки очень востребованы. Непосредственно переводческая деятельность оказывается вполне по силам студентам даже младших курсов. Во время учебы студенты проявляют себя на переводческом поприще в различных сферах: на мастер-классах и встречах, переговорах и лекциях, различных мероприятиях. Некоторые из них получают переводческий опыт, осуществляя перевод с финского на

русский язык материалов и статей для музеев Республики Карелия.

Студенты могут попробовать себя и в научной деятельности, проводя исследования в областях, которые еще не рассматривались научным сообществом. Это, например, проблемы аудиовизуального перевода с финского на русский и с русского на финский язык на материалах национальной редакции ВГТРК «Карелия», выпускающей свои программы на финском, карельском и вепском языках; анализ творчества карельских финноязычных писателей; перевод комиксов и локализация компьютерных игр; театральные переводы; вопросы методики преподавания национальных языков Республики Карелия. Возможность сказать новое слово в исследованиях, безусловно, является важным мотивационным толчком для молодого ученого.

К следующей важной группе мотивов относится интерес к финской культуре, которая является как культурой страны изучаемого языка, Финляндии, так и культурой финноязычных этносов, проживающих на территории Карелии и Ленинградской области, – финнов-ингерманландцев, ижор, финнов-переселенцев из Финляндии, США и Канады. Некоторые студенты отмечают собственную принадлежность к данным этническим группам как один из мотивационных факторов в изучении финского языка на более глубоком, профессиональном уровне, чтобы иметь возможность проводить исследования по истории, культуре и языку своего народа. Среди студентов есть те, кто говорит на финском, карельском или вепском языке в семье, хотя их доля чрезвычайно мала по сравнению с еще недавним временем: в 1990–2000-е гг. многие этнические финны переехали на свою историческую родину по Программе репатриации правительства Финляндии.

Некоторые обучающиеся начинают исследовательскую деятельность в этнолингвистическом направлении еще в школе. Например, в 2018–2020 гг. в Финно-угорской школе им. Э. Леннрота был осуществлен проект по истории и пошиву ингерманландского костюма, включавший, в частности, занятия по финскому языку и занятия на финском языке об истории Ингерман-

ландии, которые проводила преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии С. В. Коробейникова. Во время занятий школьники узнавали о культуре народа, встречались со студентами ПетрГУ, изучающими финский язык, с этнографами и музыкальными коллективами. Студенты, в свою очередь, заинтересовались музыкальной культурой финнов-ингерманландцев и начали исследования в области фольклорного материала. На базе кафедры функционирует Этнодом “Nel’l’an kanzan kodii” («Дом четырех народов», а именно: карелов, финнов, вепсов и русских), созданный в рамках совместного проекта с Финским просветительским обществом. В настоящее время студенты II и III курсов проводят курсовые исследования по лингвистическим и этнолингвистическим проблемам ингерманландского народа, посвящают этим вопросам выступления на конференциях. Студенты кафедры прибалтийско-финской филологии имеют возможность изучать быт и культуру проживающих на территории Карелии финского и коренных народов и моделировать ситуации, возникающие в переводческой и туристической профессиональной деятельности.

Практически все студенты говорят о том, что им интересна культура Финляндии. Многие еще в школе увлеклись финской популярной музыкой, им важно понимать тексты песен, «очень нравится музыкальность финского языка». Результатом такой мотивационной направленности стали несколько проведенных студентами лингвистических исследований текстов популярных финских песен 1950-х гг., 1970–1980-х гг. и современных.

Следует отметить, что во всех ранее упомянутых комплексах мотивов прослеживается тенденция ранней, еще школьной мотивированности поступающих в вуз. Высокий процент тех, кто ранее (до поступления в ПетрГУ) изучал финский язык, говорит о множестве обменных школьных программ, проектов, возможности еще в школе контактировать с носителями языка. Школьники могут изучать финский язык и у преподавателей ПетрГУ в Этнокультурном лагере, организуемом Министерством по вопросам национальной политики, свя-

зям с общественными и религиозными объединениями Республики Карелия, Министерством образования Республики Карелия, Петрозаводским государственным университетом и Республиканским центром детско-юношеского туризма.

Хотя впоследствии студенты приобретают обширный мотивационный комплекс, состоящий как из внутренних, так и из внешних мотивов разной степени устойчивости, на этапе поступления у большей группы абитуриентов финский язык среди изучаемых языков оказывается случайно: как второй язык прибалтийско-финской группы наряду с карельским и вепским, как второй иностранный или как курс по выбору. Тем не менее даже в группе, где финский язык изучают студенты других специальностей Института филологии, часть обучающихся предполагают, что их работа в будущем будет связана с финским языком.

Обращает на себя внимание и такой мотив, отмечаемый многими студентами, как интерес к изучению чего-то нового и необычного. Один из респондентов, например, ответил: «Финский язык изучать не скучно и не банально».

Таким образом, у большого количества студентов уже при поступлении имелся сформированный мотивационный комплекс, включающий внутренние и внешние мотивы, которые в дальнейшем утвердились, либо студенты приобрели новые, такие как мотивация к научно-исследовательской деятельности. Те же, кто случайно столкнулся с необходимостью изучать финский язык, несмотря на изначальное отсутствие выраженной мотивации, приобретают ее в процессе обучения и приходят к мысли о том, чтобы

связать будущую профессию с финским языком. До начала пандемии коронавируса это представлялось вполне осуществимым с учетом тесных связей между предприятиями и организациями приграничного региона. Позднее возможности дистанционного контактирования открыли для студентов кафедры новые профессиональные горизонты. Однако в настоящее время в связи с закрытием границ и прекращением в 2022 г. финской стороной долго и кропотливо создаваемых обоими участниками процесса сотрудничества отношений как в сфере образования, так и в других областях профессионального применения финского языка создаются условия для возникновения новых мотивов у студентов, выбирающих своей специальностью финский язык.

Заключение

Исследование показало, что большинство абитуриентов поступают на профили обучения кафедры прибалтийско-финской филологии со сформированным мотивационным комплексом к изучению финского языка. Полученные данные о мотивации студентов к изучению финского языка помогут преподавателям в разработке профессионально ориентированных модулей обучения и методик, повышающих мотивационную активность обучающихся. Можно сделать вывод о том, что интерес к финскому языку у студентов в процессе обучения проявляется и формируется при знакомстве и в процессе дальнейшего изучения как этнолингвистической составляющей курса финского языка в вузе, так и его социолингвистической основой. Современные вызовы, в свою очередь, требуют актуальных решений и дают почву для новых исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братчикова Н. С. Особенности преподавания финского языка студентам-нефилологам // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. Вып. 3. С. 11–25.
2. Гордеева Т. О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Ч. 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования. 2010. № 4. URL: <http://psystudy.ru/num/2010n4-12/343-gordeeva12> (дата обращения: 06.06.2020).
3. Гордеева Т. О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Ч. 2: Вопросы практического применения теории // Психологические исследования. 2010. № 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n5-13/378-gordeeva13.html> (дата обращения: 24.01.2021).
4. Дворецкая Т. А., Ахмадиева Л. Р. Соотношение внутренней и внешней мотивации учебной деятельности у абитуриентов и студентов вуза // Вестник Московского государственного лингви-

- стического университета. Образование и педагогические науки. 2018. Вып. 6. С. 185–194.
5. Задунова Е. В., Омельченко А. А. Формирование учебной мотивации младших школьников // Начальная школа. 2007. № 2. С. 20–21.
 6. Коробейникова С. В. Международная деятельность как основа для формирования социокультурной компетенции у студентов, изучающих финский язык // Инновационная наука. 2019. № 12. С. 97–100.
 7. Кряжков В. А. Право народов на самоопределение в Российской Федерации (на примере Республики Карелия) // Государство и право. 2020. № 4. С. 96–107. DOI: 10.31857/S013207690009239-4.
 8. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 479 с.
 9. Мейнандер Х. История Финляндии: линии, структуры, переломные моменты. 2-е изд., испр. и доп. М.: Весь Мир, 2017. 238 с.
 10. Осьмак Н. А. Проблемы мотивации в изучении финского языка и пути их преодоления // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 3. С. 211–215.
 11. Семенова Е. М., Федорев Л. А. Аспекты оптимизации обучения финскому языку в МОУ «Средняя общеобразовательная финно-угорская школа имени Элиаса Лённрота» г. Петрозаводска // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: материалы межрегион. науч. конф., посвящ. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск, 2010. С. 174–180.
 12. Старшова Т. И. Финский язык в системе подготовки специалистов в Петрозаводском государственном университете // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры: сб. науч. ст. Петрозаводск, 2002. С. 5–11.
 13. Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Журнал «Нева», 2002. 172 с.
 14. Такала И. Р. Финский язык в Карелии: история и судьба // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: материалы межрегион. науч. конф., посвящ. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск, 2010. С. 24–41.
 15. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по слав. мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 509 с.
 16. Шейхет А. И. Трудности межкультурного общения на финском языке и методика их преодоления // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 162. С. 209–214.
 17. Bandura A. Self-efficacy. URL: <http://www.uky.edu/~eushe2/Bandura/Bandura1994ЕНВ.pdf> (дата обращения: 30.05.2020).
 18. Crooces G., Schmidt R. W. Motivation: reopening the reseach agenda // Language Learning. 1991. Vol. 41, no. 4. P. 469–512. DOI: 10.1111/J.1467-1770.1991.TB00690.X.
 19. Hidi S., Renninger K. A. The Four-Phase Model of Interest Development // Educational Psychologist. 2006. Vol. 41, no. 2. P. 111–127.
 20. Pekrun R. Emotions and learning. URL: https://www.ibe.unesco.org/fileadmin/user_upload/Publications/Educational_Practices/EdPractices_24eng.pdf (дата обращения: 24.01.2021).
 21. Pekrun R. The control-value theory of achievement emotions: assumptions, corollaries, and implications for educational research and practice // Educational Psychology Review. 2006. Vol. 18. P. 315–341. DOI: 10.1007/S10648-006-9029-9.
 22. Peltonen M., Ruohotie P. Motivaatio: menetelmiä työhalun parantamiseksi. Helsinki: Otava, 1987. 164 s.
 23. Perikangas H., Ullakonoja R. Motivaation yhteys luku- ja kirjoitustaitoon venäjää kotikielenään puhuvilla peruskoululaisilla // Kieli, koulutus ja yhteiskunta. 2015. Vol. 6, no. 4. URL: <http://www.kieliverkosto.fi/article/motivaation-yhteys-luku-ja-kirjoitustaitoon-venajaa-kotikielenaan-puhuvilla-peruskoululaisilla/?format=pdf> (дата обращения: 24.01.2021).
 24. Ryan R. M., Deci E. L. Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new directions // Contemporary Educational Psychology. 2000. Vol. 25. P. 54–67. DOI: 10.1006/ceps.1999.1020.
 25. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. 2000. Vol. 55, no. 1. P. 68–78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68.
 26. Schunk D. H., Miller S. D. Self-efficacy and adolescents' motivation // Academic motivation of adolescents. Greenwich, 2002. P. 29–52.
 27. Steers R. M., Porter L. W. Motivation and work behavior. URL: <https://docplayer.net/14664231-Work-behavior-motivation-and-mcgraw-hill-irwin-lyman-w-porter-richard-m-steers-gregory-a-bigley-seventh-edition-pous.html> (дата обращения: 24.01.2021).
 28. Valdesolo P., Shtulman A., Baron A. S. Science is awe-some: the emotional antecedents of science learning // Emotion Review. 2017. Vol. 9, no. 3. P. 215–221. DOI: 10.1177/1754073916673212.
 29. Vepsäläinen K. Näkökohtia motivaatiosta pedagogisen psykologian kannalta tarkasteltuna. Joensuu: Joensuun korkeakoulu, Kasvatustieteiden osasto, 1976. 54 s.

Поступила 05.04.2021; одобрена 15.02.2023; принята 30.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. В. Коробейникова – старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета, svetkor.08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3477-558X>

Ethno- and sociolinguistic foundations of motivation for learning the Finnish language at Petrozavodsk State University

Svetlana V. Korobeynikova

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. The purpose of this article is to identify the ethno- and sociolinguistic foundations of students' motivation to study the Finnish language based on the analysis of the results of a survey of students from the Department of Baltic-Finnish Philology at Petrozavodsk State University. Currently, such studies are relevant, as prospective students have shown a consistent interest in study programmes that include Finnish, alongside their second language (Karelian, Vepsian, or English).

Materials and Methods. The study material consisted of survey data collected from the undergraduate students studying the Finnish language. During the study, it employed survey methods, as well as mathematical, statistical, and comparative approaches.

Results and Discussion. In this article, the authors explore the ethno- and sociolinguistic foundations of students' motivation to learn the Finnish language. The experience gained from conducting such studies can be applied in the future to identify motivational factors for studying the Karelian and Vepsian languages, which are languages of indigenous small-numbered peoples in the Republic of Karelia.

Conclusion. Based on the research conducted, it can be concluded that most prospective students enter the programmes at the Department of Baltic-Finnish Philology with a well-defined motivation for learning the Finnish language. This study holds practical significance, as the data gathered on students' motivation to learn the Finnish language will aid educators in developing professionally-oriented training modules and methods aimed at enhancing students' motivational engagement.

Keywords: ethnolinguistics, sociolinguistics, motive, motivation, motivational complex, Finnish language, higher education, bachelor's degree

For citation: Korobeynikova SV. Ethno- and sociolinguistic foundations of motivation for learning the Finnish language at Petrozavodsk State University. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;3:343–355. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.343-355.

REFERENCES

1. Bratchikova NS. Peculiarities of Finnish language teaching to students with non-linguistic majors. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical studies. 2018;3:11–25. (In Russ.)
2. Gordeeva TO. Self-determination theory: present and future. Part 1: The problems of theory development. *Psikhologicheskie issledovaniia* = Psychological studies. 2010;4. URL: <http://psystudy.ru/num/2010n4-12/343-gordeeva12> (accessed 06.06.2020). (In Russ.)
3. Gordeeva TO. Self-determination theory: present and future. Part 2: Issues of a practical application of a theory. *Psikhologicheskie issledovaniia* = Psychological studies. 2010;5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n5-13/378-gordeeva13.html> (accessed 24.01.2021). (In Russ.)
4. Dvoretzkaya TA, Akhmediyeva LR. Internal and external motivation ratio of academic activity of applicants and students of higher education. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical studies. 2018;6:185–194. (In Russ.)
5. Zadunova EV, Omel'chenko AA. Formation of educational motivation of younger schoolchildren. *Nachal'naiia shkola* = Elementary School. 2007;2:20–21. (In Russ.)
6. Korobeynikova SV. International activity as a basis for the formation of socio-cultural competence of students studying the Finnish language. *Innovatsionnaya nauka* = Innovation Science. 2019;12:97–100. (In Russ.)
7. Kryazhkov VA. The right of peoples to self-determination in the Russian Federation (on the example of the Republic of Kare-

- lia). *Gosudarstvo i pravo* = State and Law. 2020;4:96–107. (In Russ.). DOI: 10.31857/SO13207690009239-4.
8. Maslow AH. Motivation and Personality. Saint-Petersburg; 1999. (In Russ.)
 9. Meinander H. History of Finland: lines, structures, turning points. Moscow; 2017. (In Russ.)
 10. Osmak NA. Problems of motivation in learning Finnish and ways to overcome them. *Uspekhi gumanitarnykh nauk* = Modern Humanities Success. 2020;3:211–215. (In Russ.)
 11. Semenova EM, Fedorets LA. Aspects of optimizing the teaching of the Finnish language in the Municipal Educational Institution “Secondary Finno-Ugric School named after Elias Lönnrot” in Petrozavodsk. *Rossiiskie finny: vchera, segodnia, zavtra: materialy mezhhregion. nauch. konf., posviashch. 20-letiiu Ingermanlandskogo soiuza finnov Karelii* = Russian Finns: yesterday, today, tomorrow. Materials of the interregional scientific conference dedicated to the 20th anniversary of the Ingermanland Union of Finns of Karelia. Petrozavodsk; 2010:174–180. (In Russ.)
 12. Starshova TI. Finnish language in the system of training specialists at Petrozavodsk State University. *Bubrikhovskie chteniia: Problemy pribaltiisko-finskoj filologii i kul'tury: sb. nauch. st.* = Bubrikh readings: Problems of the Baltic-Finnish philology and culture. Collection of scientific articles. Petrozavodsk; 2002:5–11. (In Russ.)
 13. Takala IR. Finns in Karelia and in Russia: The history of the emergence and death of the diaspora. Saint-Petersburg; 2002. (In Russ.)
 14. Takala IR. Finnish language in Karelia: history and destiny. *Rossiiskie finny: vchera, segodnia, zavtra: materialy mezhhregion. nauch. konf., posviashch. 20-letiiu Ingermanlandskogo soiuza finnov Karelii* = Russian Finns: yesterday, today, tomorrow. Materials of the interregional scientific conference dedicated to the 20th anniversary of the Ingermanland Union of Finns of Karelia. Petrozavodsk; 2010:24–41. (In Russ.)
 15. Tolstoi NI. Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics. Moscow; 1995. (In Russ.)
 16. Sheikhet A. Difficulties of intercultural communication in Finnish and ways of overcoming them. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertse-na* = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2013;162:209–214. (In Russ.)
 17. Bandura A. Self-efficacy. URL: <http://www.uky.edu/~eushe2/Bandura/Bandura1994EHB.pdf> (accessed 30.05.2020).
 18. Crooces G, Schmidt RW. Motivation: reopening the reseach agenda. *Language Learning*. 1991;41;4:469–512. DOI: 10.1111/J.1467-1770.1991.TB00690.X.
 19. Hidi S, Renninger KA. The four-phase model of interest development. *Educational Psychologist*. 2006;41;2:111–127.
 20. Pekrun R. Emotions and learning. URL: https://www.ibe.unesco.org/fileadmin/user_upload/Publications/Educational_Practices/EdPractices_24eng.pdf (accessed 24.01.2021).
 21. Pekrun R. The control-value theory of achievement emotions: assumptions, corollaries, and implications for educational research and practice. *Educational Psychology Review*. 2006;18:315–341. DOI: 10.1007/S10648-006-9029-9.
 22. Peltonen M, Ruohotie P. Motivaatio: menetelmiä työhalun parantamiseksi. Helsinki; 1987.
 23. Perikangas H, Ullakonoja R. Motivaation yhteys luku- ja kirjoitustaitoon venäjää kotikielensä puhuvilla peruskoululaisilla. *Kieli, koulutus ja yhteiskunta*. 2015;6;4. URL: <http://www.kieliverkosto.fi/article/motivaation-yhteys-luku-ja-kirjoitustaitoon-venajaa-kotikielenaan-puhuvilla-peruskoululaisilla/?format=pdf> (accessed 24.01.2021).
 24. Ryan RM, Deci EL. Intrinsic and extrinsic motivations: classic definitions and new directions. *Contemporary Educational Psychology*. 2000;25:54–67. DOI: 10.1006/ceps.1999.1020.
 25. Ryan RM, Deci EL. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*. 2000;55;1:68–78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68.
 26. Schunk DH, Miller SD. Self-efficacy and adolescents’ motivation. *Academic motivation of adolescents*. Greenwich; 2002:29–52.
 27. Steers RM, Porter LW. Motivation and work behavior. URL: <https://doeplayer.net/14664231-Work-behavior-motivation-and-mcgraw-hill-lr-win-lyman-w-porter-richard-m-steers-gregory-a-bigley-seventh-edition-pous.html> (accessed 24.01.2021).
 28. Valdesolo P, Shtulman A, Baron AS. Science is awe-some: the emotional antecedents of science learning. *Emotion Review*. 2017;9;3:215–221. DOI: 10.1177/1754073916673212.
 29. Vepsäläinen K. Näkökohtia motivaatiosta pedagogisen psykologian kannalta tarkasteltuna. Joensuu; 1976.

Submitted 05.04.2021; reviewing 15.02.2023; accepted 30.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. V. Korobeynikova – Senior Lecturer, Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University, svetkor.08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3477-558X>

Российские грантовые фонды как инструмент продвижения проектов в сфере культуры и искусства (на примере Республики Мордовия)

Елена Николаевна Ломшина
Елена Николаевна Антипкина
Юрий Алексеевич Кондратенко

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. В статье рассматриваются особенности региональной культурной политики на примере отдельного субъекта Российской Федерации – Республики Мордовия. Региональная культурная политика в настоящее время выступает как самостоятельная область проектной деятельности и направлена на всестороннее изучение и развитие историко-культурной самобытности регионального пространства, определение и эффективное использование имеющихся в нем ресурсов (интеллектуальных, финансовых, материально-технических и др.), разработку и реализацию региональных программ поддержки и развития сферы культуры и креативных технологий.

Материалы и методы. Исследование основано на нормативно-законодательных документах, материалах грантовых фондов. Методика сбора эмпирических данных включала анализ базы данных поддержанных проектов, содержания публикаций в средствах массовой информации. При этом использовались методы сопоставления и сравнения, необходимые при работе с электронными базами данных.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования были рассмотрены особенности региональной культурной политики на примере Республики Мордовия, проанализированы материалы интернет-портала «Культура. Гранты России», официальных сайтов Фонда президентских грантов, Президентского фонда культурных инициатив, Российского фонда культуры, Фонда Института развития интернета. Акцентируется внимание на реализованных в Республике Мордовия проектах в области культуры и искусства, поддержанных фондами.

Заключение. Рассмотренные мероприятия и инструменты поддержки проектов в сфере культуры дают положительные результаты и позволяют повысить эффективность проектной деятельности, создают благоприятное пространство для развития креативных технологий в регионах. Проведенное авторами исследование будет способствовать созданию информационно-коммуникационного пространства, аккумулирующего информацию о всех российских грантовых конкурсах, условиях участия в них и результатах.

Ключевые слова: проекты в сфере культуры и искусства, проектная деятельность, проекты, грантовая деятельность, российские фонды, цифровая культура

Для цитирования: Ломшина Е. Н., Антипкина Е. Н., Кондратенко Ю. А. Российские грантовые фонды как инструмент продвижения проектов в сфере культуры и искусства (на примере Республики Мордовия) // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 356–367. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.356-367.

Введение

В современном постоянно меняющемся мире важную роль в достижении целей развития государства играет воспитание молодежи, основанное на формировании духовных ценностей и смыслов, где большое значение имеет культура. Стратегическим решением на государственном уровне стал запуск национального проекта «Культура», разработанного в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О на-

циональных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и включающего три федеральных проекта: «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура». Его реализация началась 1 января 2019 г. Впервые культура была возведена в ранг государственных приоритетов, разработан проект по ее развитию. В национальном проекте особое значение придается доступности сферы культуры

не только жителям крупных городов, но и отдаленных населенных пунктов.

25 января 2023 г. вышел Указ Президента Российской Федерации № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808», в котором говорится, что ресурсное обеспечение государственной политики – прямая обязанность фондов. Одним из действенных и целенаправленных инструментов поддержки региональной культуры в контексте реализации национального проекта «Культура» сегодня стали гранты и субсидии.

В Республике Мордовия уделяется большое внимание реализации проектной деятельности некоммерческими организациями. Министерство культуры, национальной политики и архивного дела РМ осуществляет постоянный мониторинг заявок, проводит семинары, мастер-классы по их оформлению, оказывает методическую помощь заявителям.

Обзор литературы

При написании работы авторы опирались на положения о культуре как неотъемлемой составляющей культурно-исторического пространства и определяющем факторе общественного развития, а также на методологические аспекты реализации культурной политики, раскрытые в трудах О. Н. Астафьевой, И. А. Бутенко, В. А. Горенкина, В. М. Межуева, К. Э. Разлогова, А. В. Швецова и др. (см., например: [1; 2; 5]). Структурно-системный анализ культурной политики, включая изучение ее теоретических моделей, представлен в исследованиях А. Визанда, М. Драгичевич-Шешич, К. Мак-Кафи, А. Моля, В. В. Наточего, Б. Стойковича, Г. Х. Шартрана. В свете наблюдаемой в настоящее время концептуализации культурной политики большую значимость приобретают разнообразные понятия, относящиеся к сфере организации и управления культурой, разработанные благодаря исследовательским усилиям Т. М. Гудимы, И. Е. Дискина, В. С. Жидкова, А. В. Каменца, Г. Г. Карповой, А. В. Костиной, К. Б. Соколова, И. Г. Хангельдиевой.

Отдельные направления и аспекты государственной культурной политики получили освещение в работах современных отечественных ученых. В частности, к теоретическим вопросам регионоведения и культурной регионализации обращались С. И. Барзилов, Н. В. Зубаревич, В. Л. Каганский, Р. Ф. Туровский. Специфику взаимосвязи и взаимовлияний идентичности и этнокультурной идентификации изучали А. В. Баранов, И. В. Малыгина, Е. В. Морозова, О. И. Орачева. Общетеоретические основания культурной политики в части ее проблематики, связанной с регионоведением и проблемами культурного развития регионов, проанализированы Н. М. Геновой, А. Л. Зориным [9], Л. Б. Зубановой, М. П. Крыловым, Л. М. Мосоловой, И. Я. Мурзиной, С. Б. Синецким, И. А. Скрипачевой.

Проблематика государственного грантового финансирования деятельности некоммерческого сектора находится в фокусе внимания исследователей с конца XX в. Разработкой теоретических, методических и прикладных проблем реализации проектного менеджмента занимаются многие западные и отечественные ученые. Так, вопросы социально-культурного проектирования раскрываются в трудах Г. М. Бирженюка, М. П. Горчаковой-Сибирской, И. Ф. Симоновой [10], В. В. Стебляка [12] и др. Различные аспекты проектного управления представлены в работах российских специалистов О. Г. Басалаевой и П. И. Балабанова [3], В. В. Богданова, М. Ф. Дубовика, О. Н. Ильиной, А. С. Козлова, И. И. Мазура, Н. В. Узловой [15], В. Д. Шапиро и др. К ключевым вопросам менеджмента в культурной сфере и социокультурного менеджмента обращались Л. Н. Галенская, Г. М. Галуцкий, А. Д. Жарков, Н. А. Михеева, Л. И. Рудич, Т. Н. Суминова [14], Е. Г. Ходжаян, О. С. Чернявская, В. М. Чижиков, В. В. Чижиков и др.; к различным аспектам арт-менеджмента – Н. В. Белоблоцкий, С. Б. Войтковский, С. М. Корнеева, Т. В. Косцов, Д. Пассман, Г. Л. Тульчинский и др. Идеи технологического подхода с позиции управления разрабатывались В. П. Беспалько, В. М. Монаховым, А. И. Нижниковым, В. Ю. Питюковым,

Т. К. Смыковской, А. И. Уманом и др. Технологии подготовки и проведения фестивалей и конкурсов отражены в трудах В. А. Бабкова, Д. М. Генкина, О. Я. Гойхмана, Т. В. Козловой, А. Н. Колотурского, В. А. Моряхина, Б. В. Периля. Грантовая политика фондов как социальная инвестиция и важный элемент политики государства по развитию российских социально ориентированных некоммерческих организаций рассмотрена В. А. Смирновым [11], арт-проектирование в контексте креативной экономики – Т. Н. Суминовой [13], креативные индустрии как канал популяризации историко-культурного наследия регионов – А. В. Грошевой [4].

Материалы и методы

Исследование основано на нормативно-законодательных документах, материалах грантовых фондов. Методика сбора эмпирических данных включала анализ базы данных поддержанных проектов, содержания публикаций в средствах массовой информации. При этом использовались методы сопоставления и сравнения, необходимые при работе с электронными базами данных.

Результаты исследования и их обсуждение

В настоящее время в стране функционируют несколько грантовых фондов, поддерживающих проекты в сфере культуры, искусства и креативных индустрий, в частности Фонд президентских грантов, Президентский фонд культурных инициатив, Российский фонд культуры, Фонд Института развития интернета.

Фонд президентских грантов¹ организован в 2017 г. по инициативе Президента Российской Федерации. Фонд принимает проекты два раза в год (первый конкурс – с 1 февраля по 15 марта, второй – с 1 сентября по 15 октября), также проводятся специальные конкурсы. Ежегодно фондом поддерживаются более 3 000 проектов в различных областях, включая сферу культуры и искусства.

С 2017 г. фондом было поддержано 22 проекта от Республики Мордовия по на-

правлению «Поддержка проектов в области культуры и искусства». За весь период функционирования фонда самая скромная сумма финансирования (208 484,00 руб.) была направлена на поддержку проекта «Этно арт-студия «Живое общение» (первый конкурс 2018 г.). Целью проекта были обозначены повышение качества жизни пожилых людей путем их комплексной культурно-досуговой реабилитации; оказание помощи в преодолении проблемы одиночества, организации досуга, продлении физической, умственной, творческой активности пенсионеров. Самая крупная сумма (3 009 644,00 руб.) выделена на проект «Международный фестиваль: Удивительный мир тишины финно-угорской культуры» (первый конкурс 2021 г.). Проект нацелен на проведение международного фестиваля, позволяющего создать условия для расширения круга общения «живую» для инвалидов по слуху финно-угорских народностей, реализации их творческих, физических способностей; сохранение ценностей национальной культуры; создание инклюзивного волонтерского движения в Мордовии.

Большое внимание российские фонды уделяют инициативам, направленным на цифровизацию культуры. Так, проект «Доступный театр: создание интерактивных музейно-экспозиционных зон в театрах Республики Мордовия» был поддержан Фондом президентских грантов в 2020 г. Его цель – создание в театрах Республики Мордовия современных музейно-экспозиционных пространств с целью популяризации культурного наследия региона, расширения роли театров в жизни общества за счет вовлечения зрителей в творческие культурно-просветительские проекты. В интерактивных музейно-экспозиционных пространствах представлены информация о театральной жизни, людях театра, репертуаре, научно-популярная информация по истории театрального искусства, интересная для различных групп населения (особое место заняли материалы для детей и молодежи, для лиц с ограниченными возможностями здоровья).

¹ URL: <https://президентскиегранты.рф/> (дата обращения: 07.08.2023).

В процессе реализации проекта были созданы три контента для интерактивной экспозиции: основной контент по истории театра, версия для людей с ограниченными возможностями, версия на английском языке для туристов и гостей театра. К оформлению музейно-экспозиционных зон были привлечены специалисты театров, ученые, музейные работники, что сделало экспозиции профессионально выстроенными и исторически достоверными. Предусмотрена возможность постоянно их расширять и активно пополнять новыми материалами о современной жизни театра.

В рамках реализации проекта проводились интерактивные экскурсии, встречи с артистами, режиссерами, художниками, тематические квесты с привлечением волонтеров театров, научно-исследовательские программы и творческие конкурсы. Это обеспечило эффективность культурно-просветительской работы и повысило интерес к театральному искусству, достижениям культуры региона.

Музейно-экспозиционные зоны в театрах привлекают внимание жителей Саранска, муниципальных районов республики, соседних регионов. Особый интерес экспозиция представляет для школьников. По итогам мероприятий проекта за счет средств софинансирования подготовлены помещения для экспозиций в музейных зонах, за счет средств гранта установлено мультимедийное оборудование, а также выставочная мебель. С участием специалистов собрана информация, созданы выставочные экспонаты, интерактивные материалы для оформления музейно-экспозиционных зон в Государственном музыкальном театре им. И. М. Яушева, Государственном русском драматическом театре Республики Мордовия, Государственном театре кукол Республики Мордовия.

Специальные культурно-просветительские программы позволили более 10 тыс. жителей получить знания об истории театров, о культуре региона. Около 1 000 школьников и студентов встретились с творческими работниками театров, более 400 чел. приняли участие в творческих конкурсах в рамках Международного дня театра и Всероссийской акции «Ночь искусств», примерно

столько же – в мероприятиях, проведенных волонтерами театров. Мероприятия проекта широко освещались в средствах массовой информации, благодаря чему о нем узнали свыше 130 тыс. жителей республики.

Важное значение имеет научный аспект (сохранение в архивах театров ценных исторических документов на разных носителях (аудио, видео, фото, текст).

Интерактивный контент «Государственный русский драматический театр Республики Мордовия» включает несколько основных разделов.

О театре. При входе в данный раздел у пользователя есть возможность перейти в подразделы, где представлена информация об истории театра разных периодов.

Люди театра. Здесь содержится информация о ярких и важных персонах в истории театра, сформирован контент по персоналиям, включающий биографии актеров и театральных деятелей, а также ресурсы типа «фото».

Репертуар. В этом разделе приводится информация о спектаклях. Имеются два подраздела: архивный репертуар, где размещены электронные копии афиш спектаклей прошлых лет; действующий репертуар, включающий описание спектаклей, а также электронные варианты современных афиш.

Фестиваль «Соотечественники». Представлена история фестиваля с 2006 по 2019 г. – около 300 ресурсов типа «фото», 100 ресурсов типа «текст». По сути это каталог, который обладает определенными свойствами и содержит файлы, относящиеся к данному разделу (страницы, текстовый материал, а также изображения, аудио- и видеоматериал).

Структуру контента «Государственный музыкальный театр им. И. М. Яушева» также составляет ряд разделов.

Страницы истории театра. При входе в данный раздел у пользователя есть возможность перейти в подразделы, где представлена информация (ресурсы типа «фото», «аудио» и «текст») об истории театра разных периодов:

– У истоков музыкального театра Мордовии;

– Театр в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период;

– Балетная труппа театра в 1930–1940-х гг.;

– Государственный музыкально-драматический театр;

– Театр музыкальной комедии;

– Балетная труппа в 1960-х – нач. 1990-х гг.;

– Государственный музыкальный театр им. И. М. Яушева;

– Балетная труппа театра на современном этапе.

Национальные спектакли в репертуаре театра. Здесь представлена информация о музыкальной драме «Литова», национальных операх «Несмеян и Ламзурь» и «Нормальня» Л. Кирюкова, музыкальных драмах «Невеста Грома» и «Ветер с Понизовья» Г. Вдовина, спектаклях на национальную тему в репертуаре театра 1990-х гг., балетах на национальную тему.

Люди театра. Раздел содержит информацию о ярких и важных персонах в истории театра. В результате реализации проекта сформирован контент по 51 персоналии, включающий биографии композиторов, режиссеров-постановщиков, артистов балета, солистов оперы и других театральных деятелей, а также ресурсы типа «фото».

Репертуар сегодня. Данный раздел включает информацию о таких жанрах музыкального театра, как опера, балет, оперетта, музыкальные комедии и мюзиклы, музыкальные спектакли для детей.

Структура контента «Государственный театр кукол Республики Мордовия» содержит как традиционные, так и оригинальные разделы.

История и Спектакли. Эти традиционные разделы включают информацию об истории театра и его репертуаре, насчитывающем 48 спектаклей, в том числе на национальный сюжет: «Волшебный сюлгам» А. Буртынского, П. Юргайкиной; «Дочь Виравы» А. Аверьянова; «Журавлиная дорога» В. Брыжинского; «Овто – Мирде» («Медведь – Жених») Л. Шаховой и др.

Люди театра. Здесь рассказывается об основателях театра кукол в Республике

Мордовия, персоналиях, администрации, театральной труппе и цехах театра.

Чинжарамо. Раздел представляет историю Международного фестиваля театров кукол «Чинжарамо» («Подсолнух»). Первый фестиваль проходил в рамках празднования 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства летом 2011 г. на базе Государственного театра кукол Республики Мордовия. Гостями и участниками фестиваля были театры кукол Дзержинска, Полтавы, Калининграда, Грозного, Саранска и Театра теней Стамбула (Турция).

Музыка из спектаклей. В данном разделе содержится фонотека с музыкой композиторов, писавших для детских спектаклей: В. Верякина, Г. Гладкова, Е. Кузиной, А. Курина и С. Терханова.

Дети рисуют. Этот раздел с рисунками ребят по впечатлениям от просмотра спектакля неизменно вызывает большой интерес у юных зрителей.

Таким образом, в результате выполнения работ по проекту в театрах Мордовии созданы и запущены в эксплуатацию три музейно-экспозиционные зоны, предназначенные для обработки, сохранения и обнародования (изучения) объектов наследия. Уникальность данного проекта заключается в том, что впервые публично представлены многие архивные данные, фотографии, видео- и аудиозаписи, хранившиеся в фондах Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея имени И. Д. Воронина, Мордовского республиканского музея изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи, Мордовской республиканской детской хореографической школы, в личных архивах артистов и сотрудников театров. Проект ориентирован в будущее.

В 2021 г. поддержку проектов в области культуры и искусства и креативных индустрий Фонд президентских грантов по поручению главы государства выделил в отдельную структуру – Президентский фонд культурных инициатив². Главным отличием фонда, созданного Указом Президента Российской Федерации от 17 мая 2021 г.

² URL: <https://фондкультурныхинициатив.рф/> (дата обращения: 07.08.2023).

№ 287, является поддержка творческих команд, представляющих не только негосударственные и некоммерческие организации, но и муниципальные учреждения, коммерческие организации и индивидуальных предпринимателей.

Нужно отметить, что общая сумма средств, выделяемых Президентским фондом культурных инициатив на реализацию проектов в области культуры и искусства Республики Мордовия, с каждым годом увеличивается. Так, в 2021 г. максимальная запрашиваемая сумма одного проекта составляла 2 517 680,00 руб. (общая сумма на реализацию проекта – 9 030 060,00 руб.), в 2022 г. по результатам первого конкурса – 11 955 086,60 (общая сумма на реализацию проекта – 20 211 320,60 руб.), в 2023 г. по результатам второго конкурса – 27 409 334,00 руб. (общая сумма на реализацию проекта – 39 944 689,00 руб.). Всего за указанный период названным фондом было поддержано 95 региональных проектов от Республики Мордовия, включая специальные конкурсы (2021 г. – 20 проектов на 22 500 тыс. руб., 2022 г. – 46 на 102 000 тыс., 2023 г. – 29 на 121 612,28 тыс. руб.).

Одним из ярких, масштабных проектов, поддержанных Президентским фондом культурных инициатив в 2021 г., стал проект «Сохраняя традиции, создаем будущее: культурно-исторический проект по сохранению культурного наследия народов Мордовии» [8]. Основным результатом проекта стало создание уникальной аудиовизуальной энциклопедии по культуре народов Мордовии «Наследие» (из 119 народов выбраны семь наиболее многочисленных этносов республики: русские, мордва (мокша, эрзя, шокоша), татары, украинцы, евреи, армяне, азербайджанцы). Уникальность проекта состоит в том, что впервые в Мордовии в формате аудиовизуальной энциклопедии созданы семь научно-популярных фильмов, где главные герои – аутентичные исполнители и коллективы, мастера народных промыслов и ремесел, представляющие культуру своего народа. Фильмы позволяют

сохранить для будущих поколений лучшие образцы культурного наследия, часть которого, к сожалению, безвозвратно утрачена. Все фильмы размещены в свободном доступе на странице Мордовского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России»³.

Министерство культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия ежегодно поддерживает проекты социально ориентированных некоммерческих организаций на участие в конкурсе в целях получения субсидии на реализацию проекта в области культуры и искусства, сохранения национальной самобытности, развития национальной (родного) языка и национальной культуры, укрепления и развития межнационального, межэтнического и межконфессионального сотрудничества, содействия духовному развитию личности. Проект «Мордовия многонациональная: межкультурный диалог» [7] получил признание на региональном и федеральном уровне, стал победителем IV Всероссийского конкурса лучших практик в сфере национальных отношений.

Общероссийская общественно-государственная организация «Российский фонд культуры»⁴ образована Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2016 г. При поддержке фонда были созданы десятки новых региональных музеев; проведены сотни всесоюзных и международных выставок, фестивалей, концертов и конкурсов; изданы уникальные книжные памятники; учреждены периодические издания во многих регионах страны.

Россия – страна с уникальной культурой, что связано с региональным многообразием. Культура и искусство оказывают прямое влияние на общественную жизнь каждого региона, вносят вклад в экономику, служат базой развития ряда других отраслей. Российский фонд культуры реализует проекты и инициативы, способствующие развитию как отдельных регионов, так и культурной сферы всей страны. Сегодня фонд имеет 45 отделений

³ URL: <https://vk.com/assambleyamro> (дата обращения: 07.08.2023).

⁴ URL: <https://rcfoundation.ru/> (дата обращения: 07.08.2023).

в субъектах Российской Федерации, оказывает организационную, методическую и консультационную помощь регионам, поддерживает важные и перспективные для российской культуры начинания.

Российский фонд культуры реализует широкий перечень грантов и конкурсов, направленных на поддержку новых, общественно значимых и просто интересных и перспективных проектов в различных областях культуры и искусства. Фонд стремится повысить степень доступности культурных благ, сделать культурную среду более насыщенной, отвечающей растущим потребностям личности и общества, привлечь к сотрудничеству максимальное количество региональных организаций и создать наиболее благоприятные условия для сохранения культурного наследия в равных условиях для всех этнокультурных групп нашей страны. В частности, он выступает организатором проводимого в рамках реализации федерального проекта «Творческие люди» национального проекта «Культура» Конкурса некоммерческих организаций на предоставление грантов в целях поддержки творческих проектов в сфере народного творчества, музыкального, театрального, хореографического, изобразительного, декоративно-прикладного искусства, музейного и библиотечного дела.

Одним из знаковых художественно-творческих проектов, реализованных в Республике Мордовия, является проект «Летний театральный сезон в Темникове», поддержанный Российским фондом культуры в 2021 г. Проведение фестиваля стало заметным событием в сфере сохранения и популяризации театрального и музыкального искусства в регионе. Фестиваль прошел в формате опен-эйр в старейшем городе Мордовии Темникове. В программу были включены концерт симфонического оркестра Государственного музыкального театра им. И. М. Яшшева, состоящий из произведений мордовских композиторов, показ балетных спектаклей «Мордовская легенда» и «Алена Арзамаская». Реализация проекта внесла вклад в рост привлекательности региона как цен-

тра культурного туризма и увеличение потока туристов из различных районов Мордовии и других регионов Российской Федерации. Участие в проекте одного из самых крупных театральных коллективов Саранска и республики – Государственного музыкального театра им. И. М. Яшшева – способствовало пропаганде лучших достижений в области национального музыкального и театрального искусства, укреплению межкультурных связей между регионами. Проект получил признание на федеральном и региональном уровне. Организаторами проведена работа, направленная на его дальнейшее развитие.

Опен-эйр фестиваль «Летний театральный сезон в Темникове» планируется превратить в ежегодное мероприятие. В программу фестиваля будут включаться спектакли всех театров Республики Мордовия (музыкальные, драматические, постановки театров кукол), филармонических коллективов, учреждений культуры, в которых есть концертные программы и спектакли (например, Мордовской государственной филармонии, Саранского музыкального училища им. Л. П. Кирюкова, Мордовской республиканской детской хореографической школы). Дополнять ее будут циклы культурно-просветительных мероприятий: открытые лекции, мастер-классы, творческие встречи с артистами и режиссерами. Большое внимание в рамках фестиваля будет уделяться развитию онлайн-форматов для мероприятий проекта (прямые трансляции не только в сети «Интернет», но и на телевизионных каналах, в виртуальных концертных залах), так как они позволяют увеличить доступ к фестивальным проектам максимально широкого круга зрителей и любителей театрального искусства.

Фонд Института развития интернета (ИРИ)⁵ создан в 2014 г. при поддержке Администрации Президента РФ. С 2020 г. в рамках национального проекта «Культура» фонд проводит конкурс на создание социально значимого контента для молодежи. В 2020 и 2021 гг. состоялся конкурсный отбор проектов и (или) организаций в

⁵ URL: <https://ири.рф/> (дата обращения: 07.08.2023).

целях создания (производства и (или) распространения) в информационно-коммуникационной сети «Интернет» контента, в том числе государственного, направленного на укрепление гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей среди молодежи, в номинации «Молодежный контент».

Данный фонд работает в рамках реализации федерального проекта «Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры» («Цифровая культура»). Соискателем грантовой поддержки может стать участник, зарегистрированный в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством Российской Федерации не позднее чем за шесть месяцев до даты начала приема заявок на участие в конкурсном отборе проектов. К участию в конкурсе принимаются аудиовизуальные произведения разной социальной направленности и форматов (документальные и игровые сериалы, подкасты, видеоролики, мультимедийные продукты, игры, программные продукты, контент в блогосфере).

Тематика конкурса 2022 г. на создание социально значимого контента для молодежи включала шесть основных треков: «Россия XXI века» (инициативы, направленные на развитие науки, образования, здравоохранения, культуры, информационных технологий, туризма), «Мы вместе» (история и традиции многонациональной страны), «Гордимся» (успехи в науке, культуре, спорте, бизнесе, образовании), «Будь собой» (проблемы молодежи – взросление, выбор жизненного пути, буллинг, наркотики и алкоголь), «Делай добро» (волонтерство и благотворительность), «Действуй!» (олимпиады, фестивали, образовательные платформы). Их можно объединить в тематические линии, отражающие актуальную для молодежи проблематику: история и культура; достижения, открытия и развитие страны; проблемы молодежи; межнациональные отношения и традиционные ценности; мотивация и профориентирование и др.

В настоящее время ИРИ расширил список номинаций за счет рубрики на соз-

дание национального контента в цифровой среде «Национальный контент». Она включает такие тематические линии, как «Герои наших дней и поводы для гордости» (истории достижений учителей, предпринимателей, волонтеров, студентов, школьников села, города, региона, страны в науке, культуре, искусстве и спорте), «Стабильное развитие страны» (истории о гражданском активизме и опыте активного участия в политических процессах страны), «Качественные изменения жизни в России как устойчивый тренд» (контент о национальных целях развития страны – благополучие и здоровье граждан, комфортная и безопасная среда, возможности самореализации, успешное предпринимательство), «Защита национальных интересов и общественных ценностей» (контент об укреплении национального суверенитета страны, культурном коде, национальной идентичности).

Проекты, поддержанные фондом ИРИ, ориентированы на создание контента, направленного на обеспечение национальных интересов страны в цифровой среде. Победителями конкурса ИРИ стали два районных издания Мордовии. На конкурс «Грантовая поддержка региональных СМИ» принимались заявки по направлению «Специальные интернет-проекты в СМИ». В отборе участвовали средства массовой информации из всех регионов страны, за исключением Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области. По результатам экспертной оценки продюсерского совета ИРИ, в список проектов с высоким рейтингом вошли «Герои нашего города» (газета «Маяк» Ардатовского района) и «Герои нашего села» (газета «Примокшанье» Теньгушевского района), ставшие победителями конкурса.

Идея создания в сети «Интернет» портала, консолидирующего информацию о грантах и субсидиях в сфере культуры и искусства, стала одним из итогов форума «Культура – национальный приоритет», прошедшего в апреле 2017 г. Министерством культуры Российской Федерации совместно с Центром культурных страте-

гий и проектного управления и Дирекцией Санкт-Петербургского международно-го культурного форума был разработан и введен в эксплуатацию интернет-портал «Культура. Гранты России»⁶. Презентация новой цифровой платформы состоялась в рамках VI Санкт-Петербургского международного культурного форума в ноябре 2017 г.

Ресурс был призван информировать профессиональное сообщество о проведении конкурсов, направленных на поддержку проектных инициатив в области культуры и искусства, в том числе оказывать содействие повышению эффективности использования внебюджетных источников финансирования проектов в сфере культуры. Однако впоследствии его аудитория существенно расширилась и в настоящее время ресурс адресован всем пользователям сети «Интернет». У них имеется возможность воспользоваться сервисом обучающей симуляции «Грантовый тренажер». База интернет-портала,

в которой аккумулировано более 1 800 заявок, обновляется и пополняется сведениями ежедневно.

Сегодня интернет-портал «Культура. Гранты России» является единственным в своем роде агрегатором – общероссийской базой грантовых конкурсов в области культуры и искусства.

Заключение

Подводя итог исследования, можно сделать вывод о том, что рассмотренные мероприятия и инструменты поддержки проектов в сфере культуры дают положительные результаты и позволяют повысить эффективность проектной деятельности, создают благоприятное пространство для развития креативных технологий в регионах. Проведенное авторами исследование будет способствовать созданию информационно-коммуникационного пространства, аккумулирующего информацию о всех российских грантовых конкурсах, условиях участия в них и результатах.

⁶ URL: <https://grants.culture.ru/about/> (дата обращения: 07.08.2023).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьева О. Н. Самоорганизационные компоненты социокультурного проектирования в регионах Российской Федерации // Современная действительность сквозь призму культурологического знания: материалы междунар. науч.-творч. форума (науч. конф.). Челябинск, 2020. С. 54–63.
2. Астафьева О. Н., Горенкин В. А., Швецова А. В. Социокультурная политика в Российской Федерации: стратегии, уровни, инновации: моногр. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. 154 с.
3. Басалаева О. Г., Балабанов П. И. Теория и методология проектирования. Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2019. 160 с.
4. Грошева А. В. Креативные индустрии как канал популяризации историко-культурного наследия регионов // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы VII Междунар. науч. конф. М., 2023. С. 553–556.
5. Культура и культурная политика в России / отв. ред.: И. А. Бутенко, К. Э. Разлогов. М.: МОНФ, 2000. 240 с. (Научные доклады; вып. 115).
6. Культурная политика – 2020. Взгляд субъектов Российской Федерации на основные проблемы и их решения. М.: Фонд «Институт экономики и социальной политики», 2021. 138 с.
7. Ломшина Е. Н. Медиафорум «Мордовия многонациональная: межкультурный диалог» // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 1. С. 122–124.
8. Ломшина Е. Н., Антипкина Е. Н. Сохраняя традиции: создаем будущее. Культурно-исторический проект по сохранению культурного наследия народов Мордовии // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 4. С. 500–501.
9. Региональная культурная политика: методология, институты, практики: Ценностно-нормативный подход: моногр. / отв.

- ред. А. Л. Зорин. М.: Ин-т наследия, 2019. 206 с.
10. Симонова И. Ф. Социально-культурное проектирование: современные подходы и технологии. СПб.: Научное издательство «Лань», 2020. 250 с.
 11. Смирнов В. А. Эффективность грантовой поддержки российских социально-ориентированных некоммерческих организаций (на примере Фонда президентских грантов) // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 78–89. DOI: 10.31857/S013216250009619-3.
 12. Стебляк В. В. Специфика социокультурного проектирования в современной России // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8, № 6А. С. 119–126.
 13. Суминова Т. Н. Арт-менеджмент. Реализация государственной политики в сфере культуры и искусства: моногр. М.: Академ. проект, 2017. 167 с.
 14. Суминова Т. Н. Проектный менеджмент как технология реализации государственной политики в сфере культуры и искусства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 3. С. 160–166. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10316.
 15. Узлова Н. В. Социокультурное проектирование как инструмент культурной безопасности // Russian Economic Bulletin / Российский экономический вестник. 2021. Т. 4, № 1. С. 90–92.

Поступила 16.05.2023; одобрена 15.06.2023; принята 30.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Е. Н. Ломшина – кандидат философских наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией финно-угорской культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, enlomshina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7367-4685>

Е. Н. Антипкина – кандидат философских наук, заведующий учебно-практической лабораторией мультимедиа-ресурсов и арт-технологий Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, elana19@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8706-0679>

Ю. А. Кондратенко – доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой театрального искусства и народной художественной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, yurkondr@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9635-4466>

Russian grant foundations as a tool for promoting projects in culture and arts (with a focus on the Republic of Mordovia)

Elena N. Lomshina
Elena N. Antipkina
Yuri A. Kondratenko

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. This article examines the features of regional cultural policy using the example of a particular subject of the Russian Federation – the Republic of Mordovia. Regional cultural policy is currently emerging as an independent area of project activity aimed at the comprehensive study and development of the historical and cultural uniqueness of the regional space, as well as the identification and efficient utilization of its resources (intellectual, financial, material-technical, etc.). It also involves the development and implementation of regional programs for the support and development of culture and creative technologies.

Materials and Methods. The study is based on regulatory and legislative documents and materials from grant funds. The methodology for collecting empirical data included an analysis of the database of supported projects, as well as the content of publications in mass media. Comparative and contrasting methods were employed, which are essential when working with electronic databases.

Results and Discussion. During the research, the specifics of regional cultural policy in the Republic of Mordovia were examined. Materials from the “Culture. Grants of Russia” internet portal, official websites of the Presidential Grants Fund, the Presidential Fund for Cultural Initiatives, the Russian Cultural Fund, and the Internet Development Institute Fund were analyzed. Special attention was given to projects in the field of culture and art supported by these funds.

Conclusion. The examined measures and tools for supporting projects in the field of culture have yielded positive results and enhanced the effectiveness of project activities, creating a favorable environment for the development of creative technologies in the regions. The research conducted by the authors will contribute to the creation of an information and communication space that accumulates information about all Russian grant competitions, their terms of participation, and results.

Keywords: projects in the field of culture and art, project activities, projects, grant activities, Russian funds, digital culture

For citation: Lomshina EN, Antipkina EN, Kondratenko YA. Russian grant foundations as a tool for promoting projects in culture and arts (with a focus on the Republic of Mordovia). *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2023;15;3:356–367. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.356-367.

REFERENCES

1. Astafeva ON. Self-organizational components of socio-cultural design in the regions of the Russian Federation. *Sovremennaya deistvitel'nost' skvoz' prizmu kul'turologicheskogo znaniia: materialy mezhdunar. nauch.-tvorch. foruma (nauch. konf.)* = Modern reality through the prism of cultural knowledge. Materials of the international scientific and creative forum (scientific conference). Chelyabinsk; 2020:54–63. (In Russ.)
2. Astafeva ON, Gorenkin VA, Shvetsova AV. Sociocultural policy in the Russian Federation: strategies, levels, innovations. Monograph. Simferopol; 2019. (In Russ.)
3. Basalaeva OG, Balabanov PI. Theory and methodology of design. Kemerovo; 2019. (In Russ.)
4. Grosheva AV. Creative industries as a channel for popularizing the historical and cultural heritage of regions. *Obraz Rodiny: sodержanie, formirovanie, aktualizatsiia: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf.* = Image of the Motherland: content, formation, actualization. Materials of the VII International scientific conference. Moscow; 2023:553–556. (In Russ.)
5. Butenko IA, Razlogov KE, eds. Culture and cultural policy in Russia. Moscow; 2000;115. (In Russ.)

6. Sidorenko SV et al. Cultural policy – 2020. Views of the constituent entities of the Russian Federation on the main problems and their solutions. Moscow; 2021. (In Russ.)
7. Lomshina EN. Media forum “Multinational Mordovia: crosscultural dialogue”. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;1:122–124. (In Russ.)
8. Lomshina EN, Antipkina EN. Keeping traditions: we create the future. Cultural and historical project to preserve the cultural heritage of the peoples of Mordovia. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;4:500–501. (In Russ.)
9. Zorin AL, ed. Regional cultural policy: methodology, institutions, practices: Value-normative approach. Monograph. Moscow; 2019. (In Russ.)
10. Simonova IF. Socio-cultural design: modern approaches and technologies. Saint-Petersburg; 2020. (In Russ.)
11. Smirnov VA. Effectiveness of grant support for Russian socially-oriented non-profit organizations (the Case of the Presidential Grants Foundation). *Sotsiologicheskie issledovaniia* = Sociological Studies. 2020;9:78–89. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009619-3.
12. Steblyak VV. The specific features of socio-cultural design in modern Russia. *Kul'tura i tsivilizatsiia* = Culture and Civilization. 2018;8;6A:119–126. (In Russ.)
13. Suminova TN. Art management. Implementation of state policy in the field of culture and art. Monograph. Moscow; 2017. (In Russ.)
14. Suminova TN. Project management as a technology of implementation of the state policy in the sphere of culture and art. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* = Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts. (In Russ.). DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10316.
15. Uzlova NV. Sociocultural design as tool of cultural security. *Rossiiskii ekonomicheskii vestnik* = Russian Economic Bulletin. 2021;4;1:90–92. (In Russ.)

Submitted 16.05.2023; reviewing 15.06.2023; accepted 30.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

E. N. Lomshina – Candidate Sc. {Philosophy}, Head of the Research Laboratory of Finno-Ugric Culture, National Research Mordovia State University, enlomshina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7367-4685>

E. N. Antipkina – Candidate Sc. {Philosophy}, Head of the Educational and Practical Laboratory of Multimedia Resources and Art Technologies, National Research Mordovia State University, elana19@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8706-0679>

Yu. A. Kondratenko – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Theater Arts and Folk Art Culture, National Research Mordovia State University, yurkondr@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9635-4466>

Нагрудные украшения середины XIX в. в мокшанском женском костюме Инсарского уезда: локальный вариант сел Левжа, Перхляй, Сузгарье

Татьяна Алексеевна Шигурова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. В статье рассматриваются особенности нагрудных украшений локального варианта традиционной одежды мокшанских женщин Инсарского уезда Пензенской губернии.

Материалы и методы. Исследованы и обобщены сведения о мокшанском женском костюме Пензенской губернии из письменных источников Русского географического общества середины XIX в., сообщений, опубликованных в Пензенских епархиальных ведомостях, а также из историко-этнографических работ XIX в. Сделана попытка сравнить письменные свидетельства о нагрудных украшениях с визуальными материалами археологических раскопок языческого могильника XVIII в., проводившихся около с. Левжа летом 2021 г. Методологическую базу исследования составили сравнительно-исторический метод, а также методы сравнения и сопоставления материалов письменных и изобразительных источников, анализа их содержания.

Результаты исследования и их обсуждение. Специфика нагрудных украшений мокшанского женского костюма середины XIX в., выявленная в результате реконструкции и анализа форм изделий, материалов, технологии изготовления и (аутентичных) наименований украшений, свидетельствует о сложных процессах этногенеза в XVII–XVIII вв., обусловленных переселением значительного количества эрзянского населения в южном и юго-восточном направлениях. Кроме того, стремительные изменения декора были связаны с развитием капитализма в России, христианизацией мордовского народа.

Заключение. Уникальность нагрудных украшений середины XIX в. в мокшанском костюме, обусловленная синтезом элементов *кирмиш*, *сие*, *крганя*, *кыргавакс*, которые бытовали в с. Левжа, Перхляй, Сузгарье Инсарского уезда, может быть использована для картографирования материальной культуры мордовского этноса. Будучи результатом созидательной деятельности мордовской женщины, украшения являлись источником социально значимой информации о мире, овеянной в визуальной, эстетической и материальной формах.

Ключевые слова: мордовский народ, этническая культура, традиционный мокшанский костюм, нагрудные украшения, Русское географическое общество, археологические раскопки, языческий могильник XVIII в.

Для цитирования: Шигурова Т. А. Нагрудные украшения середины XIX в. в мокшанском женском костюме Инсарского уезда: локальный вариант сел Левжа, Перхляй, Сузгарье // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 368–379. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.368-379.

Введение

Традиционная культура мордовского народа, до конца XIX в. представлявшая собой системное целостное образование и включавшая материальные, духовные, художественные элементы, являлась результатом созидательной деятельности человека, направленной на преобразование себя и окружающего мира в соответствии со сложившимися ценностями и отношением к миру. Письменное наследие Русского географического общества (РГО)

сохранило до наших дней разнообразие и богатство этнической самобытности дореволюционной крестьянской России. В рукописных источниках 2-й половины XIX в. есть немало сведений о культуре мордовского народа. Так, не позднее 1855 г. в РГО было отправлено сообщение священнослужителя Петра Секторова, содержащее описание «женского костюма мордвы, в коем заключается много достойного замечания для любознательно-

сти человека»¹. Автором добросовестно и подробно зафиксированы особенности разных элементов женской одежды, бытовавшей в селениях Левжа, Перхляй, Сузгарье Инсарского уезда Пензенской области (ныне относящихся к Рузаевскому району Республики Мордовия): «Платье у всех мордвов одинаковое по форме с различными только украшениями, смотря по достатку и моде»².

Предпринятое нами исследование является продолжением предыдущих публикаций [18; 20]. Поскольку локальный вариант традиционного костюма данной местности известен сейчас лишь по малодоступным источникам середины XX в., целью данной статьи стало выявление специфики нагрудных украшений, используемых для их создания материалов, изменений в цветовых предпочтениях, а также изучение функций украшений, технологии изготовления декоративно-прикладного произведения, степени распространения аутентичной терминологии. Результаты исследования будут полезны для решения проблем реконструкции традиционного костюма середины XIX в. и картографирования элементов материальной, духовной, художественной культуры мокшанского этноса.

Научный интерес представляет возможность визуального наблюдения нагрудных украшений XIX в. и их сравнения с артефактами XVII–XVIII вв., полученными в ходе проведенных липецкими специалистами ООО «Экспедиция» (генеральный директор И. А. Козмирчук, руководитель полевых исследований Н. А. Тропинин) летом 2021 г. археологических исследований дохристианского мордовского могильника конца XVII – 1-й половины XVIII в. Могильник был обнаружен в ходе дорожно-строительных работ около Левжи. Недоумение липецких ученых вызвали находки в мокшанских погребениях эрзянских женских

украшений³. В ожидании будущих публикаций по результатам изучения материалов раскопок со стороны авторитетных исследователей (в их числе следует назвать реставратора высшей категории, художника-реставратора (по тканям) Музеев Московского Кремля, заведующего мастерской реставрации кожи и археологического текстиля Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И. Э. Грабаря Н. П. Синицыну; научного сотрудника Волго-Донского археологического общества С. М. Шашунову) позволим себе воспользоваться информацией, размещенной в Интернете в свободном доступе.

Обзор литературы

Теоретико-методологическая база исследования включает работы представителей передовой российской интеллигенции, проявивших в конце XIX – середине XX в. глубокую заинтересованность мордовским народным костюмом и восхищавшихся высоким уровнем художественного вкуса мастериц. Научные труды В. Н. Белицер, Н. И. Гаген-Торн, Т. А. Крюковой, Н. И. Спрыгиной, А. О. Гейкеля считаются сегодня образцом достоверных сведений, обобщающих знания о мордовском костюме и его украшениях, а также примером глубокого исторического, этнографического, искусствоведческого осмысления произведений декоративно-прикладного искусства [2; 3; 6; 11; 15; 21].

Центральное положение застежки ворота в женском костюме определяет интерес к ней различных специалистов. В 1923 г. В. В. Гольмстен впервые было проанализировано различие у мокши и эрзи путей преобразования формы застежки, начавшегося в 1-м тыс. н. э. от маленьких колец с завернутыми спирально концами, от пряжки с круглым кольцом и застежки из тонкой круглой штампованной пластины

¹ НА РГО (Научный архив Русского географического общества). Ф. Р-ЛШ. Рукописи трудов о народностях Европейской России (этнография, фольклор). Оп. 1. Д. 48. П. Секторов. Этнографические сведения о мордвях. 1855. Л. 1.

² Там же. Ф. Р-XXVIII. Рукописи трудов по Пензенской губернии. Оп. 1. Д. 20. П. Секторов. Этнографические сведения о жителях Сузгарского погоста Николаевского тож Инсарского уезда Пензенской губернии. 1854. Л. 6.

³ URL: https://vk.com/wall-121240930_122475 (дата обращения: 26.07.2021).

(II–VII вв.) [7; 6, 9–15]. Стремление ученых определить специфику археологических артефактов – украшений, связанных с мордвой-мокшей и мордвой-эрзей, привело к разделению археологических памятников на южные (мокшанские) и северные (эрзянские). В 1950-е гг. А. Е. Алихова в качестве начала появления различий обозначила период XII в., относя к мокшанским украшениям *пулокери* и *сюльгамы* с лопастями, а к эрзянским – миниатюрные *сюльгамы* и несколько типов браслетов [1]. Ее авторитетное мнение позволило в дальнейшем ученым-археологам использовать *сюльгамы* в качестве этноопределяющего признака культуры: кольцевые застежки стали считаться типичными для мордвы-эрзи, лопастные – для мордвы-мокши⁴ [1; 5].

Изучение женских украшений мордовского костюма в начале XXI в. было продолжено в монографиях Н. Ф. Беляевой, Г. А. Корнишиной, Т. А. Шигуровой, где внимание акцентируется на использовании украшений, выполняющих магическую, обереговую, воспитательную, знаковую функции в народных обычаях и обрядах [4; 9; 10; 19]. Следует отметить, что к материалам мокшанского костюма середины XIX в. с Левжа, Перхляй, Сузгарье Инсарского уезда исследователи не обращались.

Материалы и методы

В качестве основного письменного источника автором использованы сообщения священнослужителя Петра Секторова, отправленные в середине XIX в. в РГО. Для анализа женских украшений, бытовавших на территории Пензенской губернии, и проведения сравнительно-сопоставительных исследований немалый интерес представляют публикации А. Примерова [14] и А. О. Гейкеля [21]. Достоверность выявленной ими информации подтверждают этнографические материалы коллекций традиционного костюма, хранящиеся в Мордовском республиканском объединенном краеведче-

ском музее имени И. Д. Воронина, полевые материалы автора, археологические исследования, проведенные в 2021 г. на данной территории.

Опора на общенаучные методы, а также на сравнительно-исторический, системный, искусствоведческий подходы позволяет изучить формы, материалы, технологии изготовления декоративного убранства традиционной женской одежды, способствует определению самобытности и великолетия украшений из локального варианта мордовского костюма.

Результаты исследования и их обсуждение

Для традиционного женского костюма мордовского народа в XIX – начале XX в. было характерно обилие украшений. Женщины связывали это с гармонией мордовского многоголосия: один голос – песня не состоится, одни бусы – не украшение. На привлекательность народной одежды мокшанских селений Инсарского уезда Пензенской губернии Левжа, Перхляй, Сузгарье указывал П. Секторов: «Полный женский наряд, особенно девичий и молодых женщин, довольно красив»⁵. Восхищение аутентичными предметами мордовской одежды высказывал И. А. Козмирчук: «Неизгладимое впечатление оставило знакомство с мордовскими костюмами, комплексами украшений и деталями женского убранства»⁶.

Особенно богатыми были украшения, располагавшиеся в символическом центре тела человека, декоративно оформлявшие область грудной клетки. Обязательным элементом традиционного женского костюма мордвы (мокши и эрзи) была застежка *сюльгам/сюльгамо*, употреблявшаяся для закрепления ворота рубахи, пояса, краев верхней распашной одежды. Происхождение названия застежки лингвисты связывают с глаголом *сюльгамс* ('заострить'), существовавшим еще в финно-угорском языке-основе и сохранившим близкие соответствия в родственных языках: хантыйском *sol* ('кол'), эстонском *solg* ('брошь, застежка'),

⁴ См.: Корнишина Г. А., Шитов В. Н. Сюльгама // Мордовия: энцикл. В 2 т. Саранск, 2004. Т. 2 (М – Я). С. 388.

⁵ НА РГО. Ф. Р-ЛIII. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

⁶ URL: https://vk.com/wall-121240930_122475 (дата обращения: 26.07.2021).

Рис. 1. Мокшанская форма застежки. Левжа. Конец XVII – начало XVIII в.

Fig. 2. Moksha form of the clasp. Levzha. Late XVII – early XVIII century

финском *solki* ('пряжка'), марийском *шолкама* ('застежка')⁷.

В. Н. Майнов сообщал в 1878 г.: «Рубаха никогда не делается с пуговицами у ворота, а просто закалывается сустугом или тем, что римлянам известно было под именем фибулы» [12, 127]. Долгая и сложная история застежки как вида украшения, подтвержденная бытованием ее у греков, этрусков (северных соседей римлян, VIII–V вв. до н. э.), в I-м тыс. н. э. продолжилась на территории Окско-Сурского междуречья. Кругло-проволочные застежки, обнаруженные во впускных погребениях Андреевского кургана (I–III вв. н. э.), относящегося к периоду трансформации городецкой культуры в древнемордовскую, стали типичными для мордовских могильников 1–2-го тыс. н. э.: «Все застежки однотипны и различаются только по размерам» [16, 38]. Имея первоначально утилитарное значение, застежка выполняла в costume ряд социальных, магических, декоративных, знаковых функций, что подтверждается ее широким распространением, разнообразием использования и сохранением в качестве этноопределяющего признака культуры⁸ [3; 5].

По свидетельству П. Секторова, в первой половине XIX в. форма нагрудной застежки традиционного женского ко-

стюма Левжи, Сузгарья и Перхляя была аналогична ее типично эрзянской форме. Для скалывания ворота рубашки «весь женский пол употребляет заостренную тонкую проволоку, вделанную в медную полую проволоку, которую загибают, подобно кольцу величиною с гривну меди времен Императора Александра I с раздвоенными концами...»⁹.

Фотографии застежек, сделанные во время археологических исследований могильника в Левже, дают нам визуальную информацию о бытовании в конце XVII – начале XVIII в. обеих форм застежки: эрзянской и мокшанской (рис. 1; 2).

Достаточно сложные технологические приемы изготовления мокшанского украшения: литье, горячая и холоднаяковка, чеканка – могли послужить причиной постепенного перехода к использованию более простой в изготовлении овальной формы. С другой стороны, в XVIII в. был издан ряд царских указов, запрещавших металлообрабатывающие ремесла у народов Среднего Поволжья. Вследствие этого в данный период население использовало одновременно обе формы застежки, а в XIX в. сохранилась лишь кольцевая, эрзянская, форма. Сообщение П. Секторова убедительно свидетельствует о том, что в середине XIX в. эрзянская форма застежки бытовала в качестве единственно рас-

⁷ См.: Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимологиянь валкс. Саранск, 2015. С. 177.

⁸ См.: Корнишина Г. А., Шитов В. Н. Указ. соч. С. 388.

⁹ НА РГО. Ф. Р-ЛIII. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

Рис. 2. Эрзянская форма застежки. Левжа. Конец XVII – начало XVIII в.

Fig. 2. Erzya form of the clasp. Levzha. Late XVII – early XVIII century.

пространенной в северо-восточной части локального комплекса костюма.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на смену формы застежки, по сообщению П. Секторова, она по-прежнему имела исконно мокшанское название *кирмиши* (*киръмиши*). Происхождение данного термина структурно-семантически связано со словами *кирнемс/кърмошнемс* ('сжимать'); *кърмоштамс* ('сдавить')¹⁰. Смысловое содержание отглагольного существительного указывает на конкретное практическое назначение предмета. Разнообразие языковой номинации, запечатленное в мокшанских терминах для обозначения застежки на различных территориях (*сюлгамо, щуркас, щурхне, туло, кирмиши*), подтверждает богатство мордовской культуры и мордовских языков. По словам Д. В. Цыганкина, эрзянский и мокшанский языки «сотворены народами эрзи и мокши, а не сочинены, не искусственно созданы. Эти языки безграничны в своих ресурсах...» [17, 203].

Термин *кирмиши* для наименования застежки был распространен в восточной части центрального диалекта мокшанского языка. А. Примеров в 1868 г., описывая мордовский костюм с. Каменный Брод Краснослободского уезда, приводит название *кирмиж-карчина* для медной застежки кругообразной формы, перевитой проволоками, декорированной пуговица-

ми и «висящими крупными пронизками и теньками на медных цепочках» [14, 191]. В. Н. Белицер писала об обнаружении ею в 1950–1960-х гг. кольцевых застежек *кирмиши* в с. Старая Теризморга и Вертелим Старошайговского района Мордовии [2, 113].

Причины изменений в традиционном костюме мокшанских женщин, отказавшихся от использования лопастной формы застежки, заключаются, вероятно, и в том влиянии, которое оказали на этнический состав населения исторические события и последующие мощные миграционные процессы XVII–XVIII вв. Известно, что переселенческое движение в юго-восточном направлении способствовало как смешению населения, так и образованию новых поселений; между тем «письменные источники XVII века фиксируют переселение мордвы-эрзи к востоку и в южном направлении» [18, 94].

П. Секторов дополняет сообщение описанием особенностей декоративного оформления застежки: в ее «...концы, загнутые немного, вделывают какие-либо маленькие камушки, или хрустали... которые обращают женщины и девицы вверх»¹¹.

На одной из фотографий, сделанных в процессе раскопок «левженского» могильника, зафиксированы два типа застежек в костюме погребенной: в верхней части во-

¹⁰ См.: Русско-мокшанский словарь. Саранск, 2012. С. 461.

¹¹ НА РГО. Ф. Р-ЛШ. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

рота располагается кругло-проволочная застежка эрзянского типа с прикрепленным к ней украшением *сие*, в нижней – застежка мокшанского типа, образованная двумя треугольниками. Следует отметить, что использование двух застежек для закрепления разреза ворота женской рубахи было распространено в практике ношения традиционной одежды у эрзянских женщин. Крой эрзянской рубахи с использованием двух точек холста предполагал наличие глубокого треугольного ворота, получаемого незашиваемыми краями ткани. Необходимость глубокого ворота объяснялась практическими соображениями: рубаху можно было при посторонних переодеть в избе. Сверху надевали чистую рубаху, одновременно грязную, благодаря глубокому вороту, спускали вниз. Известно, что молодые женщины и девушки Теньгушевской волости в конце XIX в. с праздничным костюмом носили две застежки: одну – вверху разреза ворота, другую – внизу разреза. Таким образом, фотографии с изображением сохранившихся элементов традиционного погребального женского костюма Левжи конца XVII – начала XVIII в. подтверждают существование в этот период строгих канонов ношения одежды.

В середине XIX в. праздничную «нарядную» застежку *кирмиши* в Левже, Перхлея и Сузгарье носили с украшением *сие*. По описанию П. Секторова, оно представляет собой «от 15 до 20 ниток крупного или до 30 мелкого бисера», которые привязывают к проволоке, загнутой в несколько колец (по числу ниток)¹². Между ниток бисера «нанизывают два или три ряда, на небольшом один от другого расстоянии, в некоторых *сие* – белых и черных хрусталей, а сверху два или три ряда, тоже на некотором один от другого расстоянии, маленьких горизонтальных медных пуговиц, обложив их по обоим краям тонкими медными цепочками»¹³. Наиболее популярным в это время был гранатный,

темно-синий и зеленый бисер. Красный использовался очень редко: «Бисер красного цвета в мордвах стал уже выходить из моды»¹⁴. Таким образом, изменения касались и предпочтений, понимания привлекательности приобретаемого на рынке цвета бисера.

Однако в качестве будничного варианта *сие* женщины продолжают носить застежки, изготовленные ранее из крупного бисера вишневого цвета, дополняя декор тонкой цепочкой и по обоим краям украшения «в трех местах, в верхнем и нижнем концах и в средних прикрепляют по две ушовки тонкими концами вместе»¹⁵. Кроме различия в декоративном оформлении праздничный и будничный варианты украшения отличаются друг от друга размером: лучшим считается *сие* длиной «в четверть» (старорусская мера, основанная на расстоянии между раздвинутыми большим и указательным пальцами, примерно равная 18–19 см). *Сие* «низшего достоинства» короче.

Подробное описание автором сообщения особенностей праздничного и будничного вариантов застежки свидетельствует о ее значении и знаковой функции, выполняемой в женском костюме. Символическая роль собственноручно изготовленной вещи подчеркивается избирательностью крестьян в приобретении новых материалов, необходимых для ее создания, предпочтениями цветовых сочетаний бисера, размерами изделия. Поскольку *сие* из бисера красного цвета носили в это время только пожилые женщины, то украшение становилось социально-разделительным знаком, дополняющим информацию о возрасте женщины: «Старухи носят одно простое платье, *сие* из пронизок красного цвета»¹⁶. Комбинацию украшений *кирмиши* и *сие* из Сузгарья, состоящую из кольцевой круглой застежки с плетением из бисера вишневого цвета, чередующегося с более короткими нитками зеленого, и закрепляемыми поверх бисера двумя рядами металлических жетонов,

¹² НА РГО. Ф. Р-ЛШ. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 1.

Рис. 3. Застежка. Сузгарье. Иллюстрация из исследования А. О. Гейкеля [21, табл. LXXXVIII]

Fig. 3. Clasp. Suzgarye. Illustration from the research by A. O. Geikel [21, tab. LXXXVIII]

мы можем видеть на иллюстрации в работе А. О. Гейкеля (рис. 3).

Этимологически термин *сие* восходит к слову, обозначающему материал, из которого изготовлен предмет, – *сия* (‘серебро’) [17, 168]. Результаты раскопок дают представление о том, что в конце XVII – начале XVIII в. для изготовления центральной части нагрудного украшения использовались серебряные монеты времен Михаила Федоровича, что отражено в самом названии украшения, концентрирующем один из устойчивых смыслов этнокультуры, связанный с ценностью серебра.

Обращают на себя внимание также некоторые параллели в использовании термина *сие* в других локальных вариантах эрзянского и мокшанского костюмов. Например, П. С. Паллас во время путешествия по России, направляясь в сентябре 1768 г. от Инсара к Пензе, так пишет о костюме мокшанских женщин: «У грудной пряжки

(*шуркас*) пришит щиток (*сия*), унизанный бисером и болобочками, и по тому тяжести своею превосходит эрзянскую грудную пряжку» [13, 109]. По свидетельству В. Н. Белицер, у эрзянок в с. Старая Бесовка Ульяновской области существовало традиционное нагрудное украшение *сиянь колодка* (‘серебряная колодка’ – из-за нашитых на нее серебряных монет) [2, 120].

П. Секторов упоминает еще одно нагрудное украшение мокшанских женщин рассматриваемых сел, называемое им по-русски «бусы», «ожерелье»: «Для украшения взрослые девицы и недавно вышедшие замуж женщины надевают на шею богатые ниток до 5 и 6, а бедные до 2–3, связывая их концами вместе, серебряных, медных денег, перенизанных с белыми, черными, у некоторых – красными хрусталими»¹⁷. Украшение имеет мокшанское название *крганя*. Технология низания *крганя* в середине XIX в. заключалась в чередовании двух белых и двух черных бусин с включением между ними двугривенника на медной тонкой проволоке. Шесть нитей располагались на груди друг за другом, покрывая ее полностью.

Постигая каноны православной веры, мордовские женщины открыто демонстрировали поклонение новому богу изменениями в нагрудном украшении. В центре самой длинной нити на *крганя* они прикрепляли медный крест, и только некоторые продолжали добавлять к ожерелью традиционный символ – маленькую медную гребенку. Известно, что принятие православия сузгарскими крестьянами состоялось в 1743 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны. Первоначально они входили в приход с. Рузаевка, а первая деревянная церковь (Никольская) в Сузгарье была построена в 1793 г. В середине XIX в. П. Секторов отмечал: «Село Сузгарье Николаевское тож расположено на пространстве 411 кв. сажен. В 50-х гг. его возвышается деревянный храм во имя св. чудотворца Николая. Жителей в селе считается по 9 ревизии 396 душ мужского пола, все мордва-мокша, казенные крестьяне (два моих прихода в д. Пирхляях и

¹⁷ НА РГО. Ф. Р-ЛШ. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

Лемже)»¹⁸. Православные храмы в Левже и Перхляе были построены в 1860-е гг.

До принятия христианства мордовские женщины активно участвовали в коллективных религиозных действиях, исполняли в соответствии с традицией семейные обычаи и обряды, «во многих случаях руководили обрядовым поведением всей общины» [8, 107]. Так, накануне Нового года в каждом доме проводился молян: «...хозяйка просила Пакся аву (божество поля) уродить хлеб. Затем она брала в руки чашку со специально приготовленными из теста орешками и молила Вирь аву (божество леса) об урожае орехов. В некоторых местах это моление совершалось около водного источника. На берегу раскладывали ритуальную еду и просили верховного бога Вере паза и богиню урожая Норов аву, а также покойных предков о хорошем урожае и добром здоровье» [10, 24]. Возвышение в центре мордовских сел православного храма, а возможно, и убедительность, ораторские способности, костюм священнослужителя влияли на эмоциональную женскую натуру, привыкшую на равных с мужчиной брать на себя ответственность за семейное благополучие, что отразилось в появлении повсеместно в нагрудных украшениях православного символа.

По-прежнему незыблемыми оставались в это время кровные связи, семейные ценности. Подтверждением служат примеры включения в женское нагрудное украшение «пучка волос» в качестве памяти о взятом в солдаты родственнике.

Таким образом, с помощью ожерелья мокшанское население получало информацию о материальном положении носителя костюма, приверженности коллективной традиции, желании соответствовать православной вере, возрасте женщины: «...пожилые женщины и старухи совершенно не употребляют сего наряда»¹⁹.

П. Секторов сообщал и об изменениях, которые затрагивали эстетические предпочтения мордовских женщин, связанные

с веяниями моды или появлением новых товаров на сельском рынке. Так, по поводу *крганя* он писал: «В старину употребляли вместо денег и хрустелей несколько низок красного самого крупного бисера»²⁰. Подобное нагрудное украшение, бытовавшее в конце XIX в. в селах Краснослободского уезда, зафиксировано М. Е. Евсевьевым. Оно изготавливалось из разноцветных стеклянных (граненых, гранитных) бус с подвесками на медных цепочках медных жетонов в виде замкнутого кольца, надевавшегося через голову, в с. Пичингуши (ныне Ельниковского района Мордовии).

Уточняя этнографические сведения о costume жителей Сузгарского погоста, П. Секторов упоминал об украшении *кыргавакс* – своеобразном воротнике вокруг шеи, который женщины шили из фабричной ткани (кумача) с полотняной подкладкой. Сверху *кыргавакс* обшивали несколькими нитями крупного бисера красного или черного цвета с маленькими медными пуговицами в середине. По краям с двух сторон прикрепляли медную цепочку. Некоторые незамужние девушки добавляли к нижнему краю подобного ожерелья по несколько штук круглых «дутых небольших медных пуговиц»²¹.

Завершением декоративного убранства богатых девиц и молодых женщин, недавно вышедших замуж, был расстилаемый по плечам фабричный шелковый «пунцовый или светло-гранатный с мишурными цветами платок, сложенный вдвое на угол»²².

Заключение

Середина XIX в. в мордовском обществе стала временем изменений, обусловленных не только развитием капитализма в России, но и сложностью предшествующих событий истории крестьянской России, процессов этногенеза мордовского народа, поисками новой духовной опоры в связи с христианизацией и теряющим силу язычеством. Высокие требования, предъявляемые этнокультурой к замужней женщине,

¹⁸ Там же. Ф. Р-XXVIII. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

¹⁹ Там же. Ф. Р-ЛIII. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Ф. Р-XXVIII. Оп. 1. Д. 20. Л. 19.

²² Там же. Ф. Р-ЛIII. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

предписывали соблюдение ею религиозных, нравственных канонов, совершения семейных обычаев, а в более зрелом возрасте и общественных ритуалов. Ярко выраженный полифункциональный характер нагрудных украшений в женском традиционном мокшанском костюме определялся социально значимой информацией, транслируемой в границах этнокультуры, отражал изменение представлений о мире. В локальном варианте мокшанского женского костюма с. Левжа, Перхляй, Сузгарье Инсарского уезда Пензенской губернии в это время можно обнаружить стремление человека объединить и гармонизировать с помощью народной созидательной традиции различные религиозные и культурные символы, традиционные и новые материалы, знакомые и новые технологии.

Застежка мокшанского населения указанных выше селений, сохраняя старинное наименование *кирмиш*, приобретает эрзянскую форму овала. Утрачиваются прежние цветовые предпочтения народа: красные, вишневые оттенки бисера, используемого для изготовления *сие*, теряют популярность, уступая место строгости сочетания белого, черного, зеленого цветов. Возвышение в центре мордовских сел православного символа, а возможно, и убедительность, ораторские способности священнослужителей местных храмов объясняют появление креста в нагрудном украшении молодых женщин, старательно относящихся к своим обязанностям в семье, стремящихся осмыслить новую планку духовности. Пошатнувшаяся вера в мордовских богов и языческие обряды, осознание ненужности активного участия женщины в православном обряде обуславливают пересмотр ценностных парадигм, что отражается также в традиционном женском костюме – ключевом элементе материальной, духовной, художественной культуры народа. Утрата застежкой ворота важного смыслового содержания, этнопре-

деляющего и магического значения приводит к исчезновению центрального нагрудного аксессуара традиционной мордовской одежды. Нагрудные украшения сохраняют только эстетическую функцию, способствующую их быстрым изменениям в соответствии с веяниями моды и проникновением на рынок новых товаров.

Научная ценность этнокультурных сведений П. Секторова состоит в том, что благодаря им до нас дошли аутентичные наименования нагрудных украшений, которые в современной мокшанской речи уже не употребляются; сведения о бытовании подлинных изделий, созданных народными мастерицами, о реальной форме не сохранившейся до наших дней застежки ворота рубахи, о бисерном воротнике и бусах из стекляруса и монет, которые носили мокшанские женщины конкретных селений. Кроме того, сохранилась информация о бытовавших в то время эстетических потребностях общества, выраженных в изменении материалов, использовавшихся для оформления нагрудных украшений и обновления цветовых сочетаний.

Понимание закономерностей формирования традиционного костюма как важнейшего компонента мордовской культуры открывает новые возможности для правильного восприятия и осмысления ее истории и развития. Полученные результаты могут найти применение в решении сложных задач современности: высокий потенциал мордовской культуры актуален для использования в декоративно-прикладной деятельности, в современном дизайне. Научная база статьи заполняет некоторые «белые пятна» картографирования материальной культуры мордовского народа. С опорой на этнографические свидетельства можно определить территорию тех или иных особенностей аксессуаров традиционного мокшанского костюма, а также их фиксации в диалектной лексике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алихова А. Е. Из истории мордвы конца I – начала II тыс. н. э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959. С. 13–54. (Археологический сборник; т. 2).
2. Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973. 220 с. (Труды Мордовской этнографической экспедиции; вып. 3).
3. Белицер В. Н. Мордовские сюлгамы // Советская археология. 1977. № 2. С. 193–200.

4. Беляева Н. Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск: Морд. гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 2000. 262 с.
5. Вихляев В. И., Кемаев Е. Н. Лопастные сюльгамы как этноопределяющий признак средневековой мордовской культуры // Поволжская археология. 2019. № 4. С. 110–118. DOI: 10.24852/ра2019.4.30.110.118.
6. Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья: (Материалы к этногенезу). Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. 232 с.
7. Гольмстен В. В. Хронологическое значение эволюции древних форм // Известия Самарского государственного университета. Самара, 1923. Вып. 5. С. 1–20.
8. Корнишина Г. А. Женщина в традиционном мордовском обществе // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2022. С. 106–112.
9. Корнишина Г. А. Знаковые функции народной одежды мордвы. Саранск: Морд. гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 2002. 68 с.
10. Корнишина Г. А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, форма бытования. Саранск: Морд. гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева, 2000. 150 с.
11. Крюкова Т. А. Мордовское народное изобразительное искусство: Вышивка, шитье бисером, узорное тканье, резьба по дереву. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. 121 с.
12. Майнов В. Н. Один день среди «мокши» (Отрывок из записной книжки) // Древняя и Новая Россия. 1878. Т. 3, № 10. С. 117–134.
13. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санктпетербургской Императорской Академии Наук: в 3 ч. Ч. 2, кн. 2. 1770 год. СПб.: Императ. Академия Наук, 1786. 575 с.
14. Примеров А. Село Каменный-Брод Краснослободского уезда (Историко-статистическое описание прихода) // Пензенские епархиальные ведомости. 1872. № 6. С. 185–194.
15. Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии: По материалам экспедиции 1925 года. Пенза: Типолит. им. Воровского, 1928. 46 с. (Средне-Волжский Пензенский областной музей; вып. 3).
16. Степанов П. Д. Андреевский курган: К истории мордов. племен на рубеже нашей эры. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. 108 с.
17. Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: сб. избр. ст. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. Ч. 3. 244 с.
18. Шигурова Т. А. Женский костюм мордвы-мокши Инсарского уезда Пензенской губернии XIX века: локальные особенности // Человек и культура. 2021. № 4. С. 91–105. DOI: 10.25136/2409-8744.2021.4.36337.
19. Шигурова Т. А. Костюм мордовского народа в обычаях и обрядах: моногр. М.: ИНФРА-М, 2020. 171 с.
20. Шигурова Т. А. Накосник пулокерь как компонент мокшанского национального костюма: к проблеме генезиса и этнокультурных смыслов // Человек и культура. 2023. № 3. С. 69–84. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.3.40553.
21. Heikel A. O. Mordvalaisten pukuja ja kuoseja = Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1899. XXVII S.

Поступила 23.04.2022; одобрена 25.09.2022; принята 30.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Т. А. Шигурова – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, shigurova_tatyana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5342-8471>

Breast decorations of the middle of the XIX century in the Moksha women's costume of the Insar district: a local version of the villages of Levzha, Perkhlyai, Suzgarye

Tatiana A. Shigurova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. The article discusses the features of the breast decorations of the local version of the traditional clothing of the Moksha women of the Insar district of the Penza province.

Materials and Methods. The data on Moksha women's costume of Penza province from written sources of the Russian Geographical Society of the mid-XIX century, reports published in the Penza diocesan bulletins, as well as from historical and ethnographic works of the XIX century are studied and summarized. An attempt is made to compare written evidence about breast jewelry with visual materials of archaeological excavations of a pagan burial ground of the XVIII century, conducted near the village of Levzha in the summer of 2021. The methodological basis of the study was the comparative-historical method, as well as methods of comparison and contrast of written and visual sources, and analysis of their content.

Results and Discussion. The specificity of breast ornaments of Moksha women's costume of the mid-XIX century, revealed as a result of reconstruction and analysis of the forms of products, materials, manufacturing technology and (authentic) names of jewelry, testifies to the complex processes of ethnogenesis in the XVII–XVIII centuries, caused by the resettlement of a significant number of the Erzya population in the south and southeast directions. In addition, the rapid changes in decoration were associated with the development of capitalism in Russia and the Christianization of the Mordovian people.

Conclusion. The uniqueness of breast decorations of the mid-XIX century in the Moksha costume, due to the synthesis of elements *kirmish*, *sie*, *krjanya*, *kyrgavax*, which were used in the villages of Levzha, Perkhlyai, Suzgarye of Insar uyezd, can be used for mapping the material culture of the Mordovian ethnos. Being the result of creative activity of a Mordovian woman, jewelry was a source of socially significant information about the world, embodied in visual, aesthetic and material forms.

Keywords: Mordovian people, ethnic culture, traditional Moksha costume, breast decorations, Russian Geographical Society, archaeological excavations, pagan burial ground of the XVIII century

For citation: Shigurova TA. Breast decorations of the middle of the XIX century in the Moksha women's costume of the Insar district: a local version of the villages of Levzha, Perkhlyai, Suzgarye. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;3:368–379. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.368-379.

REFERENCES

1. Alikhova AE. From the history of the Mordovians of the end of the I – the beginning of the II millennium AD. *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda* = From the ancient and medieval history of the Mordovian people. Saransk; 1959;2:13–59. (In Russ.)
2. Belitser VN. Folk clothing of the Mordovians. Moscow; 1973;3. (In Russ.)
3. Belitser VN. Mordovian sulgams. *Sovetskaya arkheologiya* = Soviet archeology. 1977;2:193–200. (In Russ.)
4. Beliaeva NF. Traditional education of children among Mordovians. Saransk; 2000. (In Russ.)
5. Vikhlyayev VI, Kemaev EN. The syul'gamas with triangular blades as ethnicity marking indicator of medieval Mordovian culture. *Povozhskaya arkheologiya* = The Volga River Region Archaeology. 2019;4:110–118. (In Russ.). DOI: 10.24852/pa2019.4.30.110.118.
6. Gagen-Torn NI. Women's clothing of the peoples of the Volga region: (Materials on ethnogenesis). Cheboksary; 1960. (In Russ.)

7. Gol'msten VV. Chronological significance of the evolution of ancient forms. *Izvestiia Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* = News of Samara State University. Samara; 1923;5:1–20. (In Russ.)
8. Kornishina GA. A woman in traditional Mordovian society. *Traditsionnye obshchestva: neizvestnoe proshloe: materialy XVIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Traditional societies: the unknown past. Materials of the XVIII International scientific and practical conference. Chelyabinsk; 2022:106–112. (In Russ.)
9. Kornishina GA. Iconic functions of Mordvinian folk clothing. Saransk; 2002. (In Russ.)
10. Kornishina GA. Traditional customs and rituals of the Mordovians: historical roots, structure, form of existence. Saransk; 2000. (In Russ.)
11. Kriukova TA. Mordovian folk fine arts: Embroidery, beadwork, patterned weaving, wood carving. Saransk; 1968. (In Russ.)
12. Mainov VN. One day among “moksha” (Excerpt from a notebook). *Drevniaia i Novaia Rossiia* = Ancient and New Russia. 1878;3;10:117–134. (In Russ.)
13. Pallas PS. Travel to different places of the Russian state at the behest of the Saint-Petersburg Imperial Academy of Sciences. Saint-Petersburg; 1786;2;2. (In Russ.)
14. Primerov A. The village of Kamenny-Brod, Krasnoslobodsky district. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti* = Penza Diocesan Gazette. 1872;6:185–194. (In Russ.)
15. Sprygina NI. Clothing of the Mordovians-Moksha of Krasnoslobodsky and Bednodemyanovsky districts of the Penza province: Based on materials from the 1925 expedition. Penza; 1928;3. (In Russ.)
16. Stepanov PD. St. Andrew's Kurgan: On the history of the Mordovian tribes at the turn of our era. Saransk; 1980. (In Russ.)
17. Tsygankin DV. Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist. Collection of selected articles. Saransk; 2013;3. (In Russ.)
18. Shigurova TA. Mordvinian (Moksha) women's costume of the Insar district of Penza province of the mid XIX century: local peculiarities. *Chelovek i kul'tura* = Man and Culture. 2021;4:91–105. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-8744.2021.4.36337.
19. Shigurova TA. Costume of the Mordovian people in customs and rituals. Monograph. Moscow; 2020. (In Russ.)
20. Shigurova TA. Nakosnik puloker as a component of the Moksha national costume: on the problem of genesis and ethno-cultural meanings. *Chelovek i kul'tura* = Man and Culture. 2023;3:69–84. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-8744.2023.3.40553.
21. Heikel AO. Mordvalaisten pukuja ja kuoseja = Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors; 1899.

Submitted 23.04.2022; reviewing 25.09.2022; accepted 30.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

T. A. Shigurova – Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies and Library and Information Resources, National Research Mordovia State University, shigurova_tatyana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5342-8471>

ГАБОРУ БЕРЕЦКИ – 95 | GÁBOR BERECZKI – 95

В 2023 г. марийское научно-педагогическое сообщество отмечает 95 лет Габора Берецки – выдающегося венгерского финно-угроведа, доктора филологических наук, профессора, крупного исследователя марийского языка, во многом определившего развитие марийского языкознания.

Габор Берецки родился 24 марта 1928 г. в юго-восточной Венгрии, в селении Бекеш (комитат Бекеш), в семье потомственных крестьян. Здесь же с отличием окончил реформаторскую гимназию. Еще в годы учебы в гимназии огромное влияние на мальчика оказала книга Миклоша Жирази “Finnugor rokonsagunk” («Наше финно-угорское родство»), благодаря которой он нашел дело своей жизни – исследование финно-угорских языков. В 1948 г. поступил в Университет имени Петера Пазманя в Будапеште (ныне Университет имени Лоранда Этвёша), но со второго курса в качестве стипендиата перевелся в Бухарестский университет для изучения румынского языка и литературы. Усваивать этот язык ему помогало знание французского и латинского языков. В 1952 г. окончил вуз с дипломом учителя.

Осенью 1952 г. Г. Берецки начал работать в Институте языкознания Венгерской академии наук, откуда вскоре был направлен в аспирантуру Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова на кафедру финно-угорских языков. В Ленинграде он контактировал с марийскими лингвистами и приобрел практические знания языка. Одновременно в течение трех лет проработал лектором венгерского языка.

В годы учебы в аспирантуре параллельно изучал эстонский язык. Часто ездил в Тартуский университет к заведующему кафедрой финно-угорских языков академик Паулю Аристе, который помогал ему своими советами и направлял в научных изысканиях. Во время

поездок в Эстонию познакомился со своей будущей женой Маей Киск (в дальнейшем преподаватель эстонского языка в Университете имени Лоранда Этвёша, переводчик эстонской и венгерской поэзии и литературы). В 1957 г., после окончания аспирантуры, вернулся в Институт языкознания Венгерской академии наук и начал работать ассистентом.

9 мая 1958 г. в Ленинградском государственном университете Габор Берецки защитил кандидатскую диссертацию на тему «Финно-угорские элементы в лексике марийского языка». В результате сравнительно-исторического исследования лексической системы марийского языка с учетом опубликованных материалов им было выявлено около 700 марийских слов, имеющих соответствия в финно-угорских языках. Впоследствии в различных финно-угорских журналах он опубликовал значительное количество этимологических этюдов, написал немало теоретических работ.

С 1959 г. работал старшим преподавателем, затем доцентом кафедры финно-угорских языков Университета имени Лоранда Этвёша. С 1973 г. заведовал кафедрой, в 1979 г. получил звание профессора.

В октябре 1987 г. в Венгерской академии наук защитил докторскую диссертацию “A cseremis nyelvörténet alapjai” («Основы исторической грамматики черемисского языка»). Потребовалась исключительная работоспособность профессора, чтобы создать этот труд как обобщение результатов своей работы и прежних исследований в области исторической фонетики, морфологии, лексикологии марийского языка. В 1994 г. в Сегеде диссертация была опубликована под заглавием “Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I–II” («Основы истории марийского языка») (Studia Uralo-Altaica; 34–35).

В 1986–1995 гг. Г. Берецки работал в университете г. Удине (Италия), где наряду с венгерским языком преподавал эстонский, финский, марийский языки и финно-угроведение. В центре внимания исследователя всегда были марийцы, в частности история и лексика языка, а также языковые контакты между финно-угорскими и тюркскими языками Поволжья.

Г. Берецки был избран почетным доктором ряда зарубежных университетов, в том числе Тартуского (Эстония; 1990), был почетным членом Финского литературного общества, Общества «Калевала», Финно-угорского общества (Финляндия); Общества родного языка (Эстония); Урало-алтайского общества (Германия). Президент Венгрии наградил его орденом «За заслуги» (2003), президент Финляндии – Рыцарским орденом Белой Розы, Президент Эстонии – орденом «Крест Маарьямаа» (1998). В 2005 г. ученый был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл». Награду ему вручили 20 августа в Йошкар-Оле на церемонии закрытия X Международного конгресса финно-угроведов.

Среди финно-угроведов Г. Берецки известен прежде всего как исследователь марийского языка и его диалектов. В Марийской республике он побывал более 10 раз, объездил почти все районы, собрал богатейший диалектный и фольклорный материал. Это был ученый весьма широкого диапазона, создатель новых принципов в изучении марийского языка. Велики его заслуги в области исторической фонетики, морфологии и синтаксиса, а также диалектологии.

По инициативе и при поддержке венгерского композитора Золтана Кодая Г. Берецки вместе со своим коллегой, музыковедом и этнографом Ласло Викаром с 1958 г. собирал материалы по языку, фольклору, народной му-

зыке в Волго-Камском регионе. По мнению марийских лингвистов и историков, это был дружный работоспособный дуэт энтузиастов. Они вдвоем посетили более 300 деревень, записали около 4 000 марийских, удмуртских, мордовских, чувашских, татарских и башкирских песен, провели сравнение народной музыки Волго-Камского региона с венгерской народной музыкой. Собранные материалы были опубликованы в антологиях “Cheremis Folksongs” («Черемисские народные песни»; 1971), “Chuvash Folksongs” («Чувашские народные песни»; 1979), “Votyak Folksongs” («Удмуртские народные песни»; 1989), “Tatar Folksongs” («Татарские народные песни»; 1999). За эти работы авторы были удостоены Гран-при Венгерской академии наук. Любопытный, а также юмористический взгляд Г. Берецки на жизнь нашел отражение в его мемуарах “A Nevatol az Uralig” («От Невы до Урала»; 1994).

Самый значительный вклад ученый внес в разработку теоретических вопросов лексикологии и лексикографии марийского языка. В анализе диахронических проблем языка Г. Берецки весьма умело, но очень осторожно опирался на традиции исторической компаративистики и достижения контрастивной лингвистики. Предложенная им интерпретация сложных вопросов, касающихся марийского языка, в работах “L’unité finnoise de la Volga a-t-elle e jamais existé?” («Существовала ли когда-нибудь волжская финская часть?»; 1982) и др. не вызывает сомнений. Благодаря его самоотверженному редакторскому труду научный мир Республики Марий Эл получил многотомный словарь Эдена Беке “Mari nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch)” («Словарь марийских диалектов»; 1997–2001). Изданную в 2002 г. монографию “A cseremis nyelv történeti alaklana” («Историческая морфология марийского языка») можно рассматривать как обобщение исследований, связанных с марийцами. Книга “Magyar nyelv finnugor alapjai” («Финно-угорские основы венгерского языка»), выдержавшая несколько переизданий, предназначена для венгерских студентов.

Марийским языком Г. Берецки владел и преподавал его в Буда-

пешском университете. Он написал учебник марийского языка “Chrestomathia ceremissica” («Хрестоматия черемисского языка»; 1990), куда наряду с фольклором включил и отрывки из произведений марийских писателей О. Шабдара, С. Чавайна, М. Казакова и др. В его переводе стихи марийских поэтов Н. Мухина, Й. Кырли, Г. Матюковского, В. Колумба вошли в антологию финно-угорской литературы, изданную в 1974 г.

Профессор является автором многих научных трудов и учебников для университетов, среди которых следует отметить “Cseremisiz (mari) nyelvkönyv” («Грамматика черемисского (марийского) языка»; 1971), “Fondamenti di linguistica ugrofinnica” («Основы финно-угорского языкознания»; 1998), “Bevezetés a balti finn nyelvészethez” («Введение в прибалтийско-финское языкознание»; 2000) и др.

Ученому принадлежит множество статей о взаимоотношениях между волжско-финскими и пермскими языками: “Permi-cseremisiz lexikális kölcsönzések” («Пермско-черемисские лексические заимствования»; 1977), “A Volga-Kármavidék nyelveinek areális kapcsolatai” («Ареальные отношения между языками Волго-Камского региона»; 1983), “Türkische Züge in der Struktur des Syrjänischen und ihr Ursprung” («Турецкие черты в составе коми-зырянского языка и их происхождение»; 1992), “Der Sprachbund des Volga-Kama region” («Языковое объединение Волго-Камского региона»; 2007) и др.

Габор Берецки всегда был последователен и целеустремлен в своих творческих поисках, имел широкий кругозор, обладал поистине энциклопедической эрудици-

ей в области финно-угроведения. В последние годы он вместе со своей бывшей студенткой, тюркологом Кларой Адягаши работал над составлением большого эстонско-венгерского словаря, этимологического словаря марийского языка, а также над переводом марийского эпоса “Югорно”, появлению которого очень радовался и которым восхищался.

Помимо научной работы Г. Берецки был переводчиком. Его языковые навыки были широкими и глубокими и варьировались от языков европейской культуры, например, до уральских языков или тюркских языков Поволжья. С финского языка на венгерский он перевел “Ismeretlen katona” («Неизвестный солдат»; 1982) Вяйно Линна и “Moréna” («Морена»; 1977) Лаури Виита; с эстонского на венгерский – первую часть цикла романов “Tõde ja õigus” («Правда и справедливость») Антона Хансена Таммсааре “Wargamäe” («Варгамяэ») под заглавием “Orcád verítékével” («В поте лица»; 1967), романы “A car õrültje” («Царский безумец», 1983) и “Martens professzor elutazása” («Отъезд профессора Мартенса», 1989) Яана Кросса и “A történelem szépsége” («Красота истории», 1998) Вивви Луик.

По инициативе и под руководством профессора университет в Будапеште стал базой для всех финно-угров, где почти еженедельно, как дома, собирались люди для долгих, веселых посиделок, естественным затейником которых был Габор Берецки. Он был признанным авторитетом на международном уровне в финно-угроведении, уважаемым преподавателем среди студентов и счастливым отцом, дедом.

Валерий Николаевич Максимов – кандидат филологических наук, доцент кафедры марийского языка и литературы, заведующий НОЦ языковых технологий “Марий йылме” Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Россия, sernur@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>

Valerij N. Maksimov – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of the Mari Language and Literature, Head of the Research Center of Language Technologies “The Mari Language”, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, sernur@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>

Рецензируемый научный журнал «**Финно-угорский мир Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

5.6. Исторические науки – 5.6.1. Отечественная история; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

5.9. Филологические науки – 5.9.5. Русский язык. Языки народов России; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (финно-угорские и самодийские); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

5.10. Культурология и искусствоведение – 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор:

Макаркин Николай Петрович, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения.

Научные редакторы:

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Филологические науки»;

Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Исторические науки»;

Бояркин Николай Иванович, доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Культурология».

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal’s sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

5.6. History – 5.6.1. National history; 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography; 5.6.7. History of international relations and foreign policy;

5.9. Philology – 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia; 5.9.6. Languages of the peoples of other countries (Finno-Ugric and Samoyedic); 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics;

5.10. Cultural studies and art history – 5.10.1. Theory and history of culture, art.

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the “List of Russian peer-reviewed academic journals approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish research results of Dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences”.

Editor in Chief:

Nikolay P. Makarkin, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies

Editorial Board:

Natalya M. Mosina, Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Philology”;

Galina A. Kornishina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University, section “History”;

Nikolay I. Boyarkin, Doctor of Art History, Professor, Leading Researcher of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Cultural Studies”.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RSCI) on the Web of Science platform

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich’s Global Serials Directory

Главный редактор *Н. П. Макаркин*
Заместитель главного редактора *А. В. Родняков*

Научные редакторы:
Н. И. Бояркин, Н. М. Мосина, Г. А. Корнишина

Редактор *Е. С. Руськина*
Верстка и дизайн *Л. В. Калачина*
Корректор *Е. В. Савойская*
Перевод *О. С. Сафонкина*

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Рукописи не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

На обложке: 1-я стр. – рисунок Е. М. Корнеева «Финляндцы» из книги «Народы России, или Описание обычаев, нравов и костюмов разных народов Российской империи»;

4-я стр. – фрагмент творческой работы А. Тумайкиной «Свадебный текстильный комплект». Вышивка, 2015

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Assistant Editor *A. V. Rodniakov*

Editorial Board:
N. I. Boyarkin, N. M. Mosina, G. A. Kornishina

Editor *E. S. Ruskina*
Layout design *L. V. Kalachina*
Correction by *E. V. Savoiskaia*
Translation by *O. S. Safonkina*

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

The Editorial board reserves the right not to return manuscripts.
Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

On the cover: page 1 – “Finlanders” from “The Peoples of Russia, or Description of the customs, characters and costumes of various Peoples of the Russian Empire” by E. M. Korneev;

page 4 – fragment of creative work by A. Tumaykina “Wedding textile set”. Embroidery, 2015